

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
славяноведение

6
1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6
1969

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>M. Б. Богданов.</i> Разработка марксистско-ленинской концепции развития сербской литературы в 30-е годы	3
<i>Л. С. Кишкин.</i> Россия в жизни и творчестве Миколаша Алеша	17
<i>Ю. Смоловский (ПНР).</i> Формы неземледельческих заработков крестьян в горнometаллургических районах Королевства Польского	34
<i>C. M. Стецкевич, B. A. Якубский.</i> К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе	49

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>B. Г. Пуцко.</i> Памятник средневековой сербской живописи в Троице-Сергиевом монастыре	54
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>P. П. Гришина, Л. Беров.</i> Положението на работническата класа в България при капитализма	59
<i>B. Тесемников.</i> Dr. Slavoljub Cvetković. Napredni omladinski pokret u Jugoslaviji 1918—1928	63
<i>C. H. Злунко.</i> Juliusz Łukasiewicz. Kryzys agrarny na ziemiach polskich w końcu XIX wieku	65
<i>Л. П. Лаптева.</i> Новые работы Фридо Метшка о лужицких сербах в системе немецких феодальных государств	66
<i>C. A. Никитин, С. В. Овнанин.</i> Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в.	68
<i>B. И. Фрейдзон.</i> Светозар Милетић и Народна странка, Грађа 1860—1885	70
<i>A. С. Мыльников.</i> Jan E. Purkyně. Sebrané spisy	73
<i>Л. Софронова.</i> Проблемы польского барокко	74
<i>B. T. Пащuto.</i> Труд польского историка о первом столетии русской церкви	78
<i>H. A. Дзенделевский.</i> Два сборника о Полесье	80

МОСКВА

<i>Альбин Копруковицк</i> (ПНР). Stanisław Krzykała. Rady Delegatów na Lubelszczyźnie 1918—1920	86
<i>Е. П. Наумов</i> . Документы по истории Сербии после освобождения от турецкого ига	88
<i>С. М. Трусевич</i> . «Kraków w powstaniu styczniowym»	91
<i>Д. Белкин</i> . Работы немецких ученых по славистике	92
<i>И. Н. Лозинский</i> . О Галине Гурской тщательно и с любовью	93

Б иблиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1969 г. (продолжение)	96
Содержание иностранных журналов	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>П. И. Резонов</i> . К 25-летию Словацкого восстания	102
<i>В. С. Парсаданов</i> . Научная сессия в Минске	106
<i>Е. В. Пилишек</i> . Сессия, посвященная 25-летию народной Польши	106
<i>Г. Э. Санчук</i> . Научная сессия польских и советских историков, посвященная проблеме раннефеодальных государств	109
<i>Е. Львова</i> . Комплексный научный симпозиум в Софии	111
<i>Л. Г. Смирнов</i> . Конференция по истории славянских литературных языков донационального периода	112

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1969 г.	116
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, [Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
 редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ]
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

М. Б. БОГДАНОВ

РАЗРАБОТКА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 30-е ГОДЫ

В развитии сербской литературы периода между двумя мировыми войнами достаточно четко различаются два этапа. Первый из них, длившийся свыше десяти лет (1918—1929 гг.), характеризуется появлением экспрессионизма, завоевавшего в первые послевоенные годы доминирующее место в литературной жизни. Второй этап, начавшийся в конце 20-х годов и продолжавшийся до оккупации Югославии гитлеровскими захватчиками (1941 г.), связан с большим подъемом революционного течения в сербской литературе, что привело к качественному изменению литературного процесса в целом.

Поворот в развитии сербской литературы, наметившийся в конце 20-х годов, был обусловлен как положением, сложившимся к этому времени в самой литературе, так и крупными переменами, происходившими в общественной жизни страны, под влиянием которых начался процесс новых идеино-эстетических и политических размежеваний в рядах сербской творческой интеллигенции. Характерно, что уже с середины 20-х годов на страницах литературных журналов и газет все чаще появлялись статьи, в которых говорилось об углубляющемся кризисе в литературе и даже во всей культуре. С такими статьями выступали писатели различных направлений — от экспрессионистов до сторонников традиционного реализма. Неблагополучное положение в литературе с большой тревогой и озабоченностью отмечали также критики и литературоведы, весьма разные по эстетическим взглядам и мировоззрению. Причины и сущность кризисного состояния сербской литературы каждый объяснял по-своему, в зависимости от того, к какому течению примыкал. Поэт-экспрессионист Т. Манойлович, например, причину кризиса видел в равнодушии, которое, по его словам, проявляло тогдашнее сербское общество по отношению к «высшим формам культурной жизни». Но одновременно он отмечал, что сама литература страдает отсутствием «ясной духовной концепции жизни» и «серьезной философской основы»¹. Редактор влиятельного белградского литературного журнала «Мисао» В. Живоинович видел главный недостаток сербской литературы первого межвоенного десятилетия в ее «фрагментарности» и «отсутствии общей духовной устремленности»². Особый интерес представляет анализ и оценка положения в югославских национальных литературах того времени, данные известным хорватским литературоведом А. Барцом

¹ Т. Манојловић. Наша културна криза. «Летопис Матице српске», март, 1927, кн. 311, св. 3.

² В. Живоинович. Фрагментарност наше књижевности. «Мисао», 1931, св. 1—2.

в статье «Сумрак литературае». Он писал, что литературе тех лет не хватало размаха, ясных горизонтов и четкой позиции по отношению к обществу. Все это вместе с общей идеиной дезориентированностью привело к тому, что литература «находится где-то в стороне от жизни», а если и затрагивает проблематику современной жизни, то «скользит по поверхности»³. Приблизительно такие же суждения высказывал на страницах старейшего литературного журнала «Летопис Матице српске» С. Предич. Указав на ряд конкретных фактов, характеризующих тогдашнее положение в литературе, он пришел к выводу, что, за исключением произведений нескольких талантливых писателей, большая часть появившихся в эти годы литературно-художественных произведений очень далека от широких масс читателей, их интересов и духовных потребностей, и «именно в этом необходимо искать объяснение их неуспехов»⁴.

Из этих и других многочисленных свидетельств современников явствует, что одна из основных причин тогдашнего кризиса литературы заключалась в ее оторванности от жгучих проблем современной жизни, в ее идеином разброде и дезориентированности. И это было характерно в той или иной степени для всех существующих в ту пору литературных течений в Сербии. Если в первые годы после окончания первой мировой войны писатели экспрессионистского течения, выражая свои антивоенные настроения и неудовлетворенность действительностью, создавали произведения, которые были более или менееозвучны настроениям широких общественных слоев, а их протест, хотя он и носил индивидуалистически-анархический характер, был иногда направлен против действительно отрицательных явлений жизни, то в дальнейшем тенденция ухода от действительности, наметившаяся в самом начале, приобрела главенствующее место в их творчестве. Отсутствие какого бы то ни было желания у ведущих представителей этого течения (М. Црнянский, Р. Петрович, С. Винавер и др.) воспринять революционную идеологию и слиться с революционными силами привело к тому, что пафос протesta в их произведениях все больше уступал место примирению с действительностью, а у некоторых — и к апологетике существующего общественного строя (М. Црнянский). Вследствие этого уже к середине 20-х годов авторитет экспрессионизма начал быстро падать. Его прогрессивность и его «авангардизм», потеряв реальную почву, стали окончательно иллюзорными даже в глазах его виднейших представителей, не говоря уже о поколении молодых писателей, только вступивших на литературное поприще.

Оторванность от современных жизненных проблем была в еще большей степени характерна для символистско-парнасовского течения. Представители этого течения (Й. Дучич, С. Пандурович) оказались наименее способными идти в ногу с новым временем, принять новые идеи и ощутить дух новых движений в общественной жизни. Они были консерваторами не только в своих общественно-политических воззрениях, но и по эстетическим позициям. Яростно полемизируя с экспрессионистами в первые послевоенные годы и с новыми течениями, возникшими в конце 20-х годов, символисты варьировали старые мотивы бренности и ничтожности мира, отстаивая теорию абсолютной несоциальности литературы, бергсоновский интуитивизм и ницшеанский индивидуализм, соединяя все это с религиозностью и мистикой⁵. Поэтому символизм в сербской литературе межвоенного периода по своим идейным основам и по художественной практике

³ А. Барац. Сутон литературе. «Мисао», 1928, св. 5—6.

⁴ С. Предич. Још о кризи књиге. «Летопис Матице српске», март 1927, књ. 311, св. 3.

⁵ Ј. Дучич. Мисли о песнику. «Српски Књижевни Гласник», 1924, књ. XII, бр. 1.

представлял бледный, безжизненный анахронизм, пока как течение совсем не исчез с литературной арены.

Весьма сложно протекало в первом десятилетии межвоенного периода развитие сербского критического реализма. Эстетические принципы, демократически-гражданская направленность, тесная связь с жизнью своей эпохи обеспечили писателям этого течения в начале XX в. возможность достичь высокого идейно-художественного уровня и создать произведения непреходящей ценности. Однако в первые межвоенные годы это течение, всегда отличавшееся демократизмом, сочувствием к простому народу и остро критическим отношением к существующему общественному строю, на какое-то время ослабило эти качества, что привело к ощущимой утрате его значения в литературной жизни страны. Важной причиной спада реализма в первые межвоенные годы было то, что в новых условиях обостренной классовой борьбы и подъема революционного движения большинство писателей-реалистов как старшего, так и молодого поколения не смогли сразу сориентироваться, увидеть новые тенденции в развитии общественной и духовной жизни. Ослепленные блеском военных побед и созданием нового независимого государства, объединившего югославянские земли, реалисты старшего поколения не смогли на первых порах разглядеть реальные социальные и политические основы, на которых было создано это объединение, увидеть реакционный характер политики правящих кругов. Вследствие этого критическая острота их произведений заметно ослабла. К тому же, поскольку писатели-реалисты своими первыми послевоенными произведениями не внесли в литературную технику ничего существенно нового, они выглядели в глазах современников, и особенно в глазах литературной молодежи, носителями консервативных взглядов и устаревшего творческого метода. Впрочем, несмотря на их слабости, на колебания в оценке послевоенной действительности, писатели реалистического течения и в первые межвоенные годы были гораздо ближе к современной жизни, чем символисты и экспрессионисты.

Новая обстановка, сложившаяся в стране, настоятельно выдвигала новые задачи перед литературой. В конце 20-х годов в Сербии, как и во всей Югославии, уже развеялись все иллюзии о благодатях «свободы» под эгидой монархического режима. Внутри страны все более обострялись противоречия — и социальные, и политические, и идеологические. А когда разразился мировой экономический кризис, в Югославии, стране отсталой и полуколониальной, гнет эксплуатации, нищета и безработица приобрели чудовищные размеры. Борясь с возрастающим недовольством широких масс, правящие круги применяли самые суровые меры, а в 1929 г. в стране открыто была введена террористическая военно-монархистская диктатура фашистского типа.

Именно в этой накалившейся общественной атмосфере все более настойчиво возникала потребность в том, чтобы литература обратилась к современной социальной проблематике, к разработке новых пластов действительности, оставшихся до тех пор или совсем неосвещенными или лишь отчасти затронутыми литературой. Однако дело было не только в том, чтобы сменить тематику, точнее ввести новые проблемы, хотя и это для тогдашней сербской литературы имело немалое значение. Более существенными и трудными были поиски новых идейно-эстетических основ литературы, теоретическое и практическое решение вопроса о методе художественного творчества. Это ощущала большая часть прогрессивной интеллигенции, начавшая заметно поворачивать влево и искать более тесный контакт с революционным рабочим движением. Для писателей младшего поколения все это становилось еще более очевидным и потому, что ни в одной из эстетических концепций, имевших хождение в то время, они не смогли найти удовлет-

ворительного ответа на вопрос: какой должна быть литература, чтобы вновь вернуть утраченный в эти годы авторитет и общественную значимость.

Но поиски новых творческих путей писателями, отрицательно относившимися к буржуазному обществу, его идеологии и господствующим эстетическим взглядам, не шли в одном направлении. Чтобы найти ответ на волновавшие вопросы, довольно значительная группа молодых литераторов обратилась к революционной идеологии, к трудам Маркса, Энгельса и Ленина. Другая группа молодых писателей считала, что фрейдистские теории и концепции представляют тот указатель пути, в котором нуждается сербская литература.

В результате этих различных по своему направлению поисков в сербской литературе в конце 20-х годов возникли одновременно два литературных течения — опирающаяся на идеологию пролетариата «социальная литература», и сюрреализм, философскую основу которого представлял фрейдизм в сочетании с анархо-индивидуализмом. Оба эти течения, каждое по-своему, выступали с критикой господствующей идеологии и эстетики, а поскольку их идеально-эстетические основы коренным образом отличались друг от друга, то и между ними с самого начала завязалась острая полемика, продолжавшаяся в той или иной форме в течение всего второго межвоенного десятилетия.

Течение «социальная литература», возникшее в 1928—1929 гг. и носившее общеюгославский характер, в Сербии представляло первое революционное течение в литературе межвоенного периода в то время, как в Хорватии и Словении оно было продолжением и дальнейшим этапом в развитии того революционного литературного течения, которое в этих национальных литературах появилось сразу после первой мировой войны.

Одной из первых практических попыток объединения литераторов новой революционной ориентации в масштабах всей Югославии была подготовка поэтического альманаха «Книга товарищей», которая началась в 1928 г. по инициативе двух молодых писателей — И. Поповича и Н. Симича⁶. В том же году появились и первые журналы нового течения — «Нова литература» в Белграде и «Критика» в Загребе. Журнал «Нова литература», объединивший вокруг себя представителей не только сербской, но и других национальностей, в конце 1928 г. начали издавать братья П. и О. Бихали вместе с группой прогрессивных деятелей литературы и культуры, среди которых были выдающиеся публицисты, члены КПЮ, О. Кершовани и В. Маслеша. Одновременно на средства братьев Бихали было создано и издательство «Нолит», которое существовало до самой оккупации Югославии (1941 г.) и играло исключительно большую роль в развитии революционной литературы, публикуя произведения отечественных авторов и переводы произведений советских и других прогрессивных писателей мира⁷.

Появление «социальной литературы» и ее журналов привлекло внимание всей общественности, и не только демократических, но и реакционных кругов. Революционно настроенная молодежь и демократические круги с симпатией относились к формирующемуся новому литературному течению, несмотря на ряд недостатков, которые обнаружились в этой первой фазе его развития. Реакция, и политическая и литературная, сразу же выступила с ожесточенными нападками на него. Правящие круги всячески — и полицейским преследованием сторонников новой литературы и цензурными организациями — пытались помешать его развитию. Одновременно

⁶ Альманах не додел до читателей, так как полиция конфисковала и уничтожила весь тираж книги, арестовав при этом всех участников его создания.

⁷ См. Др. Сл. М а р к о в и ћ. Часопис «Нова литература» и издавачко предузеће «Нолит». «Књижевност и језик», 1965, бр. 2.

с этим и консервативно настроенные литераторы в своих журналах и изданиях обрушились с нападками на политическую и эстетическую ориентацию нового течения. Против «социальной литературы» выступали не только литераторы, которые еще в первом межвоенном десятилетии засвидетельствовали свою консервативность, но и ряд писателей, декларировавших в послевоенные годы свою симпатию к рабочему классу, к Советскому Союзу (С. Винавер) и кичившиеся даже своей «революционностью» (М. Црнянский)⁸. Однако все это не смогло остановить развития нового литературного течения, приобретавшего все большее число сторонников среди писателей, все большую популярность у читателей и влияние в литературной жизни страны. Один за другим возникали в Белграде и других городах журналы, организованные представителями «социальной литературы». И хотя власти, как правило, запрещали эти журналы, часто уже после выхода двух-трех номеров, взамен запрещенных изданий всегда возникали новые⁹.

Суровый полицейский режим в стране, делавший все возможное, чтобы воспрепятствовать распространению революционных идей, не был, однако, единственной преградой, которую должно было преодолевать новое литературное течение на пути своего развития. Существовали и трудности иного характера. Течение «социальная литература» возникло стихийно, не имея заранее ясно выработанной идеально-эстетической программы. Загнанная в это время в глубокое подполье и понесшая огромные потери в кадрах в момент установления монархо-фашистской диктатуры, Коммунистическая партия Югославии не смогла на первых порах оказать существенной помощи молодым, революционно ориентированным писателям ни в организационном, ни в теоретическом плане¹⁰.

Процесс внедрения марксистско-ленинских идей в сферу литературного творчества осложнялся еще и тем, что сторонники нового течения в тех условиях были почти совсем лишены возможности непосредственно

⁸ М. Црнянский опубликовал в официозе «Време» серию статей (в номерах от 9, 12, 13 и 22 марта 1932 г.) против журнала «Нова литература» и издательства «Нолит», объявляя их сотрудников и редакторов агентами «международного коммунизма и большевизма», что в условиях тогдашнего режима было равносильно прямому полицейскому доносу. Статьи Црнянского вызвали взрыв возмущения и всеобщее осуждение в кругах демократической культурной общественности. Около 150 писателей и деятелей культуры со всех концов Югославии опубликовали свои протесты в ежедневной печати (см. газету «Политика» от 24 и 26 марта 1932 г.). Позже в 1934 г. Црнянский, продолжая борьбу против революционной литературы, начал издавать журнал «Идея», в котором, наряду с различными националистами, фашистами и даже агентами полиции, сотрудничала группа литераторов, главным образом бывших экспрессионистов (С. Винавер, Т. Манойлович и др.).

⁹ Отличительной особенностью журналов «социальной литературы», как и самого течения, был интернационализм как в широком плане, так и в плане взаимоотношений национальных литератур Югославии. Писатели почти всех национальностей сотрудничали в этих журналах, где бы они не выходили — в Белграде, Загребе, Сараеве, Цетине и т. д. Помимо того, что это укрепляло солидарность революционных писателей и связи между национальными литературами, это давало возможность обеспечить преемственность самого движения. Если полиция, например, запрещала тот или иной журнал в Белграде, то писатели «социальной литературы» публиковали свои статьи и произведения в Загребе, Сараеве и наоборот.

¹⁰ Современный югославский исследователь С. Маркович в монографии, посвященной жизни и творчеству одного из инициаторов течения «социальная литература» И. Поповича, также отмечает тот факт, что в это время не существовало никакой выработанной партийной линии по вопросам литературы, ее ориентации, ее места и роли в обществе. «Все что делалось в этой области для того, чтобы направить литературное творчество к идейной и общественной ангажированности и к ведению теоретической борьбы в сфере литературы, явилось результатом усилий отдельных групп — членов Коммунистической партии и отдельных коммунистов или людей коммунистически ориентированных» (С. Маркович. Ј. Поповић. Живот и књижевно дело. Нови Сад, 1968, стр. 54).

знакомиться с произведениями Маркса, Энгельса и Ленина. Вследствие этого их знакомство с важнейшими положениями марксистско-ленинской философии и эстетики носило весьма отрывочный, фрагментарный характер, и нередко эти положения доходили до них в искаженном, упрощенном и вульгаризированном виде. Касаясь состояния марксистской мысли в то время в Югославии и особенно в литературной среде, В. Маслеша в одной из статей писал: «Если не считать объяснений некоторых вопросов политической и экономической ситуации, у нас диалектический материализм не применялся, а основные принципы его метода у нас неизвестны»¹¹. А это, в свою очередь, затрудняло разработку новых идеино-эстетических основ литературного творчества, и приводило не только к ошибочным, упрощенным концепциям, но и к возникновению ряда недоразумений и конфликтов в кругах лево-ориентированных писателей.

Предисловие к «Книге товарищей», переписка между ее инициаторами и авторами, и статьи, опубликованные в журналах «социальной литературы» в конце 20-х и начале 30-х годов («Нова литература», «Критика», «Стожер», «Литература», «Нин» и др.) представляют интереснейший материал, из которого видно, как зарождались и формировались исходные идеино-эстетические концепции нового литературного течения.

В предисловии к «Книге товарищей», автором которого был Йован Попович (хотя под ним и стояла подпись «Редакторы»), на первое место выдвигалась мысль о том, что литература должна служить не литературным гурманам, а широким массам, что писатели должны увидеть и ощутить «муки угнетенных на всем земном шаре», соединить их крики в мощное обвинение, быть с угнетенными «в их протесте и бунте» и помочь им освободиться от страданий, порожденных «бесчеловечным порядком человечества». Особый интерес представляет заявление о том, что участники альманаха не стремятся к созданию какой-то новой рабочей идеологии, поскольку она уже создана, а желают своей поэзией помочь развитию сознательности рабочего класса¹².

В то время, когда был окончательно составлен альманах и писалось предисловие к нему, уже начал выходить журнал «Нова литература», где в статьях, рецензиях и заметках, написанных О. Кершовани, П. и О. Бихали, В. Маслешей и другими литераторами, развивались положения об общественной активности литературы в борьбе за прогресс, за интересы народа, за революционное преобразование общества. «В противоположность чисто формальной революционности поколения Винавера, Раствко Петровича, Драинца, Кракова, Миличча мы выдвигаем в первую очередь требование содержания. Мы добьемся того, чтобы вместо экзотических видений и вселенских экстазов подмечать конкретные элементы повседневной действительности и вдохновляться ими... Искусство — не только объект наслаждения и источник заработка, оно и сила»¹³.

Выступая с требованием активизации литературы в общественной борьбе, сторонники течения «социальная литература» исходили из известного марксистского тезиса о том, что художественная литература, как и любое другое духовное творчество, представляет общественное явление и, будучи частью надстройки, литература не только обусловлена общественными отношениями и является пассивным отражением этих отношений, но и фактором, который может иметь и имеет активное воздействие на общественную жизнь. Опираясь на этот тезис, они подчеркивали принципиальное различие своих взглядов на литературу и искусство от господствующих в

¹¹ V. M a s l e š a. Meringovi priloži istoriji literature. «Stožer», 1931, br. 7—8.
Цит. по кн.: V. M a s l e š a. Dela, Knj. III, Sarajevo, 1965, s. 373.

¹² Knjiga drugova. Beograd, 1951, s. 9—10.

¹³ O. K e g ſ o v a n i. Beleška o omladini. «Nova literatura», 1930, br. 1.

это время в сербской литературе взглядов идеалистической эстетики, которая рассматривала литературу как явление изолированное от общества и ее ценность определяла исключительно по формальным критериям. «В противоположность этому искусство, рассматриваемое с позицийialectического материализма, имеет социальную функцию, оно раскрывает социальные отношения, находится в идейной координации с общественным развитием, и, обусловленное общественными отношениями, влияет на правильное духовное развитие динамических социальных элементов»¹⁴.

Однако в дальнейшей конкретизации этих положений и более детальной разработке новой литературно-эстетической концепции, сторонникам «социальной литературы», особенно в начальной фазе ее развития, не всегда удавалось найти правильные решения для ряда проблем, в частности таких, как проблема соотношения художественной формы и содержания и проблема индивидуального и общественного факторов в художественном творчестве. Вокруг этого развернулись дискуссии и полемика не только между сторонниками «социальной литературы» и их идейными противниками — представителями символизма, экспрессионизма и сюрреализма, но внутри самого лагеря революционной литературы.

В своем стремлении преодолеть формализм, создавать литературу для пролетариата и трудящихся, акцентируя при этом идейно-содержательную сторону, некоторые из социальных литераторов проявили склонность к недооценке значения художественной формы. «Содержание — сущность искусства», — писал П. Бихали и делал из этого вывод, что форма в художественном произведении имеет «лишь секундарное значение»¹⁵. Не трудно заметить, что здесь сказалось влияние советских теоретиков «Пролеткульта». Следует, однако, заметить, что воздействие «Пролеткульта», которое особенно явственно проявилось в кругах югославских революционных литераторов после второй Харьковской конференции писателей (в ней участвовал и брат П. Бихали, О. Бихали), принявший, в частности, резолюцию по вопросу пролетарской и революционной литературы в балканских странах¹⁶. Воздействие «Пролеткульта» имело положительные и отрицательные последствия. Его положительной стороной было то, что оно ориентировало писателей на разработку рабочей тематики, стимулировало усвоение революционной идеологии, а также приобщение к литературе представителей пролетариата. Но вместе с тем, под влиянием «Пролеткульта», особенно в период издания журналов «Стожер» в Белграде и «Литература» в Загребе¹⁷, начали распространяться и упрощенные, вульгарно-социологические взгляды по некоторым вопросам литературы. Помимо недооценки художественной формы, некоторые из югославских революционных писателей восприняли известный пролеткультовский тезис «Стиль — это класс». С. Галогажа писал: «Социально-ориентированные писатели должны отдавать себе отчет в том, что рабочие литераторы не должны подражать писателям и литературе старого общества»¹⁸. Под влиянием пролеткультовских воззрений зародились тенденции сектантства, сужения тематики, вплоть до отбрасывания или недооценки некоторых литературных жанров, как, например, интимной лирики. Известный сербский кри-

¹⁴ Б. Радовановић. Два схваташа. «Разврше», 1932, бр. 2, стр. 66.

¹⁵ Ј. Мегіп (псевдонім П. Бихали). Kritika kontra kritika. «Stožet», 1932, бр. 2.

¹⁶ Вторая Международная конференция революционных писателей в Харькове 6—15 ноября 1930 г. М., 1931.

¹⁷ Журнал «Стожер» выходил с ноября 1930 г. по апрель 1935 г., редактором его был Й. Попович; журнал «Литература», редактором которого был С. Галогажа, выходил в 1931—1932 гг.

¹⁸ «Literatura», Zagreb, 1932, бр. 4.

тик М. Богданович, начавший свою деятельность еще в первые межвоенные годы на страницах журнала «Српски книжевни гласник», а позже примкнувший к течению «социальная литература» и бывший одним из редакторов «Нолита», подвергая резкой критике слашаво-сентиментальную лирическую поэзию некоторых молодых поэтов, выдвинул имеющий принципиальное значение тезис: «Как бы парадоксально это ни звучало, интимная лирика по самой сути своей неискрепна и даже фальшива. А деятельность в этой области в наше время — абсурдна»¹⁹.

Следует, между тем, отметить, что хотя вышеизложенные взгляды и занимали важное место в системе литературно-эстетических принципов нового течения в первой фазе его развития, и нанесли несомненный вред, ибо неправильно ориентировали молодых, неопытных писателей, было бы все же преувеличением сказать, что они в это время являлись определяющими. Как одна из тенденций в общей эстетической концепции «социальной литературы», подобные взгляды имели временный характер, и, что самое важное, их придерживались далеко не все представители нового течения, а те, которые в начале отстаивали эти взгляды, а в дальнейшей идеиной эволюции, своей и самого течения, постепенно их преодолевали.

Наряду с тенденцией вульгаризаторской интерпретации марксистско-ленинского учения о классовости литературы, с тенденцией абсолютизации этой классовости (вплоть до выдвижения тезиса о классовом характере и самой художественной формы как таковой) у литераторов, принадлежавших течению «социальная литература», тенденция более широкого подхода к проблемам отношения литературы и общества появилась с самого начала и в дальнейшем стала постепенно занимать ведущее место. Кроме компонентов творчества, отражающих его прямые связи с обществом и социальными классами, появилось стремление увидеть компоненты, выражающие эти связи в весьма опосредованном виде. Эта тенденция заявила о себе еще в начале 30-х годов в статьях В. Маслеша, а несколько позже и в статьях М. Богдановича, Й. Поповича, Р. Зоговича, и, особенно, Дж. Йовановича, который, порвав с сюрреализмом и присоединившись к коммунистическому движению, стал во второй половине 30-х годов одним из активнейших марксистских критиков и выдающихся теоретиков революционной литературы. В статье «Несколько методологических замечаний» В. Маслеша, перечисляя факторы, влияющие на литературу, отмечает не только социально-экономические условия, но указывает на большое значение индивидуально-психологических моментов в художественном творчестве. Ратуя за то, чтобы «социальная литература» утвердилась как литературное движение, «адекватное общественному движению масс», Маслеша вместе с тем подчеркивал, что она должна быть «не дидактической, не мещански утилитарной, не субъективно тенденциозной, а вестиристичной, революционно преобразующей, социально-тенденциозной, вследствие своей истинности»²⁰. В сущности такую же концепцию выдвигал в своих работах и Дж. Йованович в конце 30-х годов. Выступая против вульгарно-материалистических и субъективно-идеалистических точек зрения, он писал: «Научная теория искусства не может быть ни научной, ни теорией вообще, если она сводится лишь к социологическому или лишь к историческому объяснению возникновения художественного произведения, и тем более, если она основывается на чисто биологических, психологических, психоаналитических, или метафизических принципах, которые явно ненаучны или перестают быть научными, будучи применены в данной

¹⁹ М. Богданович. Лирске преживелости. «Политика», 17 марта 1931.

²⁰ V. Masleša. Nekoliko metodoloških primedbi: «Stožer», 1932, br. 2. Цит. по кн.: V. Masleša, Dela, Knj. III, Sarajevo, 1956, s. 367.

области. Исходить из действительно общественной и исторической обусловленности искусства значит ставить на хорошую основу научную историю искусства, однако, остановиться на этой общественно-исторической обусловленности и выдавать ее за теорию искусства — значит уходить от решения задачи²¹. В наше время эти положения уже давно стали одним из общих принципов марксистской эстетики, но в те годы и в особенности в сербской теории литературы и прогрессивной эстетической мысли подобная постановка вопроса представляла собой крупный шаг вперед.

Для кристаллизации идеально-эстетических принципов революционного течения и распространения его идейного влияния в литературной среде и общественной жизни большое значение, помимо повседневной полемики со сторонниками идеалистической эстетики и общественной реакции, имели те дискуссии, которые в 30-е годы велись среди творческой интеллигенции, которая с большей или меньшей последовательностью выражала свой протест и отрицательное отношение к существующему общественно-политическому строю и буржуазной культуре. В течение второго межвоенного десятилетия имели место три цикла такого рода дискуссий. Первый из них представляют дискуссии, которые велись сторонниками «социальной литературы» в начале 30-х годов на страницах журналов «Нова литература», «Стожер» в Белграде, «Критика», «Литература» — в Загребе и т. д. и группой левых сюрреалистов, издававших журналы «Трагови» и «Надреализм данас и овде». Эта дискуссия продолжалась до 1933 г., когда группа сюрреалистов распалась и сюрреализм как течение в сербской литературе перестал существовать. Второй цикл дискуссий имел место в 1934 г. на страницах журнала «Данас», который издавали в Белграде известный хорватский писатель М. Крлежа и сербский критик М. Богданович и в котором сотрудничали сторонники «социальной литературы», а также некоторые члены бывшей белградской группы левых сюрреалистов. И наконец, к третьему циклу относятся дискуссии, развернувшиеся в 1939—1941 гг. между сторонниками «социальной литературы» и сотрудниками журнала «Печат», выходившего в Загребе и возглавляемого М. Крлежей.

В ходе этих дискуссий, каждая из которых имела свои специфические особенности, обсуждались чрезвычайно важные вопросы не только литературно-эстетического, но и общего культурно-политического плана. Так, например, помимо общих проблем отношения литературы и общества, классового характера искусства, отношения литературы и революционного движения в дискуссиях поднимались вопросы об отношении рационализма и иррационализма в художественном творчестве, о роли таланта, а в конце 30-х годов центральное место заняла проблема партийности литературы и искусства. И хотя при этом было высказано немало крайних, явно несостоятельных взглядов, а полемика по принципиальным вопросам нередко сопровождалась неуместными личными нападками, эти дискуссии в целом сыграли положительную роль в борьбе за внедрение марксистско-ленинских идей в сферу литературы и искусства, так как при открытой конфронтации различных точек зрения создавалась возможность для того, чтобы выявить, какая из них является подлинно революционной, а какая несовместима с учением Маркса — Ленина. Кроме того, сами дискуссии, привлекая к себе внимание широких кругов не только литературной общественности, возбуждали, особенно среди революционно настроенной молодежи, интерес к марксистской теории, что имело большое значение.

Дискуссии между сторонниками «социальной литературы» и левыми сюрреалистами начались, как уже было сказано, с самого момента возник-

²¹ D. Јовановић. Realizam kao umetnička istina. «Преглед», 1938, св. 179—180 с. 689—690.

новения обоих течений²². Сербский сюрреализм имел в качестве идейно-теоретической базы концепции французских сюрреалистов (первый и второй манифести Бретона). В своих первых изданиях и публичных «бунтарских выступлениях» сюрреалисты больше стремились к тому, чтобы шокировать благонамеренную буржуазную публику, чем проложить какие-то новые пути в искусстве. Более того, увлеченные теорией Фрейда, они в своем анархическом отрицании «всех ценностей» вначале отрицали и самое художественную литературу. К социальным проблемам и к «социальной литературе» они относились скептически —пренебрежительно. Так, например, Дж. Йованович, будучи еще редактором журнала «Трагови», в 1929 г. заявлял, что его нисколько не волнуют «тысячи людей, которые в этот час умирают в разных местах планеты» (в этом он солидаризировался с А. Вучо — см. его книгу «Начала», 1929 г.), что создавать социальную литературу нет никакого смысла и что для него «святой Франциск смешон так же, как и Маркс и прочие великие социальные борцы»²³. Однако, спустя некоторое время, под влиянием обостряющейся общественной борьбы, а также идейной эволюции французских сюрреалистов, сербские левые сюрреалисты начинают искать пути к сближению с революционным рабочим движением и с течением «социальная литература». Представители «социальной литературы», подвергая принципиальной критике анархо-индивидуалистические и фрейдистские взгляды сюрреалистов, применяли по отношению к ним тактику «открытых дверей», давая им возможность печататься на страницах своих журналов. Эта тактика возникла вследствие того, что сторонники «социальной литературы» считали левых сюрреалистов группой, которая, несмотря на всю путаность своих взглядов и отрицательное отношение к «социальной литературе», все же оппозиционно настроена по отношению к буржуазному строю и его культуре. Исходя из этого, редакции «Новой литературы» и «Стожера» считали возможным и позитивное воздействие на эту группу и совместные выступления против реакции как в политической, так и литературной сфере²⁴. Такая тактика действительно дала некоторые позитивные результаты. Под влиянием критики со стороны революционных литераторов сюрреалисты начали значительно отступать от своих первоначальных позиций. Они начинают знакомиться с произведениями классиков марксизма, принимать идеи классовой борьбы (вместо анархистского «бунта») и признавать, хотя и с различными оговорками, правильность тезиса о социальной обусловленности литературы. Уже в конце 1931 г. наметился раскол в группе сюрреалистов, а несколько месяцев спустя, в начале 1932 г., выступая в дискуссии, которую сюрреалисты вели между собой на страницах своего журнала, Дж. Йованович приходит к выводу, что «чисто сюрреалистическая акция», если и не совсем излишня, то может быть оправдана лишь постольку, «поскольку она будет подчинена социальной левице» (этим термином из цензурных соображений обозначалась компартия.— М. Б.)²⁵. В той же дискуссии другой член группы — К. Попович поставил перед сюрреалистами следующую альтернативу: «Или мы должны изменить ее («со-

²² В левую группу сюрреалистов, когда она окончательно сформировалась, входили: М. Ристич, О. Давичо, Дж. Йованович, К. Попович, Д. Матич, М. Дединац, В. Живинович-Бор, Дж. Костић, Б. Милованович, А. Вучо, П. Попович, М. Димитриевич.

²³ См. V. В г е з н а п а с. Tragovi o tragovima. «Nova literatura», 1928, br. 9, sh. 253—254.

²⁴ См. примечание редакции «Новой литературы», к статье М. Ристича «О новейшей сербской литературе» («Nova literatura», 1929, br. 7—8, sh. 198) и комментарии редакции «Стожера» к открытому письму трех сюрреалистов: А. Вучо, Дж. Ивановича и П. Поповича, опубликованному в том же журнале («Stožer», 1931, br. 11).

²⁵ A. V u ċ o. O jednoj implicitnoj autokritici. «Nadrealizam danas i ovde», 1932, br. 2.

циальной левицы». — *M. B.*) взгляды на нас, то есть изменить в них то, что не соответствует нашей деятельности, или должны измениться мы сами»²⁶.

Анализируя брожение внутри сюрреалистического течения, представители «социальной литературы» категорически заявляли, что о первой части альтернативы не может быть и речи, и что перед сюрреалистами, если они хотят быть с рабочим движением, существует только один путь — порвать со своими анархо-индивидуалистическими взглядами, а это означает, что и сюрреализм как литературное течение должен исчезнуть с литературной сцены²⁷. И в самом деле, большая часть левых сюрреалистов — Дж. Йованович без всяких оговорок, К. Попович, А. Вучо, Д. Матич, О. Давичо с большими или меньшими оговорками порвали с сюрреализмом, что и привело к распаду этого течения. Однако часть сюрреалистов, и в первую очередь М. Ристич, снискавший себе многочисленными публицистическими литературно-критическими статьями авторитет главного теоретика течения, хотя и отказывались от многих первоначальных воззрений,— все же продолжали отстаивать основные сюрреалистические догмы, переменив лишь тактику и аргументацию. Понимая, как отмечает один из современных исследователей сербского сюрреализма, что нападение — лучший вид обороны²⁸, М. Ристич, провозгласив себя сторонником марксизма, выдвинул тезис о необходимости осуществления «синтеза марксизма и фрейдизма», что, по его мнению, должно было явиться настоящей теоретической основой не только художественного творчества, но и всей революционной общественной практики. Следуя примеру своего учителя Бретона, он с этих новых позиций развернул широкую атаку на «социальную литературу», обвиняя ее сторонников в непониманииialectического и исторического материализма, в «рационализме», утилитаризме и т. д. Эту борьбу против «социальной литературы» он вел на страницах сюрреалистических изданий, а позже использовал как трибуну журналы «Данас» и «Печат». Критикуя теоретические концепции и литературную практику сторонников течения «социальная литература», М. Ристич стремился не к тому, чтобы помочь устраниению некоторых недостатков, действительно присущих этому течению, особенно в первоначальной фазе его развития, а к тому, чтобы дискредитировать внедрение революционной идеиности в сферу литературного творчества. И несмотря на то, что он декларативно принимал ряд общих положений марксизма и в полемике с представителями «социальной литературы» нередко ссылался на те или иные высказывания классиков марксизма, его эстетические воззрения базировались не на материалистическом, а на субъективно-идеалистическом понимании специфики и роли искусства²⁹. Основу его эстетической концепции представлял тезис о том, что поэзия является «спонтанным выражением иррационального в человеческой психике», и что она «метод иррационально-ассоциативного (неуправляемого) мышления, в котором одно из первых мест занимает параноично-критический активитет»³⁰. Исходя из этого он счи-

²⁶ Там же.

²⁷ См. S. Galogaj. Za likvidaciju nadrealizma. «Literatura», 1932, br. 2; Jovan Popović. Sumrak lirike. «Naša stvarnost», 1938, br. 16—18.

²⁸ См. N. Kapidžić - Osmanganić. «Serpški nadrealizam», Sarajevo, 1966, s. 292.

²⁹ Много позже, в 1956 г. в статье «Модернистом я никогда не был» М. Ристич, говоря о философской основе своих сюрреалистических концепций 30-х годов, писал: «Наставляя на творческом значении и характере подсознания, спа, мечты в философском смысле, сюрреализм противопоставлял себя мещанскому позитивизму, а в известном смысле и материализму вообще. Это надо признать (разрядка моя.— *M. B.*) (См. «Delo», 1956, br. 8—9, s. 901).

³⁰ M. Ristich. Предговар за неколико ненаписаних романа. «Альманах савремених проблема», III, 1936. Цит. по књиге: M. Ristich. Историја и поезија. Београд, 1962, стр. 84.

тал, что любой вид рационального сознания, в том числе и революционная идеинность, являются якобы абсолютно несовместимым с подлинной поэзией, с самой сутью художественного творчества. Таким образом, хотя М. Ристич и декларировал необходимость соединения марксизма и фрейдизма во имя мнимого обогащения марксистской эстетической мысли и постижения «тотальности» человека, он по существу оставался на позициях субъективистско-идеалистической эстетики, и практически выступал, несмотря на разные оговорки, за отделение литературы и искусства от революционного движения.

Дискуссии, которые велись в кругах лево-ориентированных писателей в связи с изданием журналов «Данас» и «Печат», в значительной степени отличались от предыдущей дискуссии с сюрреализмом, хотя и в это время сюрреалистические концепции подвергались критике со стороны представителей «социальной литературы», особенно в связи с выступлениями М. Ристича на страницах этих журналов.

Не вдаваясь во все подробности этих дискуссий, отметим только некоторые их особенности. Если дискуссия в журнале «Данас» была посвящена в основном литературным и эстетическим проблемам, то полемика, вспыхнувшая по поводу журнала «Печат», наряду с проблемами эстетики и философии, выдвинула на первый план актуальные политические вопросы, касающиеся тактики КПЮ в деле создания широкого антифашистского народного фронта и вообще социально-политической борьбы тех лет.

Что же касается вопросов литературы, то и тут обнаружилась существенная разница в позициях литераторов, выступавших на страницах упомянутых журналов. В то время, как М. Ристич, М. Крлежа, В. Богданов заняли крайне отрицательную позицию по отношению к «социальной литературе», М. Богданович, хотя и критиковал тогдашнюю практику социальных писателей, низкий художественный уровень многих произведений и, особенно, участившиеся явления конъюнктурной псевдосоциальности, не впадал в полное отрицание значения роли нового литературного течения, и тем более тех идеально-эстетических основ, на которых оно возникло и развивалось. Наоборот, он находчиво и аргументированно отводил упреки, исходившие из лагеря реакционной критики и со стороны левых сюрреалистов (в особенности М. Ристича), утверждавших, будто слабость «социальной литературы» именно в ее тенденциозности, утилитарности, рационализме. Он доказывал, что, вообще говоря, любая литература на свой манер тенденциозна, ибо содержит определенное отношение к жизненным явлениям, что любая литература утилитарна «в силу того факта, что она кому-нибудь и чему-нибудь должна служить», что рационализм и даже позитивизм «не суть объекты для такого высокомерного презрения»³¹. «Почему писать о боге, космосе или своем гипертроированном Я — значит создавать подлинное искусство, а писать с открытым чувством социальной симпатии, пироко, от горизонта до горизонта, любить дело человечества, отдавать себя человеку и жертвовать собой во имя его, хотеть видеть его счастливым, могучим господином самого себя и всех дел земных, воздействовать на него и помогать ему расправиться, означает „нехудожественный утилитаризм“? Шествие обезумевших паломников, ползущих на окровавленных коленях к богоизицце в Лурде,— иронически продолжает он,— это мотив для художественного шедевра..., а миллионная колонна голодающих, оглашающая Нью-Йорк плачем женщин и детей, стонами и угрозами людей, главных людей человечества, человечества самого — как мотив литературы был бы голой тенденцией! По каким это мерилам, если не по мерилам той эстетики, которая по словам одного современного рус-

³¹ M. Bogdanović. Literatura danas. «Danas», 1934, br. 1.

ского критика „превыше всего культивирует добродетель терпения, а то и страдания“?»³². Выступая в принципе за «революционную активность» литературы, в противовес тезису о том, что литература не может быть ни левая ни правая, и подчеркивая, что эта активность освобождает литературу от метафизики и мистики, М. Богданович критиковал тех социальных писателей, которые увлекались «легкостью» разработки социальных мотивов, что приводило их к упрощению и шаблонам. Критика М. Богдановичем творчества социальных писателей содержала немало конструктивных элементов и во многом помогла им освободиться от недостатков, свойственных их произведениям.

Вторая фаза развития «социальной литературы», начавшаяся в середине 30-х годов, проходила под знаком преодоления этих слабостей, разработки и утверждения принципов социалистического реализма, как ведущего метода революционной литературы. Этому в немалой степени способствовали, наряду с внутренними факторами, события, происходившие в то время в международной культурной жизни. Особенно большое значение для дальнейшего развития революционной литературы в Югославии имел Первый съезд советских писателей. Он вызвал огромный интерес у всей прогрессивной югославской общественности, которая после великих побед в строительстве социализма в СССР внимательно следила за культурным развитием советской страны. Критика вульгарно-социологических пролеткультовских теорий, развернувшаяся на съезде, всестороннее обсуждение вопросов развития литературы социалистического реализма — все это встретило широкий отклик у революционно настроенных югославских писателей и помогло им по-новому подойти к решению собственных творческих проблем.

Во второй половине 30-х годов в Югославии начался процесс создания широкого народного фронта, процесс сплачивания прогрессивных политических и культурных сил в борьбе против фашистского варварства и нарастающей угрозы войны. Ведущую роль в этом сыграла компартия Югославии, которая к этому времени сумела оправиться от прежних поражений и была в состоянии уделить необходимое внимание работе среди творческой интеллигенции. В соответствии с новой политической линией КПЮ в Белграде было начато издание журнала «Наша стварност» (1936—1939 гг.). В нем вместе с выдающимися представителями «социальной литературы» (Р. Зоговичем, И. Поповичем, Дж. Йовановичем, Ч. Миндеровичем, В. Маслешей и др.) сотрудничали прогрессивные писатели других направлений, а также многочисленные критики и публицисты, стоявшие на общей антифашистской платформе. Широта политической программы журнала «Наша стварност» не означала отказа от борьбы за развитие марксистской эстетической мысли. Напротив, будучи органом антифашистски настроенных литераторов и деятелей культуры, «Наша стварност» в течение ряда лет была одной из главных трибун течения «социальной литературы». На ее страницах и на страницах других литературных журналов («Уметност и критика», «Млада култура», «Ираз» и др.), издававшихся объединенными усилиями революционных писателей всех национальностей Югославии, и в Белграде и в других городах, широко пропагандировались идеи марксизма-ленинизма и марксистские взгляды на искусство и культуру (разумеется, насколько это было возможно в условиях тогдашнего режима), популяризировались достижения советской социалистической литературы и культуры. В конце 30-х годов были предприняты большие усилия, чтобы перевести и довести до широких читательских кругов произведения наиболее выдающихся мастеров советской литературы — М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Толстого,

³² Там же.

В. Маяковского. Этим не только удовлетворялся огромный интерес читательской публики к советской литературе, но и предоставлялась возможность для непосредственного ознакомления революционно настроенных писателей с лучшими образцами литературы социалистического реализма.

В теоретических спорах по проблемам художественного творчества, имевшем место во второй половине 30-х годов, сербские представители течения «социальная литература» несомненно сделали крупный шаг вперед в преодолении вульгарно-социологических взглядов на литературу и искусство.

Особенно важный вклад в развитие сербской марксистской эстетической мысли сделал Дж. Йованович, который в своих теоретических, историко-литературных и критических статьях научно аргументировано и во многом оригинально разработал проблемы нового реализма («Литература и новый реализм», 1936 г., «Реализм как художественная истина», 1938 г.), разъяснял сущность декадентской литературы («Три обмана декадентской литературы», 1938 г.) и сюрреализма (статья «Арагон», 1939 г.).

Ведя борьбу против реакции и фашизма в политической и культурной сфере, против различных видов субъективизма и идеализма в эстетике, литераторы революционного течения — Дж. Йованович, В. Маслеша, Р. Зогович, Й. Попович и другие — стремились к более широкой разработке проблем эстетики, к освещению их в плане гносеологическом, подвергая при этом основательному пересмотру и те ошибочные взгляды, которых сами придерживались в предыдущие годы. Ранее распространенный взгляд, согласно которому литература абсолютно отождествлялась с классовой идеологией, теперь во многом был исправлен в духе известного тезиса В. И. Ленина о том, что литература «не может быть шаблонно отождествлена с другими частями партийного дела пролетариата», и что «в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»³³. Новое теоретическое осознание историко-литературных процессов, основанное на учении Маркса — Ленина дало возможность революционным литераторам изжить тенденции сектантства и схематизма и выработать более правильные научные критерии для оценки литературных явлений как современности, так и исторического прошлого. Опираясь на ленинскую теорию отражения, сербские критики-марксисты высказывали ряд теоретических положений по важнейшим проблемам эстетики, которые до сих пор не потеряли своего значения. Это, в частности, относится к таким проблемам, как проблема реализма, проблема субъективного и объективного в художественном творчестве, проблема диалектики отношения формы и содержания. Благодаря этому в значительной степени была преодолена прежняя недооценка значения художественной формы, неправильное отношение к наследию прошлого и вульгаризаторские взгляды на интимную лирику.

Таким образом, можно сказать, что течение «социальная литература» в своей второй фазе достигло в борьбе за утверждение марксистских взглядов, в эстетике и литературной критике значительных успехов и выполнило главную историческую задачу, стоявшую перед ним. Благодаря деятельности этого течения, марксистские идеи, вопреки яростному противодействию со стороны правящих кругов и ожесточенному отпору литературной реакции, широко распространялись в сфере сербской литературы и искусства, и был положен конец господству идеалистической и метафизической эстетики в литературной жизни.

³³ В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература. Поли. собр. соч., т. 12, стр. 101.

Л. С. КИШКИН

РОССИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МИКОЛАША АЛЕША

Пожалуй, никто из выдающихся чешских художников XIX в. не был так тесно связан с русской культурой, как Миколаш Алеш (18 IX 1852—10 VII 1913), что не мешало ему оставаться неповторимо оригинальным и очень чешским.

В глубоко патриотических, национально-самобытных по форме произведениях Алеша нашла разностороннее отражение жизнь, борьба и историческое прошлое чешского народа. Его живопись, графические циклы, эскизы для настенной росписи зданий и, наконец, множество рисунков на темы из народной жизни, иллюстраций к пародным песням, пословицам, произведениям классиков чешской литературы — все это составляет вершину чешского реалистического изобразительного искусства конца XIX — начала XX в.

Алеш — один из самых популярных у себя на родине художников. Чешский революционный поэт Станислав Костка Нейман писал: «Миколаш Алеш популярнейший из самых популярных наших мастеров... Долгие годы постоянно снова и снова встречается с ним чешский человек, каждый его понимает и каждого он радует»¹. Показательна поэтическая характеристика, которую дал Нейман творчеству художника: «Оно дышит ароматами богочарской травы и розмарина, пахнет, как очень простой и очень любимый цветок из наших песен... Однако в нем нет идиллического звучания. Напротив. Наряду с кристально чистой песней нашей деревни он с такой же силой и гармонией слагает могучую песню нашего языческого прошлого, хорал великих событий истории. Он воскрешает в нашей памяти образы деяний и явлений стихийных, героических и славных... дорогих чешскому сердцу...»². Эти строки были написаны в 1912 г. по случаю 60-летия Алеша, когда Чехия входила в состав Австро-Венгрии. Они не утратили своего значения.

Интересно сопоставить с ними выдержку из книги искусствоведа Мирослава Мичко, появившейся сорок лет спустя в связи с широким отмечавшимся в 1952 г. в Чехословакии столетием со дня рождения художника: «... не сыщется чеха, для которого имя Алеша было бы пустым звуком. Оно звучит для нас как синоним всего чешского. Оно вызывает у нас множество конкретных и ярких, эмоционально-глубоких представлений, слагающих образ родины. Мы видим ее в сотнях картин, которые сами собой всплывают в нашей памяти. Перед нами встаёт земля, отнятая человеком у природы, преображенная его трудом, взрытая плугом войны... Это — словно какая-то переложенная в картины симфония Сметаны, в которой звучит родная

¹ S. K. Neumann. Umění a politika, sv. I. Praha, 1953, s. 148—149.

² Ibid., s. 148.

речь; в ней цветут луга, волнуются нивы, темнеют леса..., в ней слышатся сказки, песни, хоралы — это народ поет о любви и смерти, о страданиях и красоте жизни, о борьбе за свободу; в ней живут воспоминания о давно прошедших временах и вера в будущее»³. С годами творчество Алеша не постарело.

То, за что в молодости осуждали художника, — национальные корни, народность и реализм его искусства, оказалось тем драгоценным и главным, что сделало имя Алеша бессмертным. «Не стремлюсь помочь искусству, стремлюсь искусством помочь Родине...», «Я всегда был и буду рядом с униженными и угнетенными...», «Своим трудом я хочу будить народ, хочу способствовать его возвращению... к независимости и самостоятельности...»⁴ — в этих высказываниях Алеша выражено его общественное и эстетическое кредо.

Демократизм мышления, глубокое патриотическое проникновение в историю народа, интернационализм чувств, дружеский интерес к судьбе славянских народов, к жизни и культуре русского народа — все это характерные черты творчества Алеша.

В статье делается попытка хотя бы кратко осветить два вопроса: с одной стороны — интерес чешского художника к России и русской культуре, с другой — отражение этого интереса в его творческой деятельности.

Истоки глубокого внимания Алеша к России и русской культуре восходят к проникнутым идеями дружбы и сотрудничества славянских народов сочинениям Яна Коллара, которые художник хорошо знал с юности и высоко ценил. Алеш представлял славянские народы как единую семью, которую соединяет общность языков и духовной культуры. Подобно деятелям чешского национального Возрождения он вкладывал в слова «чех» и «славянин» не только его этническое, но и особое морально-нравственное содержание, отождествляя их со словом «человек» в его высоком гуманистическом понимании. Утверждению и развитию интереса Алеша к России немало способствовало впоследствии страстное патриотическое увлечение историей Чехии и всех славянских народов, которое так характерно для всей творческой жизни художника.

Мы не располагаем сколько-нибудь точными и исчерпывающими данными о том, что знал о России Алеш в школьные годы и во время обучения в Пражской художественной академии (1864—1878). Однако есть основания думать, что помимо «Дочери Славы» Коллара он уже тогда был хорошо знаком с «Отголосками русских песен» Челаковского, содержащими немало сведений о России, «Славянскими древностями» Шафарика, Эрбеновскими переводами «Несторовой летописи», «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Будучи в академии, Алеш с увлечением читал в университетской библиотеке русские былины⁵. Несомненно, что он прочел тогда хотя бы часть (если не все) публикаций о русской общественной и культурной жизни, которые помещались в периодической печати (газета «Народни новини», журналы «Кветы», «Люмир», «Освета» и др.). А таких в конце 60-х годов и в 70-е годы было немало.

Сведения о России молодой Алеш получал не только из книг. В 1873 г., например, он вместе с другими учениками академии посетил Всемирную выставку в Вене. Его внимание привлекло там этнографическое отделение, где экспонировались русские народные постройки. Интересно, что на выставке в Вене экспонировалась картина Н. Н. Ге «Петр I допрашивает

³ М. Мичко. Миколаш Алеш. Прага, 1952, стр. 6.

⁴ Цит. по кн.: E. S v o b o d a. Jak Mikolaš Aleš žil a tvořil! Praha, 1920, s. 102, 103.

⁵ Об этом упоминается в тексте лекции, прочитанной Э. Свободой в музее Алоиса Ирасека и Миколаша Алеша 7 ноября 1966 г.

царевича Алексея...», которая в некоторых отношениях может быть сравнима с картиной Алеша «Встреча Иржи Подебрадского с Матиашем Корвином» (1878). Важной страницей истории, обусловившей усиление симпатий молодого чешского художника к русскому народу, была русско-турецкая война 1877—1878 гг., завершившаяся освобождением Болгарии. Эта тема нашла отражение в творчестве художника.

Конец 70-х годов явился для Алеша временем необычайного творческого подъема и вместе с тем рубежом, после которого его внимание к русской общественной и культурной жизни становится осознанным, последовательным и постоянным. О том, что это так, в какой-то степени свидетельствует состав его библиотеки. Только при беглом осмотре ее в 1964 г.⁶ мы обнаружили в ней книги Лермонтова, Пушкина, Толстого, «Слово о полку Игореве», русские журналы по искусству, несколько книг русских сказок с иллюстрациями Билибина и др. Помимо этих изданий в библиотеке художника сохранились и некоторые книги, посвященные русской истории и культуре, в частности «Картины русской истории» (*Obrazy z dejin ruských*) Эдуарда Волечки, учебник русского языка (*Rusky snadno a rychle*) Франтишека Вымазала, альбом репродукций произведений русских художников, выставлявшихся в Праге в 1898 г. (*Ruští umělci*).

Алеш умел читать по-русски, особенно любил былины, стихи Пушкина и Лермонтова, сказки с иллюстрациями Билибина и Васнецова, содержание которых пересказывал жене и детям. Многие стихи русских поэтов он знал наизусть как в оригинале, так и в переводах. Русские книги помогали ему в работе.

О том, как привлекали к себе внимание чешского художника различные явления русской культурной жизни, мы узнаем и из его корреспонденции.

В России долгие годы жил близкий товарищ Алеша, соученик по академии, скульптор Вацлав Кафка, покинувший Чехию в 1877 г. и поселившийся в Москве, куда позже приехал и его брат Йозеф, инженер-строитель. Алеш переписывался с ними. К сожалению, в архиве семьи художника сохранилось только несколько писем братьев Кафка к нему (встречных писем самого Алеша найти не удалось). Но и они, правда косвенно, позволяют судить об отношении Алеша к России. Из письма Вацлава Кафки от 19 июня 1878 г. мы узнаем, что тот звал Алеша приехать в Москву. «Это будет иметь для тебя большое значение,— писал Кафка,— ты узнаешь великий славянский мир, а главное это будет твоя наилучшая школа...»⁷. Однако поездка Алеша в Россию не состоялась, о чем он очень сожалел. «Мой друг Кафка,— писал он 18 июля 1878 г. своей будущей жене Марине,— приветствует тебя из Москвы, он позвал меня в Москву, с тем чтобы в начале октября мы с ним приехали в Прагу. Все пребывание и дорогу он хотел мне оплатить. Было бы это полезно и прекрасно, если бы я мог поехать, но те 4 недели военной службы мне все испортили. Можешь себе представить, как это меня огорчило, что я не могу поехать»⁸.

В одном из писем Вацлава Кафки (от 1 IV 1878) содержится упоминание о том, что он посыпает Алешу текст какой-то популярной русской песни, которую распевает вся Москва. Там же говорится о событиях, связанных с Кавказом. В письме Йозефа Кафки к Алешу (1900 г.) сообщается, что в Москве есть прекрасная картинная галерея, что картины русских художников не уступают произведениям живописи других народов, а возможно и

⁶ Осмотреть библиотеку Алеша и познакомиться с некоторыми материалами из семейного архива любезно разрешили дочь художника Марина Свободова-Алешова и ее супруг Эмануил Свобода, автор многочисленных работ об Алеше, знаток и неустанный популяризатор его творчества.

⁷ Семейный архив Алеша.

⁸ «Alšovy listy milostné». V Praze, 1941, s. 129.

лучше их. «Васнецов, — говорится в этом письме, — создал новую русско-византийскую школу церковной росписи, очень красивой». Йозеф Кафка писал Алешу, что Москва немногого напоминает восточные города, что в ее архитектуре и обычаях жителей много оригинального, такого, чего нет на западе. Любопытно окончание письма: «Народ пробуждается, я думаю, что у России великое будущее»⁹. Йозеф Кафка сообщал Алешу, что будет посыпать ему виды Москвы и изображения типов жителей России.

Тяга Алеша к России, русским изобразительным материалам, а также к русской книге нашла отражение и в его переписке с другими лицами.

Особенно много высказываний, касающихся России, мы находим в письмах Алеша к турновскому художнику Яну Проусеку, один из товарищей которого по Венской художественной академии, художник и гравер Густав Франк жил в Петербурге и присыпал ему оттуда книги и репродукции. От Проусека последние нередко переходили к Алешу. «Ян Проусек, — вспоминает дочь художника, — посыпал отцу русские сказки с рисунками выдающегося русского художника Билибина. Каждая такая присылка вызывала много радости. Отец подолгу сидел над сказками и читал нам их, восторгаясь красотой русской речи»¹⁰.

Вскоре после издания «Песни о вещем Олеге» Пушкина с иллюстрациями Васнецова Проусек получил ее от Франка. Прежде чем подарить ее Алешу, Проусек попросил пражского книготорговца Прусика выставить ее в витрине магазина, чтобы с нею могли ознакомиться чешские любители русского искусства. В письме к Проусеку по этому поводу (26 апреля 1902) Алеш писал: «Ты не можешь себе представить, дорогой мой, как ты меня приятно удивил. Вчера мне дочка Элишка сказала, что у Прусика выставлена песнь об Олеге. Я сразу же послал туда Томаша (сына. — Л. К.), думая купить милого Васнецова, и к своему огорчению узнал, что книга не продается. А сегодня я уже стал ее счастливым владельцем. Наисердечное спасибо тебе»¹¹.

А вот как откликнулся Алеш 12 января 1903 г. на получение от Проусека русских сказок с иллюстрациями Билибина, о которых упоминается в книге воспоминаний дочери художника Марины: «Позавчера вечером после ужина получил „Сказки“. Ты знаешь, что это была за радость. Все в тот вечер сверкало золотом — ведь эти „сказки“ поистине способны перенести мысли человека в иные миры — миры древних славян. Наисердечнейшее спасибо тебе. Передай горячую признательность г. Франку. Я не знаю стар или молод Билибина. Не знаю, что можно еще от него ждать. Но он на правильном пути, понимание рисунка у него глубокое, знание русского своеобразия, костюмов, пейзажей, равно как и орнаментов поразительное... Эти сказки в качестве образца надо было бы распространять как можно шире...»¹². 16 января 1903 г. Алеш снова с восхищением пишет Проусеку о рисунках Билибина к сказкам и замечает: «Я думаю, что Злата Прага могла бы очень хорошо развивать славянскую взаимность, публикуя побольше русских вещей. Может быть мы еще получим Васнецовский Киевский Кафедральный собор — то-то была бы еще радость...»¹³. Очевидно, последние слова связаны с тем сообщением о Васнецове, которые Алеша получил раньше от Йозефа Кафки.

В письмах Алеша к Проусеку (1902—1905 гг.) есть и ряд других упоминаний, относящихся к русскому искусству, в частности касающихся

⁹ Семейный архив Алеша.

¹⁰ M. S v o b o d o v á - A l e š o v a . U n a s d o m a . Praha, 1957, s. 110.

¹¹ Семейный архив Алеша.

¹² Там же.

¹³ Там же. «Злата Прага» — иллюстрированный чешский журнал, выходил в 1884—1930 гг.

Билибина, который особенно интересовал чешского художника как «своебразный от природы талант». Но мы ограничимся сказанным. Приведем еще лишь одну выдержку из письма от 30 октября 1905 г., в котором Алеш высказал свое отношение к русской революции: «... в России опять, как и надо было полагать, страшно... Батюшка, как мне кажется, не знает куда деваться. У нас социальный вопрос тоже бродит и бог даст против очевидной силы правительство долго противиться не будет. Только бы наш народ — я надеюсь так будет — получил от этого пользу». В другом письме к Проусеку, написанном 13 февраля 1905 г., сообщая о событиях в России, Алеш высказывал твердую надежду, что она из своих трудностей выйдет благополучно. При этом, как можно понять, он имел в виду народную, трудовую Россию.

Еще одним источником непосредственной информации о русской жизни для Алеша были почитатели его таланта супруги Ярослав Прошек и Бела Горская, артисты, жившие и работавшие в Петербурге в 1904—1906 гг. Они хорошо знали о любви и интересе чешского художника ко всему русскому и посыпали ему разного рода иллюстрационные материалы,repidкции, привозили художественные изделия русских народных умельцев. Случилось так, что Прошек и его жена оказались знакомы с Билибиным. От них Алеш услышал, что тот знает его произведения. Выражая свое уважение к Алешу, русский художник прислал ему однажды открытку со своим рисунком и надписью «От русского художника чешскому художнику Николаю Алешу в знак любви к славянам. И. Билибин»¹⁴.

Время унесло с собой многие факты и сведения, характеризующие прямые и опосредствованные связи чешского художника с современной ему Россией. Автор книги о В. В. Васнецове, искусствовед В. М. Лобанов в беседе сообщил нам, что имя Алеша, как ему помнится, он слышал в начале века в доме В. А. Гиляровского, которого, как известно, посещали многие культурные деятели из славянских стран, в том числе и чехи. К сожалению, это все, что ему припомнилось. Можно предполагать, что в конце XIX в. о творчестве Алеша от Вацлава Кафки знали бывавшие у него дома художники Суриков и С. Иванов, а также посетители Шмаровинских сред, на которых Кафка бывал. Мы не знаем всего круга русских знакомых Прошека и Горской, через которых, очевидно, также могли распространяться сведения о чешском художнике в России. Об отсутствии всех этих данных можно лишь пожалеть. Возможно, дальнейшие архивные поиски в какой-то мере восполнят существующий пробел. Полезным может оказаться и обследование русской периодики конца XIX — начала XX в. В журнале «Славянские известия» нам удалось обнаружить сообщение о кончине Алеша, в котором говорится, что «в своих произведениях он схватил самые типичные черты и формы чешского и словацкого быта»¹⁵.

Общую картину отношения Алеша к русской культуре и русскому народу дорисовывают некоторые его высказывания.

По поводу своей несостоявшейся поездки в Россию художник как-то заметил: «Там бы меня поистине поняли»¹⁶. Этими немногими словами он определил и свое духовное родство принципам русского передового искусства, выдвигавшего требования служения народу, и свою горечь, связанную с долгим непризнанием на родине. Уже в зрелые годы, осуждая чрезмерное увлечение молодых чешских художников новыми западными течениями, призывая их не отрываться от национальной, славянской поч-

¹⁴ Семейный архив Алеша.

¹⁵ «Славянские известия», 1913, № 14, стр. 616.

¹⁶ Цит. по кн.: E. S v o b o d a. Jak Mikolaš Aleš žil a tvořil. Praha, 1920, s. 105.

Рис. 1

вы, Алеш говорил: «Я всегда с большей радостью обращаюсь на восток, туда, откуда мы пришли»¹⁷.

Любовь к русскому искусству сочеталась у Алеша с любовью к русскому народу, с верой в то, что он поможет угнетенным чехам освободиться от неволи. Эту веру художник пронес через всю жизнь. О своей надежде на помошь русского народа он говорил незадолго до смерти в 1913 г.¹⁸.

Живой и доброжелательный интерес Алеша к России и русской культуре подтверждается не только письменными свидетельствами, но и всей творческой деятельностью художника. И это естественно, ибо мысли и воззрения Алеша неотделимы от его произведений. В художественном наследии Алеша насчитываются несколько десятков произведений с русскими сюжетами. Они принадлежат к наиболее ярким страницам в чешском искусстве, отражающим историческую дружбу чешского и русского народов. Существенно, что мы встречаем их у Алеша на протяжении всего его творчества, во всех жанрах, к которым он обращался. Первые работы Алеша на русскую тему относятся к началу 70-х годов, а последние были созданы незадолго до его кончины. Остановимся на некоторых из них более подробно.

Из живописных работ особый интерес в этом отношении представляют две картины: «Дздор», 1878 (рис. 1) и «Казаки в дзоре» (1882). На обоих изображены два всадника с пиками за плечами, остановившиеся посреди степи. Их взоры устремлены вдаль, к горизонту, туда где южнорусская степь переходит в невысокие холмы, откуда может появиться враг. Бескрайние степные просторы, вольная казачья жизнь — все это ассоциировалось у Алеша с его представлениями о свободе. Кроме того, он видел в казаках представителей того народа, который поможет чехам освободиться от угнетения. Особые симпатии чехов к казакам как русским народным

¹⁷ Ibid., s. 127.

¹⁸ См. об этом в кн.: E. S v o b o d a. Jak Mikoláš Aleš žil a tvoril. Praha, 1920, S. 42.

запитникам своей земли возникли на рубеже XIX в., когда те дважды прошли через их страну во время войны с французами. В этом смысле Алеш развивал уже сложившуюся традицию. Казачья тема, в его понимании тема вольности и отваги, привлекала его неоднократно. Не все картины и рисунки Алеша с изображением казаков сохранились. Некоторые известны только по названиям. Таковы, например, картины «Казак на коне», «Казак на страже», которые были некогда проданы в Вене с аукциона. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Одно из центральных мест в творчестве Алеша занимают графические циклы, большая часть которых посвящена древней истории чехов и других славянских народов, когда они были свободны и независимы. Все эти работы имели явный патриотический подтекст и во многом были навеяны Колларом. Таковы, например, циклы «Чувства» (1876), «Родина» (1880—1881), «Жизнь древних славян» (1891). Реконструируя картины из древней жизни славян, художник не подчеркивал специально их племенные особенности. Напротив, его часто привлекало то, что у них было или, как считали историки, могло быть общим. Поэтому данные древней русской истории столь же плодотворно питали его творческое воображение, как и данные истории чешской. Это проявилось и в общей концепции циклических сюжетов и в конкретном художественном решении той или иной отдельной темы. При создании своих графических циклов Алеш не раз обращался к русским материалам. В цикле «Чувства» на первом листе мы видим на стене скифский колчан и степной лук, а в руках у молодого славянского воина кривую саблю. Эти детали как бы подчеркивали тесное родство между восточными и западными славянами (предками чехов) в седой древности. Ту же функцию в «Родине» (лист «Пограничные стражи») выполняет изображение языческого божества «Чурбан», сведения о котором Алеш перернул в книге А. Гейдука «Очерк славянской и германской мифологии» (1863), где сказано, что «Чурбан» — бог полевых меж и границ владений, фигура которого в виде грубо отработанных каменных столбиков использовалась в России в качестве пограничных знаков.

В своем стремлении к достоверности при создании некоторых листов «Жизни древних славян» Алеш опирался на Несторовскую летопись, с отдельными сообщениями которой связаны сценыочных танцев славянских женщин, сожжения погибшего славянского воина и изображение могильного столба с урной¹⁹. По своему общему пафосу «Жизнь древних славян» очень близка прославляющей легендарное славянское прошлое исторической живописи В. М. Васнецова, многие произведения которого, как уже отмечалось, Алеш знал и высоко ценил.

Приведенные примеры показывают, как использовал Алеш разного рода связанные с Россией данные в процессе создания циклов с сюжетами из древней, языческой эпохи истории славянских народов, циклов, которые ему удалось закончить.

Еще больше говорит об интересе художника к России и знании ее истории оставшийся, к сожалению, лишь в набросках и отдельных рисунках так называемый «Русский цикл», который первоначально замышлялся как часть большой, состоящей из нескольких графических рядов циклической работы «Славия», в которой художник хотел отобразить борьбу славянских народов за свою самостоятельность, их славные победы и поражения в прошлом, а затем воспеть их великое будущее. Из сохранившихся семи вариантов текстуальных программ этого цикла, относящихся к концу 70-х

¹⁹ Говоря о «русских» деталях, перенесенных Алешем из разных источников, мы не затрагивали научно-исторической стороны вопроса, имея в виду обратить внимание лишь на то, что именно с их помощью художник реконструировал легендарное славянское прошлое, создавая образные представления о нем.

Рис. 2

годов, видно, что Алеш намеревался изобразить картины из времен князя Владимира, татарского нашествия, правления Петра и поражения Наполеона, т. е. графически раскрыть главнейшие моменты истории борьбы русского народа за независимость своей страны. Отдельными пунктами обозначены: «Святой Георгий, как русский богатырь... в глубине... поколение Бояна» и «Кремль». Первый лист Русского цикла Алеш представлял себе так: «Клио приоткрывает занавес, виден Кремль и мы в России»²⁰.

Одним из первых рисунков-набросков, связанных с зарождением «Русского цикла», по-видимому, надо считать изображение Ивана III (первая половина 70-х годов), который привлек внимание Алеша как правитель, при котором Россия освободилась от татарского ига. Тема татарского нашествия на Русь отражена и в ряде других набросков, таких как «Татарский лучник» (1879), «Смерть на коне» (1879), «Похищение славянских женщин» (два варианта 1879). Сюжет последних Алеш почерпнул из летописи Нестора.

Тема нашествия и поражения Наполеона представлена тремя набросками: «Два французских офицера», «Бой мертвых русских и французских солдат на небе» и «Бегство Наполеона из Москвы». Есть сведения, что был еще один рисунок «Два русских офицера», но он утрачен.

Среди набросков особенно выделяются два незаконченных рисунка первом с изображением Георгия победоносца, 1878, 1879 (рис. 2), в котором Алеш видел не столько читомого в России святого, сколько символ силы русского народа, его непримиримость в борьбе со злом. Особой экспрессивностью и динамизмом отличается рисунок 1879 г. Одетый в кольчугу и шишак, воин поражает копьем дракона, усилив наносимый удар тяжестью своего склонившегося тела. Необычным способом лавирования Алеш придал телам коня и всадника отчетливую объемность. Тревожные, неровные и прерывистые, типично алецовские, линии рисунка соответствуют его суровому драматическому характеру. И хотя рисунок был в сущности только творческим поиском художника, он все же позволяет предположить, каким своеобразным и эмоционально насыщенным мог бы стать весь «Русский цикл», если бы художнику удалось его завершить.

К «Русскому циклу» относится также еще один незавершенный рисунок цером и карандашом (1879), на котором изображен всадник в кирасе с офицерскими эполетами и закрытым волосами лицом. Он замахнулся шпагой на полулежащего обнаженного человека, над головой которого навис тяжелый черный павловский ботфорт всадника. В верхней части чешскими буквами написано «Боже царя храни». Судя по одной из программных за-

²⁰ Цит. по кн.: М. А л е ѕ. Vlast a národ. 1940, s. 20 (предисловие Э. Свободы).

писей, Алеш думал этим рисунком завершить «Русский цикл».

Если другие наброски и рисунки к этому циклу прославляли патриотизм русских людей, их силу и героизм в борьбе с захватчиками родины, то изображение вооруженного всадника, нападающего на беззащитного, имело какой-то иной смысл, как можно думать, иносказательный. Мы не знаем, каким представлял Алеш законченный лист. Возможно, он хотел им сказать о современной ему России, где царизм жестоко угнетал как русский, так и другие народы. Алеш знал о положении в России отчасти из писем Вацлава Кафки, отчасти из других источников²¹ и никогда не был царофилом. В упомянутой записи о последнем листе цикла обращают на себя внимание слова «Гремят пушки». Чешские искусствоведы полагают, что художник имел здесь в виду гремящие пушки восставших²².

До сих пор мы говорили о предварительных набросках «к Русскому циклу», порою лишь едва намеченных, чаще свидетельствующих о поисках решений, чем о самих решениях.

Кроме них сохранился еще целый ряд завершенных или почти завершенных подготовительных рисунков к циклу, представляющих значительно большую самостоятельную художественную ценность. На этих рисунках изображены ратники из княжеских дружины и казаки, в которых художник видел потомков русских былинных богатырей, хранителей идущих от них традиций свободолюбия, сознания своего достоинства, человеческого великолодушия и доброты. Рисовать казаков Алеш особенно любил. В трудные минуты своей жизни, а их было немало, он утешал себя словами: «Терпи, казак, атаманом будешь». Своему близкому знакомому, художнику Юлиусу Фишеру Алеш как-то сказал: «Когда я умру, посади мне, как казаку, на могилу калину, будут ко мне прилетать из степи ветры и приносить привет...»²³ Это его пожелание было исполнено.

Русские богатыри ратники и казаки были для Алеша представителями народа, видевшими цель и смысл своей жизни в служении родине, ее защите. В этом он был им подобен. Изображая их, художник тем самым как бы призывал к освобождению и защите чешской земли от иноземных угнетателей.

Как и остальные подготовительные наброски к «Русскому циклу», рисунки русских воинов были созданы Алешем в 1878—1879 гг. К ним относятся: «Русский воин», «Казак», «Русский в меховой шапке», «Казак на могиле».

Рис. 3

²¹ Например, из стихотворения И. В. Сладека «Казак», которое Алеш безусловно знал.

²² См. об этом в кн.: M. A l e š. Cykly. Praha, 1957, s. 183—184 (исследование Яромира Неймана).

²³ Из письма Марины Свободовой-Алешовой к автору статьи.

Первый рисунок, изображающий спешившегося ратника, показывает, что Алеш хорошо знал внешний вид, одежду и оружие того, кого хотел воспеть и опоэтизировать. При виде этого рисунка невольно вспоминаются воины из дружины князя Игоря и отрядов Александра Невского, образы воинов древней Руси, воссозданные Васнецовым.

К числу наиболее удачных из названных рисунков следуют отнести раскрашенный рисунок первом, изображающий казака (рис. 3). В нем так же, как в «Георгии победоносце», видна типично алешовская манера создавать образ смелыми широкими штрихами, волнистой прерывистой линией. Фигура казака скulptурна и пластична. Ей нельзя отказать в достоверности. Это на самом деле русский казак, увиденный глазами чешского художника. «Алешовский смуглый, обветренный казак в равной степени может быть другом запорожцев Репина и казаков, героев Гоголя»²⁴, — пишет, характеризуя этот образ, чешский искусствовед Яромир Нейман.

Значение последней группы рисунков не только в их художественной завершенности, но и в том, что они как бы явились прародителями целой серии рисунков, изображающих русских народных воинов, в последующем творчестве Алеша, вполне законченных и самостоятельных произведений.

Еще один завершенный подготовительный рисунок к «Русскому циклу», заслуживающий упоминания, — это «Русский орел». Следуя традиции чешской поэзии, которая видела в образе орла не символ жестокой монархической власти, а воплощение силы славянских народов, готовность к освободительной борьбе, которая сделает их независимыми в будущем, Алеш изобразил орла у занесенной снегом пушки, с распростертыми крыльями и поднятой к небу головой, готового к взлету. Возможно, что этот рисунок предназначался для листа, посвященного 1812 г., и на нем изображена одна из тех французских пушек, которые наполеоновские войска бросали на полях России во время своего панического бегства.

С работой Алеша над «Русским циклом» впоследствии оказались связаны многие его иллюстрации. В 1883 г., во время нужды и непризнания, художник получил от одного пражского издательства заказ на иллюстрацию широко известной в Чехии книги «Отголоски русских песен» Ф. Л. Челаковского. Составляющие ее стихи были написаны в 20-х годах XIX в. Посредством их поэт пытался довести до чешских читателей, и не без успеха, некоторые мотивы и образную самобытность русских былин, исторических и лирических песен. Алеш с радостью принял за иллюстрацию книги Челаковского, которую он знал и любил с детства, которая была так близка ему по своему духу. Ведь в ней воспевались русские богатыри, самоутверженно защищавшие свою землю от захватчиков. Их образы как бы были примером для тех, кто борлся за свободу Чехии в настоящем. Былинные стихотворения «Отголосков» соответствовали алешовскому представлению о героическом прошлом славянских народов.

Всего Алеш сделал для книги Челаковского, как это следует из его письма писателю Алоису Ирасеку от 8 сентября 1888 г., более сорока рисунков. Раньше других им были исполнены рисунки для былинных стихотворений с изображением русских богатырей. Таковы — Илья Муромец, достающий из колчана стрелу, чтобы наказать ею татар за смерть «добра молодца», Чурила Пленкович с купеческими сыновьями Васькой и Михаилом, которые готовятся к тому, чтобы избавить Киевскую Русь от напавшей на нее разбойной птицы Великаны Великановича, и, наконец, богатырь Илья Волжанин (рис. 4), былинный персонаж, созданный поэтическим воображением Челаковского, ассоциировавшийся у него с народными представлениями о могучей русской реке. Все эти рисунки снова

²⁴ M. Aleš. Cikly. Praha, 1957, s. 180.

напоминают нам о Васнецове и в то же время они специфически чешские. Если Челаковский в свое время раскрыл в «Отголосках» свое национальное понимание русского былинного творчества посредством поэтического слова, то Алеш много лет спустя по сути сделал то же самое на языке графики²⁵.

Рисунки богатырей для «Отголосков» по своей выразительной силе и эмоциональной напряженности несколько уступают наброскам к «Русскому циклу», но в то же время убедительно свидетельствуют о постоянном стремлении художника к раскрытию силы и мужества русского народа в борьбе с врагами родины.

Наряду с богатырями в числе рисунков к «Отголоскам» мы еще раз встречаем и казаков. Иллюстрируя стихотворение «Молодец коня хвалит», в котором говорится о пасущемся на зеленом лугу коне, возле которого стоит добрый молодец, Алеш, например, изобразил молодого казака, ласково беседующего со своим боевым другом-конем; «самым лучшим», «самым верным» и «самым быстрым» товарищем.

Бесспорным доказательством генетической связи рисунков к «Отголоскам» с набросками к «Русскому циклу» является иллюстрация к стихотворению «Великая панихида», посвященному пожару Москвы (рис. 5). На ней изображены горящая Москва, бегущий из нее Наполеон, распростерший на снегу крылья орел и продолжающаяся на небе битва русских с французами. По-видимому, именно так представлял себе Алеш раньше один из листов «Русского цикла», которым хотел прославить победу русского народа над завоевателем Европы Наполеоном.

Лирическую часть «Отголосков» Алеш сопроводил более мягкими рисунками, не лишенными некоторой сентиментальности. Показательны в этом смысле иллюстрации к стихотворениям «Покинутая» и «Свадебное», на ко-

Рис. 4

²⁵ Необходимо заметить, что ни Челаковский, ни Алеш не преследовали целей точного следования сюжетам и образам русских былин и народных песен. Их больше интересовало поэтическое и художественное воссоздание самой атмосферы русской былинной старины и песенности, такой, какой она им, чешскому поэту и чешскому художнику, представлялась. Не следует поэтому удивляться, что Чурила Пленкович у Челаковского в отличие от русских былин героичен, что образа птицы Великаны Великановича в русском фольклоре вообще нет и т. д. Сказанное, однако, никак не снимает вопроса о связи произведений Челаковского и Алеша с русской народной поэзией и изобразительным искусством, а лишь свидетельствует о своеобразии этих связей.

Рис. 5

Книга «Отголоски русских песен» с иллюстрациями Алеша вышла в 1884 г. Ее издание явилось важным этапом в развитии чешской книжной графики. В сопроводительной статье к «Отголоскам» искусствовед К. Б. Мадл писал об иллюстрациях Алеша: «Так же как эти песни Челаковского приносят к нам плоды русского духа в чешском облачении, так и иллюстрации Алеша в согласии с ними дают нам представление о русских богатырях, русских девах, русских и все же чешских»²⁶. Приведем еще высказывания о рисунках Алеша к песням Челаковского из рецензии на книгу Антона Шнейдауфа, появившуюся в журнале «Рух» в 1884 г. В ней говорилось: «Главное для Алеша в том, чтобы надо всем господствовала мысль. Это ему удается сделать посредством скрупулезных штрихов, среди которых нет беспечальных и лишних. Живость и характеритическая сила неодолимо проглядывают в каждом его рисунке, будь то изображение славянского молодца, или же его неразлучного друга — статного коня, или природы, в данном случае обычно степной»²⁷.

Незадолго до выхода «Отголосков» из печати журнал «Рух», сообщая о готовящемся издании, писал: «В нашей литературе до сих пор еще не было таких примеров, чтобы иллюстратор с таким глубоким пониманием постигал поэтическое слово, как это удалось Алешу в его мастерской работе

²⁶ Цит. по кн.: F. L. Čelakovský. Ohlas písni ruskyh. Ohlas písni českých. Ilustroval M. Aleš. Praha, 1956, s. 214—215 (статья Э. Свободы «Об иллюстрациях Алеша к „Отголоскам русских песен“»).

²⁷ Ibid., s. 215.

торых изображены грустящая девушка, с розой в волосах, и желанный жених на коне под окном невесты.

Существенную роль в иллюстративном оформлении книги «Отголоски русских песен» играют и буквицы, некоторые из которых сопровождены соответствующим содержанию миниатюрным рисунком, а также сюжетные концовки. Открывающее книгу стихотворение «Богатырь Муромец» художник сопроводил буквицей с рисунком сокола, который символизирует в произведении погибшего молодца. На рисунке-концовке к этому стихотворению изображен стоящий на коленях перед могилой похороненного им молодца Илья Муромец, а вдали потерявшие своих хозяев, скочущие по степи без седоков татарские кони. Буквица к «Великой панихиде» наложена на рисунок орудия.

Рис. 6

над „Отголосками“²⁸. Такая характеристика соответствовала действительности. Вместе с Алешем в чешскую книжную графику пришло подлинное искусство. Его рисунки к «Отголоскам» стали своего рода образцом и эталоном художественного оформления книг для многих чешских гравировщиков.

Будучи этапом в развитии чешской книжной графики, иллюстрации к «Отголоскам» вместе с подготовительными рисунками к «Русскому циклу» предопределили характер многих последующих произведений Алеша на русскую тему. К ним принадлежат: рисунок углем «Русский всадник» (1901), раскрашенный рисунок «Святой Георгий» (1902), раскрашенный рисунок углем «Молодец» (1902), рисунок углем «Юный богатырь» (1903), рисунок пером «На могиле» (1904), рисунок пером и углем «Русский моло-дец» (1909), рисунок пером «Казаки», 1909 (рис. 6), раскрашенный рисунок

Рис. 7

«Русский всадник» (1910), рисунок углем «Казак» (1910), раскрашенный рисунок «Чурила Пленкович» (1912), рисунок углем и карандашом «Рус-ский всадник» (1912) и некоторые другие. То, что Алеш воспевал в своем

²⁸ Ibid., s. 214.

Рис. 8

обнаженной саблей в руке, с опаской оглядывающегося назад. Со «Словом о полку Игореве» и русскими былинами связано и возникновение акварели «В древней Руси», на которой изображена атака средневековой русской конницы.

К русским мотивам Алеш обращался и при выполнении архитектурных заказов. На Чехословацкой этнографической выставке 1895 г. экспонировались реконструкции пражских ренессансных домов XVI в. Стену одного из них украшало принадлежавшее Алешу изображение «Славянской мадонны», сделанное, как отмечает Эмануил Свобода, «в византийско-русском стиле». Для росписи фасада одного из домов в Пльзне художник создал крупноформатный картон с изображением св. Георгия (1903). В 1900 г. на выставке мебели в художественно-промышленном музее в Праге был экспонирован раскрашенный рисунок Алеша «Чурила Пленкович» (рис. 9). Будучи фризом к спинке дивана, он мог бы стать при увеличении фризом архитектурным. Его дополняли изображения птицы Великаны Великановича, с конем в когтях, и русского княжеского дворца. Для декоративного использования предназначались также обрамлявшие фриз цветные стили-

творчестве простых ратных русских людей, говорит само за себя. Отдельные из названных рисунков по силе экспрессии и мастерству исполнения могут быть по праву отнесены к шедеврам алешовской графики. Один из них — «Святой Георгий» был удостоен высшей награды Чешской академии наук и искусств.

Особого упоминания заслуживают рисунки, навеянные «Словом о полку Игореве». Это произведение Алеш очень любил, оно волновало художника, питало его творческую фантазию. Один из рисунков крупноформатный, более метра в длину, цветной, называется «Полки Игоревы», 1902 (рис. 7). На нем изображены князь Игорь и его конная дружины во время передвижения по степи, впереди них бегут волки, над ними вьются черные птицы. На рисунке углем «Скачут словно серые волки», 1902 (рис. 8) Алеш мастерски изобразил скачущего по степи былинного всадника с

Рис. 9

зованные рисунки легендарного русского певца Бояна и сказочной русалки с лирой в руках и лебедем у ног. Тему последнего рисунка Алеш позже намеревался использовать в качестве эскиза для граффито. К русской теме обратился художник и в одной из последних крупных монументально декоративных работ, в эскизах росписи вестибюля Староместской ратуши (1904—1906 гг.). Мы имеем в виду фигуру боярина на рисунке «Прага славянская».

Еще одной нитью, связывающей Алеша с Россией, в частности с русской литературой, были его иллюстрации к чешским переводам произведений русских писателей. Он иллюстрировал, например, рассказ Л. Н. Толстого «Глупец». Его рисунки к этому произведению показывают, что чешский художник тонко понимал Толстого, взяв для иллюстрации ключевые и в то же время наиболее подходящие для графического воспроизведения эпизоды рассказа. При этом Алеш сумел довольно точно передать русский колорит толстовских образов.

К числу самых популярных работ Алеша относятся его иллюстрации к чешским народным песням и поговоркам, составившие впоследствии книгу, получившую название «Шпаличек»²⁹. Казалось бы, этот сборник не имеет точек соприкосновения с русскими сюжетами. Но это не так. Алеш не прошел мимо одной из чешских песен о молодом казаке и изобразил его так, как увидел в своем воображении (рис. 10). Этот рисунок, на котором конный казакображен на фоне степи и неба, — один из лучших у Алеша, хотя он и не велик по размеру, хотя и предназначался для иллюстрации. Но надо иметь в виду, что именно рисунки и иллюстрации принесли Алешу всенародное признание и славу.

Среди множества разнообразных произведений Алеша, так или иначе связанных с его интересами к России, есть еще один очень скромный рисунок, относящийся к 1901 г. На нем изображены с одной стороны Белая гора (место поражения чехов в 1620 г., когда Чехия надолго утратила независимость) под темными мрачными тучами, с другой — Кремль, озаренный лучами раннего утреннего солнца (рис. 11). Мы не знаем истории этого рисунка. Он невелик по размеру и по характеру своему относится к тем книжным миниатюрам, которые возникали у Алеша из многочисленных набросков как материализованное эхо его размышлений о прошлом и настоящем Чехии, о жизни населяющих ее людей, о будущем чешского и других народов. Этот маленький рисунок символичен, он представляется нам ключом к пониманию всей разнообразной трактовки русской темы в

Рис. 10

²⁹ Первая часть «Шпаличка» была опубликована в 1907 г., вторая — в 1912 г. Слово «Шпаличек» — буквально, по-чешски означает маленькая деревянная колода, брусок дерева. По сходству шпаликами издавна называли толстые книги. Первонациально, по-видимому, это были сборники духовных песен, имевшие деревянные корки, а затем просто песенники.

Рис. 11

творчестве великого чешского художника, всегда твердо верившего, что русский народ поможет Чехии освободиться от угнетения, всегда питавшего к нему любовь и дружеские чувства.

Произведения Алеша на русские сюжеты не являются какой-то обособленной частью его творчества. Они органически входят в наследие художника и многое объясняют в нем, порою позволяют постичь историю вызревания и трансформации отдельных художественных решений. Как уже говорилось, на одном из набросков к «Русскому циклу» Алеш изобразил не затихающую и на небе битву русских с французами. Трудно не вспомнить принципиальную идею этого художественного решения, знакомясь с одним из листов цикла «Родина» — «Домажлице», на котором отправившийся в путь юный славянский воин видит тени предков, так же, как и он, защищавших свой край от захватчиков. На третьем листе цикла «Чувства», который называется «Зрение», мы видим скачущего на зрителя молодого воина с копьем на перевес. Такой ракурс был художественной находкой Алеша, которую он использовал позже при изображении русского Георгия Победоносца. Один из подготовительных рисунков к незаконченному циклу «Славянские боги» (1878—1879) с изображением богини смерти Мораны с луком в руках Алеш впоследствии частично использовал для концовки к стихотворению «Смерть милой» в «Отголосках русских песен». Нельзя не заметить в ряде случаев некоторой общности в изображении русских наездников и многочисленных у Алеша всадников чешских, польских, сербских и других. Таких примеров можно было бы привести немало. Они могли бы стать предметом специального изучения.

В заключение рассмотрения связей Алеша с Россией хотелось бы привести еще два высказывания, имеющие к нему самое непосредственное отношение.

Известный чешский поэт, большой знаток русского искусства Франтишек Таборский (1858—1940), выражая свой взгляд на «полнокровно русские» произведения Алеша, считал, что они могли бы вполне «принадлежать Третьяковской галерее»³⁰.

А вот как оценил дарование Алеша Репин. В беседе с чешской актрисой Белой Горской, которая бывала в Пенатах, он однажды сказал: «Я видел некоторые рисунки Вашего чешского Алеша и, вспомнив о нашем Билибине, сказал себе: „Ну, брат тех, да ты просто русский человек. Билибинские бояре выглядят сказочными, а чешские воеводы Алеша и плотью и кровью словно русские бояре. А его святой Венцеслав никакой не польский святой, а самый настоящий русский из Киевского княжества...“»³¹.

³⁰ Цит. по кн.: M. Aleš. *Vlast a národ*. 1940, с. 40 (предисловие Э. Свободы).

³¹ Из статьи Белы Горской в газете «Obrana zemedělců» (18 XI 1937), посвященной 85-летию со дня рождения Алеша. Цит. по рукописи второго расширенного издания книги воспоминаний Марины Свободовой-Алешевой «U nas doma» с разрешения автора.

И Таборский и Репин по существу высказывали одну и ту же мысль. Оба они утверждают, что в конечном итоге русская тема и тема жизни чешского и всех других славянских народов, составляющие стержень всего творчества Алеша, дополняли одна другую и взаимообогащали.

У Алеша есть много изображений легендарного чешского князя Вацлава (Венцеслава), ставшего впоследствии почитаемым в Чехии, Польше, а также и России славянским святым. Однако для чехов XIX в. он был прежде всего одним из основателей самостоятельного чешского государства, «покровителем земли чешской». Его образ в угнетенной Чехии воспринимался как патриотический символ, напоминающий о независимости страны в прошлом и вселявший надежду на ее освобождение в будущем. Трудно сказать, какой именно рисунок имел в виду Репин. Но если исходить из произношения имени, то, возможно, им подразумевалась фигура Вацлава, воссозданная по эскизу Алеша в вестибюле Староместской ратуши в Праге. Над ней начертаны слова *Sanct Venceslavs*. Это изображение, если русский художник его знал, могло напомнить ему о Киевской Руси. Но могли напомнить о ней и другие рисунки св. Вацлава, например тот, на котором чешский князь показан сидящим на коне лицом к зрителю на фоне неба со стилизованным орлом над головой (1890).

Все сказанное приводит к выводу, что знакомство Алеша с русской литературой и искусством обогащало его как художника. Созданные им произведения на русские темы были отражением не только его личных дружеских чувств к русскому народу, но также и других представителей передовой чешской культуры, традиции которой он развивал. В подавляющем большинстве случаев Алеша привлекали такие русские образы и сюжеты, которые были созвучны его патриотическим и демократическим убеждениям, тесно соприкасались с творческими замыслами художника, стремлением к прославлению жизни древних славян, укреплению в народе национального самосознания. Обращаясь к русской тематике, Алеш оставался глубоко оригинальным самобытно-чешским художником. Его рисунки, воспроизведенные отдельные страницы из русской истории и различные образы простых русских людей, очень интересны и в познавательном отношении. Они дают представление о том, что знали в Чехии о России в последние десятилетия XIX в., какие эпизоды русской истории привлекали и волновали чехов, как они ими трактовались. А еще образы легендарных и реальных русских людей на рисунках Алеша показывают нам, как видел их великий чешский художник-гуманист, глядя на них добрыми глазами друга. Остается только пожелать, чтобы о них, так же как и обо всем творчестве Алеша, у нас знали больше.

Ю. СМЯЛОВСКИЙ

ФОРМЫ НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЗАРАБОТКОВ КРЕСТЬЯН В ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ РАЙОНАХ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

Несмотря на широкие исследования проблемы генезиса капитализма в Польше не все элементы капиталистического развития изучены в такой степени, какой они заслуживают. Это относится, например, к такому чрезвычайно важному в истории зарождения капитализма вопросу как неземледельческие занятия сельского населения¹.

Здесь я хотел бы рассмотреть, в какой мере были распространены неземледельческие заработки крестьян и в каких отраслях экономики использовался их труд накануне отмены барщины.

Были изучены материалы, относящиеся к району горной и металлургической промышленности, в котором существовали большие возможности для неземледельческих заработков крестьян. Многочисленные источники позволяют осветить интересующую нас проблему всесторонне, как явление значительного масштаба. В основном это престационные табели 1846 г. помешичьих деревень Олькушского, Меховского, Стопницкого, Келецкого и Велюньского повятов. Табели Опочинского повята не сохранились, но этот пробел восполняется документами о деятельности государственной администрации. Ситуация в казенных имениях нашла отражение в рапортах экономических осессоров, люстрациях, в корреспонденции властей различных инстанций. Богатые материалы по этой проблеме обнаружены мною в собрании Горного архива Домбровы Гурничей в Воеводском государственном архиве в Катовицах.

Предмет исследования требует дополнительных объяснений. В статье рассматриваются только неземледельческие заработки крестьян, имеющих

¹ Этой проблеме посвящены работы: St. Sreniowski. O zarobkowaniu chłopów pańszczyźnianych w Królestwie Polskim w latach 40-tych i 50-tych XIX wieku, «Kwartalnik Historyczny», R. LXIII, 1956, nr. 4—5, s. 159—179; J. Smiałowski, Zajęcia pozarolnicze ludności wiejskiej w okresie kształtowania się stosunków kapitalistycznych, «Rocznik Lódzki», t. XI (XIV), 1966, s. 167—201.

В некоторой степени она затронута в исследований: S. Kowalska. Zagadnienie siły roboczej w górnictwie i hutnictwie rządowym Królestwa Polskiego w latach 1831—1861, rozdz. I (w:) Ekonomika górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim 1831—1864, Warszawa, 1958; E.же. Sąñiarze w Zagłębiu Staropolskim; K. Pieśowicz. Zakłady górnicze w Sielcach (w:) Ekonomika górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim 1840—1910, Warszawa, 1961; E. Pietraszek. Robotnicy wiejscy kopalni i hut Sierszanskiego zagłębia węglowego, Wrocław, 1967.

Из многочисленных работ советских историков заслуживают особого упоминания следующие: Л. Б. Генкин. Неземледельческий отход крестьян Ярославской и Костромской губерний в первой половине XIX в., Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. Вып. IX(XIX), История, М., 1947; П. Г. Рындзюнский. Крестьяне и город в дореформенной России. «Вопросы истории», 1955, № 9.

три и больше моргов земли, поскольку заработки сельского пролетариата, безземельных крестьян и коморников в промышленности, в основном, уже освещены. Я исследую все те случаи, при которых основу существования крестьянина с точки зрения властей составлял земельный надел, а побочные занятия служили единственным источником дополнительных доходов. Меня не интересуют побочные занятия крестьян вообще, а только неземледельческие, то есть такие, которые непосредственно или в какой-то мере относились к промышленности, в том числе и те, которые были традиционными крестьянскими занятиями, например, рубка леса, извоз.

Чаще это были сезонные работы, хотя иногда один из членов семьи находился на постоянной неземледельческой работе, а его семья вела хозяйство и выполняла за него его обязанности на фольварке.

До реформы 1864 г. в Королевстве Польском долговременные отходные промыслы крестьян с участками выше 3 моргов являлись исключением, так как, если даже кто-нибудь из членов крестьянской семьи был занят на постоянной неземледельческой работе, он поддерживал тесные контакты с семьей и занимался хозяйством, если у него было время. Меня особенно интересуют формы и результаты одновременной работы в промышленности и в сельском хозяйстве.

К крестьянам с неземледельческими заработками я отношу тех, кто был занят непосредственно в промышленности, в промышленном строительстве, в строительстве дорог, каналов и железных дорог, перевозками для нужд промышленности, несмотря на то, что извоз был традиционным занятием в некоторых деревнях. К ним относятся также те, кто занимался рубкой леса и его вывозкой, так как в то время эти работы были тесно связаны с развивающейся промышленностью, в частности с горной и металлургической, и зависели от нее. Эта зависимость вытекала из огромной потребности в древесине растущих горных и металлургических предприятий, мануфактур, ткацких фабрик, судостроительной промышленности, нужды которой в значительной мере обеспечивались местным материалом. Группу, которая в источниках определяется как «находящиеся на заработках в ближних городах», я также отношу к занятым неземледельческими заработками, несмотря на то, что характер их работ в источниках не определен. Это можно сделать, так как различные работы крестьян в городах: в качестве прислузы, однодневной или многодневной, подсобных рабочих, временная работа на стройке, а иногда и на фабрике — в определенной степени были связаны с развивающейся промышленностью. Все перечисленные выше категории найма относятся к неземледельческим, требующим отвлечения от сельскохозяйственных занятий на более или менее длительное время. В исследуемый период они еще редко приводили к разрыву связей с деревней. Крестьянин, занятый работой на стороне, обычно ежедневно возвращался домой и время от времени принимал участие в ведении хозяйства, но это была непостоянная помощь.

Вторую, менее многочисленную группу крестьян, занятых на промыслах неземледельческого характера, составляли сельские ремесленники. Отсутствие ичерпывающих материалов, касающихся этой группы, не позволяет выяснить ее место в рассматриваемой проблеме.

Из шести интересующих нас повятов пять входило в Радомскую губернию, один — в Варшавскую. Все они находились в юго-западной части Королевства Польского и вместе занимали территорию 338 кв. миль, где проживало 750 633 жителя². Четыре повята примыкали к южной и за-

² L. Wolski. Kalendarz Obserwatorium Astronomicznego Warszawskiego na rok 1860, s. 138. Dane za rok 1858; Encyklopedia Powszechna S. Orgelbrandta, Warszawa, 1863—1867, t. 14, s. 634, t. 18, s. 501—502, t. 19, s. 880—881, 972, t. 24, s. 193.

падной границам Королевства, что увеличивало возможности отходных заработков крестьян.

Природные условия довольно четко определяли профиль экономики отдельных повятаов. Меховский и Стопницкий имели хорошие земли, что создавало основу для развития сельского хозяйства. Остальные четыре повята имели каменистые, болотистые, песчаные, пойменные неурожайные почвы, слабо использовавшиеся в сельском хозяйстве, в основном покрытые лесами, пустоши, пастбища.

Главными центрами горной и металлургической промышленности были Опочинский и Олькушский повяты. На территории Опочинского повята находился ранее Старопольский промышленный округ. Основную часть рабочей силы на его предприятиях до половины XIX в. составляли крепостные крестьяне. Относительно мало применялся труд крепостных крестьян в Олькушском повяте, где с 30-х годов XIX в. создается Домбровский бассейн, использующий каменный уголь как главный источник энергии.

Во всех этих повятах преобладало помещичье землевладение. В 1849 г. оно составило 80% от всех земель в Опочинском повяте и 90% — в Меховском³.

По плотности населения Олькушский, Меховский и Стопницкий повяты занимали 3—5-е место в Королевстве Польском. Остальные имели среднюю для Королевства Польского плотность населения⁴. Во всех этих повятах крестьянам не хватало земли, и качество почв было различным. Поэтому я считаю, что в Стопницком и Меховском повятах, где были лучшие почвы, в годы нормальных урожаев хозяйство в 12 моргов целиком обеспечивало крестьянина, а в остальных — хозяйство в 15 моргов. Таких крестьянских хозяйств в Меховском повяте было только 7,5%, а в Стопницком — 19,2%. Несколько больше их было в других повятах, но и там их процент был невысок. 81,5% крестьян, владельцев хозяйств, в Олькушском повяте, 78% — в Келецком, 73,2% — в Велюньском, 64,8% — в Опочинском вынуждены были искать дополнительных средств к существованию⁵.

Недостаток земли вынуждал крестьян обращаться к неземледельческим занятиям, но сохранившаяся еще здесь в достаточно сильной степени барщина ограничивала возможности использования новых путей заработка. Барщинные хозяйства составляли от 80% (Опочинский повят) до 91% (Меховский) от общего числа хозяйств. Следует добавить, что остальные хозяйства по большей части были чиншево-барщинными.

Большая часть городов исследуемой территории имели сельскохозяйственный характер. В 1859 г. городское население не превышало 20% от всего числа населения. Однако в промышленности на этой территории работало большое число сельского населения, о чем свидетельствует тот факт, что в городах проживали 41 935 человек, а в промышленности и торговле было занято 43 517.

Развивающаяся тяжелая промышленность и горное дело давали большие возможности дополнительных заработков для крестьян, особенно потому что большинство предприятий находилось в типично сельских районах, недалеко от деревень. С другой стороны, структура крестьянских хозяйств заставляла сельское население искать дополнительные заработки.

³ J. M. Wiślicki. Opis Królestwa Polskiego pod względem historycznym, t. I, cz. 11, s. 83, Warszawa, 1850.

⁴ L. Wolski, op. cit. s. 146—147.

⁵ Подсчеты произведены на основе престационных табелей отдельных повятаов. L. Wolski, Kalendarz za г. 1860, s. 170—171.

Самый меньший размер среднего крестьянского надела в Королевстве Польском составлял 9 моргов в Меховском повяте, 10 — в Олькушском.

Сельское население еще не было в тот период опасным конкурентом на рынке труда. В результате развития капиталистической промышленности быстро увеличивалась потребность в рабочей силе. Промышленность нуждалась не только в постоянных, но и во временных рабочих, что также давало возможность заработка. Как велики были эти возможности, показывает табл. 1

Таблица 1

Возможности заработка крестьян по престационным табелям 1846 г.

Повяты	Деревни						Всего деревень	
	без заработков		занятые неземледельческим трудом		занятые дополнительно в сельском хозяйстве			
	число	%	число	%	число	%		
Келецкий	5	4	24	21	84	75	113	
Меховский	14	5	60	20	227	75	301	
Олькушский	19	11	81	48	63	41	163	
Стопницкий	14	5	70	25	197	70	281	
Велюньский	187	45	74	18	152	37	413	

Примечание. Источники: AGAD (Archiwum Główne Akt Dawnych), № 3145, 3146; WAPK (Wojewódzkie Archiwum Państwowe w Kielcach), RGR (Rząd Gubernialny Radomski), № 1916, 1920, 1923, 1890—1895, 1901—1913, 1899.

Табл. 1 дает интересную картину. Наиболее точные данные получены по Меховскому и Стопницкому повятам, так как для них сохранились почти полные комплекты престационных табелей. Данные по Велюньскому повяту, с моей точки зрения, также отражают действительное положение, хотя сохранилось только около 60% престационных табелей. Но в них есть сведения обо всех частях повята. Несколько занижены количество и процент деревень, население которых занималось неземледельческими работами в Келецком и Олькушском повятах, потому что не сохранилось престационных табелей из наиболее развитых в промышленном отношении частей: юго-западной части Олькушского повята (Домбровский бассейн) и северной части Келецкого повята. У нас не было престационных табелей Опочинского повята, но из других источников нам известно, что, например, в 1864 г. на частных горных и металлургических предприятиях этого повята работали крестьяне более чем из 130 деревень. Одна эта цифра позволяет утверждать, что процент деревень, крестьяне которых были заняты на неземледельческих работах, в Опочинском повяте был значительно выше, чем в Олькушском. В казенных имениях в Опочинском и Олькушском повятах работали крестьяне почти всех деревень, так как там существовала традиция барщины и работы по вольному найму.

Есть основания считать, что деревни, население которых было занято на неземледельческих работах, в Олькушском и Опочинском повятах составляли около 60% общего числа казенных деревень, в Келецком — 30%. Олькушский и Опочинский повяты по этим показателям занимают в Королевстве Польском первое и второе место, Келецкий — четвертое. Третье

место принадлежало Ленчицкому повяту — 38%, центру ткацкой промышленности⁶.

Данные, касающиеся Велюньского повята, свидетельствуют о его слабом экономическом развитии. Промышленность существовала только в его южной части, начиная от Ченстоховы и далее на юг и запад. Сельское хозяйство традиционно было барщинным, вольный наем широко не использовался. Крестьяне не только не имели возможностей неземледельческого заработка, но и в сельском хозяйстве шансы дополнительного заработка были невелики. Обратное наблюдалось в Меховском повяте. Там велось интенсивное хозяйство на фольварках, которое давало крестьянам довольно большие возможности дополнительного заработка в сельском хозяйстве. Эти возможности, хотя и в меньшей степени, имели крестьяне Стопницкого и Келецкого повятов.

Неземледельческие работы, являющиеся главным предметом исследования в данной статье, различны по виду и интенсивности. Следует иметь в виду, что ими занимались крестьяне, формальным, главным источником существования которых были их хозяйства, большие или меньшие, и что часть крестьян была обязана выполнять барщину. На неземледельческие занятия они могли использовать только время, остающееся после работы на себя и на пана (барщина или наем). Эти работы, за исключением ремесла, не требовали квалификации. Редко кто-либо из семьи крестьянина был занят постоянно вне сельского хозяйства. Кроме того, это было возможно только недалеко от промышленных предприятий. Неземледельческими работами занимались как тягловые крестьяне, так и бедняки.

Обрабатывая данные для табл. 2, иллюстрирующей виды работ и участие в них крестьян отдельных повятов, я столкнулся с определенными трудностями, вызванными нечеткой терминологией источников. Если была возможность отнести какую-то работу к рубрике, точно определяющей характер занятия, я старался это сделать. Но неоднократно был вынужден сохранять неточную терминологию источников. Например, извоз — это понятие, объединяющее различные виды работ, выполняемых на промышленных предприятиях, на строительстве дорог, перевозке соли. Понимая несовершенство такой дифференциации, я решил все-таки сохранить ее, так как объединение всех этих занятий в общие группы сократило бы диапазон форм неземледельческого отхода. Различные его формы представлены в табл. 2.

Табл. 2 дает представление только о 1846 г. Очевидно, что в различные годы ситуация была различной. Условия 1846 г., как и последующих лет вплоть до 1852 г., не способствовали развитию горной и металлургической промышленности. Сокращение производства автоматически уменьшало возможности крестьянских промысловых отходов. Следующие годы характеризуются сильной потребностью в рабочей силе и относительной ее нехваткой. Но и эта единичная «фотография» состояния дел для нас очень важна. Несмотря на неполный комплект престационных табелей Келецкого и Олькушского повятов, очевидно, что они имели промышленный характер. Это следует из процента деревень, население которых работало на шахтах и рудниках. Об этом свидетельствует также тот факт, что извоз в этих повятах в основном обеспечивал нужды промышленных предприятий, а не торговли, как это имело место в пограничных Меховском, Стопницком и Велюньском повятых.

В табл. 2 собраны все случаи и формы определенных заработков крестьян каждой деревни. Если в источниках сказано, что крестьяне какой-то деревни работают в городах, на горнопромышленных предприятиях, то в

⁶ Показатель для Ленчицкого повята выведен на основе престационных табелей AGAD, KWK (Komisja Wojewódzka Kaliskiego), № 3136—3144.

таблице эта деревня упоминается дважды: один раз под рубрикой «работа в городах», другой раз под рубрикой «работа на шахтах». Мы хотим показать возможности неземледельческих занятий и их выбора, правда ограниченного. В результате искусственно увеличивается число деревень с населением, занятым неземледельческими работами, но ситуация выясняется при сравнении этих данных с данными табл. 1. Это сравнение интересно и по другой причине. Из него вытекает то, что наибольшие возможности выбора соответствующих неземледельческих работ имели крестьяне Стопницкого повята, где в среднем они могли заниматься двумя видами работы. На 70 деревень приходится 140 случаев таких работ. Этот выбор был значительно меньше в Келецком, Велюньском и Меховском повятых. Там только в каждой второй деревне имелось две формы неземледельческих работ. Стабильность наблюдалась в Олькушском повяте. Число деревень с неземледельческими занятиями и число случаев заработка очень сходно. Только 7% деревень этого повята от общего числа деревень, жители которых были заняты неземледельческими занятиями, использовали две формы неземледельческих работ. Причину этого факта я вижу в развитии капиталистиче-

Таблица 2

Формы и размеры неземледельческих заработка в 1846 г.

Повяты	Род занятый, число деревень	Бесро											
		Пароходы	Лодки	Корабли	Городские рабочие	Городские крестьяне	Городские ремесленники	Городские крестьяне в деревнях	Городские ремесленники в деревнях	Городские рабочие в деревнях на саженцах	Городские рабочие в деревнях на землях	Городские крестьяне в деревнях на землях	
Келецкий	3	—	—	—	12	3	4	—	—	—	—	—	38
Меховский	25	13	5	4	3	1	2	—	—	—	—	—	99
Олькусский **	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Стопницкий	15	3	13	8	22	5	—	—	—	—	—	—	140
Велюньский	24	—	21	18	33	17	—	—	—	—	—	—	102
Всего	67	21	71	33	76	39	23	35	13	9	6	10	467

Причесание. Источники: AGAD, № 31/5, 316; WAPK, RGK, № 1916, 1920, 1923, 1891—1895, 1911—1913, 1899.

* В источнике эти работы не разделены по роду предприятий.

** В Олькушском повите все случаи извоза были определены точно, что позволило институтам группировать

ских форм промышленности в этом повяте и в постоянной связи крестьян с промышленностью. Нам известны многие официальные договоры с целями деревнями этого повята о выполнении определенного вида работ, в основном извоза в течение определенного времени⁷.

Чаще всего крестьяне уходили на отходные промыслы на шахты и рудники, всего из 96 деревень. Это составляло свыше 20% неземледельческих заработков во всех исследуемых повятах. Следует иметь в виду, что печи для обжигания извести и каменные карьеры работали на нужды горной и металлургической промышленности. Рубка лесов также велась с этой целью. Если считать, что эти виды работ связаны с горной и металлургической промышленностью, то окажется, что занятых неземледельческими работами крестьяне было около 40% из помещичьих деревень и почти все крестьяне из казенных — Олькушского, Опочинского и Келецкого повятов. Наиболее полная информация об отходных промыслах крестьян в престационных табелях касается именно горной и металлургической промышленности. Владелец Осека Роман Короньский писал о крестьянах деревни Осек: «...они легко могут зарабатывать благодаря фабричному району и близости горнорудных предприятий, отвозить сельскохозяйственные продукты, соль на склады, рубить лес, выжигать уголь, если не заняты на сельскохозяйственных работах»⁸. Владелица Бодзейвице Каролина Стоевская заметила, что «...заработкам крестьян весьма благоприятствует то, что в соседней деревне находятся железоделательные фабрики; это обеспечивает постоянный заработок доставкой материалов и другими выгодными работами»⁹. Графиня Штольберг-Бернигороде, владелица Сельц, писала, что, так как в ее владениях находятся угольные шахты и цинковый завод, добывается глинозем, крестьяне могут зарабатывать в шахтах, при перевозках продуктов на завод и далее по месту назначения. Помещик им это не запрещает, хотя некоторые из них пользуются его инвентарем. Говоря далее о средствах, которые могут улучшить жизнь крестьян, она писала «об увеличении старых и открытии новых фабрик»¹⁰. Большую предприимчивость проявляли крестьяне довольно зажиточной деревни Блановице. У каждого из них было тягло, поэтому они зарабатывали, перевозя железную руду из Севержа в Прадла, чугун из Мжиглодской Порембы в фришарки в Быдлине. Соль крестьяне возили из Моджеева в Ченстохову, железнодорожные шпалы из кромоловских лесов на железнодорожную станцию в Мысловице. Кроме того, они переправляли торговцев и их товары на ярмарки, кромоловским ткачам на валяльни возили сукно¹¹.

Крестьяне рассматриваемых повятов уже давно работали на промышленных предприятиях. В 1834 г. крестьяне деревень Ближинце, Дзибице, Сокольники писали, что еще раньше они возили между Конецполем, Домбровой и Славковом кирпич, каменный уголь, железо, глинозем¹².

Трудно точно определить нетягловый приработок. Хотя о нем нет точных данных, мы знаем, что он был. О тягловых работах мы имеем довольно большой материал из различных источников, в основном из сохранив-

⁷ Заключение контрактов с крестьянами казенных деревень стало обычным в 50-х годах, но и до 1846 г. такая форма существовала. От имени крестьян помещичьих деревень чаще всего такие контракты заключали предприниматели-посредники евреи. Много контрактов находится в Горном архиве Домброва. WAPKat (Wojewódzkie Archiwum Państwowe w Katowicach), AGDG (Archiwum Górnictwa Dąbrowskiego Górnicyej), № 4132, 4140, 4143, 2321, 4134, 4137, 4139, 2415, 4144, 4136, 2503 и др.

⁸ WAPK, RGR, 1895, престационные табели имения Осек.

⁹ Там же, престационные табели имения Бодзейвице, деревень Верхнее Парче, Олевин, Вислица, Крыжавка, Твардовице.

¹⁰ Там же, престационные табели имения Сельцы.

¹¹ Там же, престационные табели дер. Блановице.

¹² WAPKat, AGDG, № 2848, л. 8.

шихся контрактов между администрацией Западного горного округа и целыми казенными деревнями или отдельными крестьянами. Я нашел 83 таких контракта, относящихся к 1851—1854, 1861—1864 гг. В одном контракте перечисляется ряд различных работ, стоимость которых, как и время исполнения, очень разная. Независимо от этого, крестьяне выполняли многие работы в так называемом административном порядке. Объем этих работ трудно определить. Крестьяне не очень охотно подписывали контракты на целый год, так как при часто изменяющихся ценах условия договора, заключенного в начале года, в конце года могли оказаться невыгодными. Кроме того, заключив контракт, крестьяне должны были платить гербовый сбор, что уменьшало их доходы. Контракт позволял взыскивать задолженности с крестьянина вне зависимости от того, сам он отказался от своих обязательств, или на его отказ повлияли внешние обстоятельства (например, падеж скота). Крестьяне предпочитали зарабатывать в административном порядке. Кроме того, при этой форме они сразу получали деньги, а при контрактах, только сделав всю работу¹³.

Хотя наибольшие возможности заработков на рудниках и шахтах имели крестьяне Опочинского и Олькушского повятов, источники неоднократно указывают, что и в других повятых крестьяне охотно шли на эти промыслы, например, из деревень Кшечонув, Чарковы, Кузьница, Блендовска Кузьница, Ленка из Меховского повята¹⁴, Пежхмянка, Уймы, Тшемошина, Шкляна Гута, Шчечно Стопницкого повята¹⁵, Велебнув, Чолчин, Орчув, Лопушна, Гжималкув, Лесьнювка и Хелмце Келецкого повята¹⁶. Уже в 1824 г. крестьяне многих деревень Келецкого повята уходили на механические предприятия в Бялогон. На горно-металлургических предприятиях работали крестьяне казенных деревень Ковали, Нестахово, Шевц, Завады, Маслояня, Слуница, Сикожа и многих других¹⁷. Много полуфабрикатов из Панек и Бляховни Велюньского повята в Банкову Гуту в Домброве было перевезено крестьянами в 1846 г. В перевозках участвовал 81 крестьянин из 10 деревень. В июне того же года только транспорт с этих предприятий в Банковую Гуту составлял 250 подвод. Осенью 1846 г. 21 крестьянин деревни Почесна подписал контракт с металлургическим предприятием в Бляховне около Ченстоховы на перевозку чугуна в Банковую Гуту. Поэтому контракту крестьяне должны были получить до февраля 1847 г. 2100 руб.¹⁸. Крестьяне многих деревень Велюньского повята перевозили руду и уголь в Силезию. При этом они зарабатывали гораздо лучше, чем, выполняя ту же работу на предприятиях в Королевстве Польском¹⁹.

Наибольшие возможности неземледельческих заработков имели крестьяне Опочинского повята. В этом повяте, по данным 1863 г., было 135 дере-

¹³ WAPKat, AGDG, № 2415, 2503, 2321, 4132—4144.

¹⁴ В самой деревне Чарковы была серная и гипсовая шахты. WAPK, RGR, № 1920, престационные табели имения Чарковы. В Кузьнице и Блендовской Кузьнице крестьяне имели «возможность зарабатывать, перевозя казенную цинковую руду из шахт на заводы, используя для этого свободное от сельскохозяйственных занятий время» (там же, № 1913, престационные табели имения Блендовская Кузьница. В дер. Ленка крестьяне зарабатывали, доставляя продукты и изделия горным предприятиям за 7 верст, и работая на шахтах (там же, № 1912, табель дер. Ленка)).

¹⁵ Там же, № 1923, престационные табели имения Шчечно.

¹⁶ Это были крестьяне казенных деревень Бесняк, Невахлева, Дымны, Пословице, Коваль, Бильча, Куба. Там же, № 1916, престационные табели перечисленных деревень.

¹⁷ WAPK, Dozorstwo Białogon, № 198, k. 20—21; WAPK, OTR (Oddział Terytorialny w Radomiu), ZDR (Zarząd Dóbr Państwowych), KRPS (Komisja Rządowa Przychodów i Skarbu), № 2536, passim, № 2537, k. 109.

¹⁸ WAPKat, AGDG, № 2442, k. 65—77, 98.

¹⁹ Там же, № 4440. Донесение Горного отделения от 9 ноября 1853 г.

вень, в поместьческих имениях были шахты и рудники²⁰. Так как случаи, когда крестьяне не работали на шахте или руднике, находящихся в имении, были чрезвычайно редки, мы можем считать, что в Опочинском повяте было наибольшее количество деревень, крестьяне которых работали в горно-металлургической промышленности. Их было значительно больше, чем в остальных пяти повятах вместе взятых. У нас нет данных ни о количестве казенных деревень, связанных с горно-рудным делом (оно должно было быть очень велико), ни о других весьма различных формах неземлемельческих заработков. Но и без них мы можем утверждать, что в этом повяте было наибольшее количество деревень, жители которых имели возможность дополнительных заработков.

Огромная потребность шахт и рудников в транспорте, особенно когда они находились на значительном расстоянии друг от друга, а леса в результате рубки отодвигались, приводила к тому, что чаще всего в этих отраслях промышленности работали крестьяне, имевшие тягло, а именно средние или зажиточные. Увеличивались размеры продукции, росли трассы перевозок сырья, полуфабрикатов и изделий, а транспорт оставался примитивным. Он состоял, в основном, из крестьянских телег. Это приводило к постоянному транспортному голоду, и, следовательно, давало постоянные возможности крестьянам, имеющим тягло, дополнительного заработка. Извоз не исключал ручного труда, напротив, обе эти формы отхода были неразрывно связаны. Перевозя сырье и полуфабрикаты на небольшие расстояния, крестьянин часто брал помощника для разгрузки и загрузки, что увеличивало возможности заработка. Так же обстояло дело с вырубкой леса. Большие возможности заработать имели крестьяне с тяглом, так как нужно было не только рубить деревья, но и складывать их в сажени (штабеля) в том месте, куда могли проехать телеги. Оно довольно часто было далеко от места вырубки. Конь был нужен для того, чтобы перевозить деревья на место штабелевки. Крестьяне, у которых не было коня, должны были переносить деревья на своих плечах.

Такие формы работ как вырубка леса, его доставка на шахты и рудники, в города и за границу были характерны для другой группы крестьян 76 деревень. Вырубка леса была сезонной работой, она длилась с 1 октября до 1 апреля. В связи с потребностями горно-металлургических предприятий она затягивалась иногда до начала мая, а в исключительных случаях и дольше. Вывозили приготовленный лес в течение всего года, а, в основном, зимой, ранней весной или поздней осенью, когда крестьяне меньше были заняты в своем хозяйстве. Это были долгосрочные заработки, сама работа не мешала ведению собственного хозяйства и выполнению барщинных повинностей. Лесными работами занимались и отдельные крестьяне. Они не учитываются табл. 2. Эти крестьяне составляли даже более значительную группу, чем сельские ремесленники. Живя недалеко от лесов, они закупали древесину, обрабатывали ее и продавали в город на топливо или ремесленникам для выработки изделий. Часто они сами делали различные инструменты и утварь. Часть из них занималась курением угля, продавая его

²⁰ WAPK, Келецкая губернская комиссия по крестьянским делам, № 5348, стр. 104—107; интересные сведения по этому вопросу содержатся также в частично сохранившихся престационных табелях этого повята. «Крестьяне могли зарабатывать рубкой дров для фабрик, значительное количество которых заготовлялось в этих местностях» (WAPK, № 1922, престационная табель дер. Взорки и Святая Катажина) и «так как частные и казенные фабрики были недалеко, крестьяне всегда могли зарабатывать, что и делали» (там же, престационная табель дер. Минюв); «Крестьяне, живя недалеко от горных предприятий, всегда могли зарабатывать, перевозя материалы на фабрики» (там же, престационная табель дер. Плебанский Вздул). Традиция неземлемельческих заработков в этом селе была старой. Источники свидетельствуют о ней с конца XVIII в. (WAPK, OTR, Радомские люстрации, 7а, люстрация экономии Бодзентын, 1826 г., Вздул, л. 101).

металлургическим заводам²¹. Потребность в лесе была огромной²², поэтому были необходимы рабочие по вырубке и вывозу леса. Если в то время существовала относительная нехватка рабочей силы, то, в основном, на тяжелых лесных работах, особенно в казенных лесах. Там была очень низкая плата, которая не менялась даже в случае значительного изменения цен. Кроме того, в то время в целях экономии предлагалось спиливать, а не рубить деревья. Крестьяне, привыкшие рубить лес топором, не хотели даже при повышении платы пилить лес²³. Осенью 1848 г. горным и металлургическим предприятиям не хватало леса. Специальные чиновники были направлены во многие деревни с тем, чтобы склонить крестьян к работе в лесу. Позиция крестьян была повсюду одинаковой. Крестьяне из Дымина ответили: «Мы не соглашаемся на такую работу из-за тяжелого труда при разделке пилой и из-за малой платы»²⁴. Далее они заявили, что могут начать вырубку, но топором и по ценам, предлагаемым не Лесным управлением, а ими. На такой же позиции стояли крестьяне многих других деревень, среди них Нестахова, Шевц, Ковали, Пословиц. Интересно также объяснение, представленное Правительственной комиссией финансов Отделу государственного имущества и лесов. В нем указывалось: «Главной причиной, задерживающей вырубку, является отсутствие рабочих, бездействие в рабочем классе (к этому стереотипному замечанию о бездействии крестьян, конечно, нельзя относиться серьезно.—Ю. С.) и страшная бедность. Из-за отсутствия одежды и обуви крестьяне не могут зимой работать в лесу. Кроме того, они считают, что оплата не соответствует их труду»²⁵. Интересно, что на отсутствие рабочих в лесу не жаловались частные предприниматели или помещики, проводившие вырубку лесов. Очевидно, они платили больше. Престационные табели подтверждают, что крестьяне охотно прибегали к этой форме заработка, если она лучше оплачивалась. Крестьяне из деревень Голендры, Чарна и др. Стопницкого повята вырубали близкие леса, ежегодно около 7000 саженей. Помещик В. Новосельский писал, что кроме этого вырубаются леса и продаются различные лесоматериалы, поэтому местные крестьяне, как с лошадью, так и без лошади, могут иметь разные заработки²⁶. В имении Куровенки того же повята «...крестьяне могут легко зарабатывать, так как обрабатывают дерево в близлежащих лесах и перевозят его. Помещик также постоянно вырубает лес»²⁷.

В Стопницком повяте, как следует из табл. 2, вырубка лесов в частных владениях велась очень интенсивно, что давало возможности дополнительного заработка жителям большой группы деревень, составляющей 24% всего населения, занятого на промыслах.

Третью по количеству группу составляли деревни, крестьяне которых работали, как определяют источники, «в близлежащих городах». Это определение нечеткое, так как под ним скрываются и работы на ткацкой фабрике Штейнкеллера в Жарках, и конные полевые работы в усадьбах землевладельцев.

²¹ Там же, Радомские люстрации, № 94, л. 104; люстрация староства Вольбром, 1822 г., т. 1.

²² На большую потребность в древесине в тот период не только в промышленных районах указывает И. Н. Улащик (стр. 375). Он пишет, что небольшой город, каким был Брест, потреблял в год около 25 000 возов леса плюс 15 000 саженей, доставляемых по воде. В интересующем нас районе только в 1846 г. в казенных владениях при использовании вольного найма и независимо от барщины было вырублено 178 031 сажень леса, что требовало 176 000 рабочих дней. Этот лес нужно было перевести на места назначения, что снова создавало дополнительные возможности заработка. AGAD, Rada Administracyjna, № 7082, protokół № 13 (23 II 1847 г.).

²³ WAPK, OTR, KRP, № 2380, k. 151; № 2473.

²⁴ Там же, № 2536, л. 160—197.

²⁵ Там же, л. 201.

²⁶ WAPK, RGR, № 1923, престационная табель дер. Шчечно.

²⁷ Там же, престационная табель селения Куровенки.

дельцев, поденные работы, перевозки различных материалов и товаров, подсобные работы на стройках, ремесленные занятия, работа в качестве домашней прислуги и многие другие, трудно поддающиеся определению занятия. Кажется, что этот вид заработка был непостоянным, наименее стабильным, не давал систематических заработков, так как экономика большинства городов, больших и малых, изучаемого повята не отличалась от экономики деревень. Большинство горожан, как и крестьяне, уходили на промыслы, выступая их конкурентами на промышленных предприятиях. Мы можем предположить, что некоторые возможности заработка давали повятовые города, губернские Сельцы и города недалеко от государственной границы, благодаря оживленной торговле²⁸.

Упоминания о работе крестьян в городах носят довольно общий характер. Например, крестьяне деревень Быдлин, Заленже, Завада и Кшишоплоты благодаря соседству таких городов, как Олькуш, Вольбром, Пилица... имеют значительные заработки. Крестьяне из Мзурова обычно возят уголь в Жарки²⁹. Крестьяне Монхочиц, Домашовиц и Загужа работали на полевых работах в Кельцах³⁰. Реальную картину отхода крестьян в города представляет владелец имения Котлиц С. Венжик. «Крестьяне на месте и в близлежащих городах могут заработать, если только хотят, но результаты этого труда не всегда ощущимы»³¹.

В Меховском повяте, через который шли главные торговые пути из Королевства в Краков, возможности заработка в городах были значительно больше, чем в других повятах. В Дзялошицах работали крестьяне из 7 деревень из имений Санцигнева, Хмелева, Якубовиц и Ежиковец. В Бжеское до 1846 г. и в Кракове работали крестьяне из имений Иголомия и Стогневиц. Они могли уходить в соседние имения и в город Проповице, но только в случае разрешения помещика³². Последним из группы наиболее распространенных несельскохозяйственных занятий крестьян был извоз. Под ним, как и под «работами в городах», понимались различные виды труда. Иногда это был извоз на промышленных предприятиях, иногда постоянная приграничная транспортировка различных продуктов и сырья. Ездили также в Кельцы, Радом, Варшаву, в некоторые города Силезии и даже на Украину с цинком. Постоянная экономическая связь существовала с Краковским. Движение подвод на этой трассе было почти непрерывным. Понятно, что в Меховском повяте было наибольшее количество деревень (25%), жители которых занимались извозом, так как через этот повят шли дороги из Королевства Польского в Краков. Престационные табели информируют об извозе так же сколько, как и о заработках в городах. В престационных табелях деревни Кшешувка и Тшонув имения Малый Ксенж мы читаем следующее: «Проходящая недалеко дорога позволяет крестьянам зарабатывать перевозками»³³. Крестьяне имения Корытницы, находящегося

²⁸ В Верушове Велюньского повята крестьяне Чесценцина, Оссова, Хобанина работали при таможне. Крестьяне Бялой Дольной и Либича, «живя только в полутора милях от торгового центра Ченстоховы, легко зарабатывают» (AGAD, № 3144, 3145, престационные табели указанных деревень).

²⁹ WAPK, RGR, № 1895, престационные табели соответствующих деревень.

³⁰ «В Кельцы ходят убирать урожай, пахать, боронить, плотничать, ломать камень, заниматься перевозом и другими работами» (там же, № 1916).

³¹ Там же, престационная табель имения Котлице.

³² Там же, № 1920, престационные табели соответствующих деревень. Владелец имения Мацежина М. Лещинский писал: «что крестьяне этих мест могут зарабатывать у себя дома, и если они не нужны в имении, то идут на заработки в ближайший город Кошице» (там же).

³³ Там же, № 1920, престационные табели Меховского повята. В имении Чехув в «миле от города Пинчова и недалеко от прекрасных лесов... они могут зарабатывать извозом» (там же).

между городами Пинчовым, Хенцинами, Хмельником, Енджеевом и Собковом, часто промыпляют извозом, кроме того, они привозили на окрестные мельницы зерно и развозили муку. Крестьяне из деревни Прусы имения Скробачов занимались на перевозку «различных продуктов», например, дерева, кирпича и т. д.»³⁴.

Извоз был возможен только для тех крестьян, у которых были хорошие упряжки. Он давал относительно хорошие заработки, но требовал и расходов на упряжь, телегу или сани. В дальних поездках крестьяне должны были тратиться на питание и фураж. Многие помещики подчеркивали, что упряжь увеличивала для крестьян возможности заработка.

Остальные занятия крестьян на отходах, приведенные в табл. 2, а также многие другие, которые в ней не учитываются, так как были более редкими, не играли существенной экономической и общественной роли. Они не требуют детального исследования.

Перевозкой соли занимались главным образом крестьяне из деревень, поблизости от которых находились соляные склады. Королевство Польское получало соль из Велички, она хранилась на складах в Кракове, Новом Бжеске, Новом Корчине. В основном ее перевозили крестьяне Стопницкого повята. Из Кракова, Бжеска, Моджеева, Щекоцзин крестьяне Олькушского и Меховского повятов везли соль в глубь Королевства Польского. Эта форма заработка была возможна только для богатых крестьян, у которых была упряжь, пригодная для трудных и долгих путешествий.

Тягловые и бестягловые крестьяне могли в то время зарабатывать на строительстве дорог, интенсивно ведущемся в Радомской губернии. Они должны были добывать камень в каменоломнях или собирать его на полях, перевозить на соответствующие участки дороги или шоссе, дробить, а затем выравнивать дорогу и мостить. Все это требовало много рабочей силы. Нас удивляет отсутствие всякого упоминания об этой форме отхода в престационных табелях Олькушского и Келецкого повятов, тем более, что из других источников известно, что дороги на этой территории строились³⁵. Особенно интенсивные работы там велись в более поздние годы. В Стопницком повяте крестьяне деревень Хобендза и Каменица «ломали камень и возили его на проезжую краковско-варшавскую дорогу». Крестьяне Иванович, Дарниц, Пасквитув не только ломали и возили, но и дробили камень³⁶.

Интересно, что на ремонтно-строительных дорожных работах в районе Домбровского бассейна почти весь ручной труд выполняли женщины, часто жены и дочери крестьян, занимающихся извозом. Довольно значительный процент (30—40%) рабочих на частных и казенных шахтах также составляли женщины. На угольной шахте «Реден» в 1859 г. среди 200 рабочих было 85 женщин. Среди 172 рабочих, уволенных в 1859 г. с шахты «Ксаверий», было 37 женщин. Из 25 рабочих частного глиняного карьера в Северской Гуже было 13 женщин. На других предприятиях в этих местах

³⁴ Там же.

³⁵ В 1846 г. строилась Келецко-Бусская, Бусско-Стопницкая и Стопницко-Стаповская дороги. Об объеме этих работ в последующие годы может свидетельствовать сумма 87 267 руб., затраченная на них в 1856—1859 гг. (WAPK, фонд Ольшевских и Борковских, № 28).

³⁶ Там же, RGR, № 1920. «Наиболее трудолюбивые крестьяне идут на дорогу в свободное время и там дробят камень и выполняют другие работы» (там же, престационные табели дер. Ставице, Вымыслов). В 1858 г. на строительстве дороги из Шедбожка в Кельцы протяженностью 8,5 верст, которая шла через Опочинский повят, «каждый день работало большое количество народа из близлежащих деревень» (там же, OTR, Радомские люстрации, № 65а, л. 1).

(Селец) был довольно высокий процент женщин³⁷. В 50-х годах появились первые крестьяне, заключавшие мелкие контракты с администрацией Западного округа по доставке камня и т. п. Мацей Бялый из деревни Большие Стшемешице обязался собственными силами выломать и привезти 4 сажени известняка для производства извести и 12 саженей, по 10 руб. за сажень, для ремонта дороги, идущей через колонию Реден в казенной каменоломне, называемой Ясенской Горой³⁸.

Если все рассмотренные выше виды занятий имели старые традиции, то работа на строительстве железных дорог была совершенно новой. Строительство первой в Королевстве Польском Варшавско-Венской железной дороги, проходящей через три из исследуемых повята, было начато в 1840 г. и закончено в декабре 1847 г. В последующие годы дорога улучшалась, постоянно ремонтировалась, и так как эта работа на довольно длительное время давала хороший заработок, крестьяне охотно шли на нее. Заработка был выше, чем по найму на фольварках и, что особенно важно, выплачивалась сразу, что не всегда было при найме в своем или соседнем имении³⁹. В табл. 2 мало представлено сельское ремесло. Но, как я уже говорил, учитывались только те случаи, когда ими занималась целая деревня. Во многих деревнях было по нескольку ремесленников. Не учитывалось в таблице сельское ткачество, ибо о нем не говорится в престационных табелях, хотя оно было распространено, и большая часть его продукции предназначалась на продажу. В 1852 г. в Келецком повяте было 3902 ткацких станка у крестьян. «В свободное от сельскохозяйственных работ время они занимались ткачеством»⁴⁰. В 1856 г. они наткали 34 520 м полотна и продали на ярмарках на сумму 6268 р. с.

Крестьяне деревень Галензице и Загужице недалеко от Кельц ломали камень и перерабатывали его в строительный материал⁴¹. Крестьяне из Гржималкова, Лесьнювки тесали мельничные жернова, точила, бруски и продавали их в окрестностях⁴². В имениях Домброва и Тараска крестьяне делали глиняные горшки и даже имели цеховое объединение. Развитие промышленности подорвало их существование. В 1855 г. они жаловались, что «гончарные изделия имеют очень малый сбыт, так как появилась железная посуда»⁴³.

На территории Велюньского повята также были три деревни — Польска Каменица, Стара Гута и Чарны Ляс, почти все жители которых занимались ткачеством. Перед ноябрьским восстанием в этих деревнях поселилось значительное число профессиональных ткачей. Интересен также состав жителей колонии Рендзыны этого же повята. Все 29 человек были ремесленниками, в большинстве случаев строительных специальностей, 11 среди них были ткачами. По свидетельству помещика «в последнее время они работали на строительстве железной дороги, а теперь на строительстве в местной усадьбе, которое со временем прекратится»⁴⁴.

³⁷ WAPKat, AGDG, № 2369, k. 3, № 4035, 4038, 2871, k. 326—348, № 2882, k. 249—252; M. P i e s o w i c z. *Zakłady górnictwa w Sielcach*, (w:) *Ekonomika górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim 1840—1910*, Warszawa, 1961, s. 83 in.

³⁸ Там же, № 2321, л. 60—61. В деле находится много таких контрактов.

³⁹ Помещик дер. Любойна Велюньского повята, крестьяне которой строили железную дорогу, называл их заработок «прекрасным» (AGAD, KWK, № 3145, престационная табель дер. Любойна).

⁴⁰ WAPK, фонд начальника Келецкого повята, № 157. Сельское ткачество было особенно развито в районе Кельц, «где ткали почти все крестьянки...» (там же). О сельском ткачестве в Опочинском повяте, там же, № 5 (рапорт за 1853 г.).

⁴¹ Там же, OTR, KRPS, № 2544, л. 5, 24, 34.

⁴² Там же, RGR, № 1916.

⁴³ WAPK, OTR, ZDP, Радомские люстрации, № 1728, протокол 3 (15 VI 1855 г.)

⁴⁴ AGAD, KWK, № 3145, престационная табель дер. Вонглев.

Подобное положение было в деревне Сокополь, насчитывавшей 12 хозяйств от 2 до 20 моргов. Каждый из крестьян имел какую-нибудь дополнительную профессию. Среди них были каменщики, гончары, ткачи, колесник, плотник, винокур⁴⁵.

Ярко выраженной ремесленнической деревней Стопницкого повята была Петрковице. Все 46 жителей имели 4-морговые участки. Очевидно, что при таких наделах ремесло было основным источником их существования⁴⁶.

Анализ проблемы, который велся в основном по таким массовым источникам как престационные табели, позволяет сделать следующий вывод. Крестьяне, несмотря на феодальную зависимость и многочисленные феодальные обязанности, ограничивающие их время, все-таки очень часто имели дополнительные заработки. В основном, они предпочитали форму несельскохозяйственного отхода и неохотно работали дополнительно в сельском хозяйстве, на фольварках.

Особого внимания заслуживает факт значительного участия в несельскохозяйственных занятиях тягловых крестьян и крестьян, использующих или имеющих большие и самостоятельные хозяйства.

На этот факт до сих пор не обращали внимания, изучая в основном несельскохозяйственные заработки безземельных и малоземельных крестьян. Массовые несельскохозяйственные заработки тягловых крестьян являются специфической особенностью исследуемого района, что вытекало из его горно-промышленного характера. Но следует иметь в виду, что и на других территориях Королевства Польского состоятельные крестьяне ходили на промыслы, хотя и не так массово. Как в первом, так и во втором случае это было связано с огромной в то время потребностью в транспорте. Вклад в промышленность мог сделать отдельный капиталист из своих средств, но вклад в средства коммунивации — строительство железных дорог — был слишком высок и превышал финансовые возможности отдельных капиталистов. Развитие различных отраслей промышленности приводило к увеличению массы товаров, которые необходимо было перевозить, и к увеличению расстояния между центрами сырья, продукции и сбыта. Это чрезвычайно увеличивало потребности в транспорте. Этим объясняется стремление тягловых крестьян уйти на промысел.

Широкое использование в горнорудной промышленности труда крестьянина, имеющего или использующего хозяйство, пусть даже очень маленькое, значительно задерживало развитие рабочего класса, так как такие работники никогда не были в полном смысле слова пролетариями. Они постоянно меняли профессию, не получая определенной специальности, не были теми, «кому нечего терять», так как со средой или даже с предприятием их связывало владение постройками и усадьбой⁴⁷.

Отрицательные результаты неземледельческих занятий крестьян, имеющих или использующих хозяйства, крестьян с землей, проявились в сфере не только общественных, но и экономических отношений. Крестьянин-рабочий только в малой степени был потребителем сельскохозяйственных товаров на городском рынке. Это ограничивало рыночное обращение. Местные промышленные центры в незначительной степени закупали сельскохозяйственную продукцию близлежащих деревень. Крестьянин обычно получал деньги не за труд в своем хозяйстве, а на промыслах.

⁴⁵ WAPK, RGR, № 1895, престационная табель имения Льгота Блотна.

⁴⁶ Там же, № 1923, «Так как жители ее — ремесленники, они легко зарабатывают дополнительно на месте, за исключением каменщиков, которые направляются в другие места».

⁴⁷ Так же оценивает данную проблему с учетом нескольких других отношений в России (отсутствие ежедневного контакта с хозяйством) Л. Б. Генкин. Неземледельческий отход крестьян..., стр. 16—18.

Крестьяне исследуемого района занимались несельскохозяйственными промыслами главным образом из-за того, что их наделы не обеспечивали их даже в том случае, когда по местным представлениям они были достаточно велики. Причинами этого были низкая культура сельского хозяйства, его феодальные повинности и часто повторяющиеся несчастные случаи.

Несельскохозяйственные занятия, связанные с промышленностью, в определенной степени «оттягивали» силы из сельского хозяйства, что влияло на формирование цен пайма, повышало их, или с чем мы также сталкиваемся в источниках, было единственным фактором, приводящим довольно часто к нехватке рабочей силы в сельском хозяйстве. Выполнение в течение длительного времени несельскохозяйственных работ могло стать для крестьянина школой специальности и давало ему возможность улучшить свою жизнь в том случае, если он навсегда оставлял свое хозяйство и работал вольнонаемным.

Несельскохозяйственные занятия становились этапом эмиграции крестьянина в город. В некоторых исключительных случаях они могли также стать для отдельных личностей основой самостоятельной деятельности в торговле и промышленности.

С. М. СТЕЦКЕВИЧ, В. А. ЯКУБСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ СЛАВЯН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье харьковских историков С. И. Сидельникова, В. В. Сухарева и Г. И. Чернявского поставлены важные вопросы преподавания истории южных и западных славян в высших учебных заведениях¹, которые должны стать предметом обсуждения на V межвузовской научной конференции историков-славистов в Харькове в феврале 1970 г. Публикация такой статьи представляется как нельзя более своевременной — назрела настоятельная необходимость обобщить накопленный нашей высшей школой за четверть века опыт преподавания курса истории южных и западных славян, и в то же время необходимо найти решение спорных и все еще не решенных проблем. Статья харьковских коллег, тщательно проанализировавших состояние и задачи учебно-методической работы славистов в ВУЗах, послужит отправным пунктом для развертывания плодотворной дискуссии на конференции.

Как и авторы статьи, мы считаем, что уже пришло время практически решить вопрос о введении курса истории зарубежных славянских народов в педагогических институтах. Нет нужды подробно доказывать, насколько важно для формирования историка — в том числе преподавателя истории в средней школе — глубокое ознакомление с настоящим и прошлым братских славянских народов, с тем, как у южных и западных славян реализовались общие закономерности исторического процесса. Но не секрет, что, хотя программами курсов истории средних веков и истории нового и новейшего времени пединститутов предусмотрены отдельные темы по истории славянских стран, практически, если только лектор сам не является историком-славистом, эти вопросы зачастую не освещаются — кроме, может быть, истории славянских стран периода социализма. Выделение истории славянских народов из общего курса всеобщей истории позволит поднять уровень исторического образования в педагогических институтах.

Возникает вопрос о размерах курса истории южных и западных славян — как в пединститутах, так и в университетах, где он давно уже предусмотрен по утвержденному Министерством высшего и среднего специального образования СССР учебному плану. Харьковские товарищи считают, что объем учебных часов, отводимых в университетах на общий курс истории южных и западных славян, «сравнительно невелик» (стр. 53) и сетуют на «большой объем курса всеобщей истории и сравнительно скромный — истории южных и западных славян в учебных планах университетов» (стр. 55). Но на абсолютное увеличение часов рассчитывать не приходится — учебный план университетов и без того предельно насыщен, а поднимать вопрос о перераспределении часов, скажем, за счет дальней-

¹ «Советское славяноведение», 1969, № 2.

шего сокращения курса истории нового времени нет оснований: этот курс вовсе не так уж велик, особенно если вспомнить, что в нем входит история крупнейших капиталистических стран Западной Европы и Америки.

Опыт чтения университетских курсов показывает, что отводимых часов² достаточно для ознакомления студентов с важнейшими проблемами развития народов Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии. Поэтому мы считаем, что и при выделении куска истории славян на исторических факультетах педагогических институтов речь должна идти, примерно, о 60 лекционных часах.

Мы не разделяем точки зрения тех преподавателей, которые не видят возможности уложиться в рамки существующего университетского курса, еще и потому, что история южных и западных славян читается сравнительно поздно — на 7 и 8 семестрах. Это обстоятельство позволяет опираться на конкретно-историческую и теоретическую подготовку, полученную студентами на предшествующих курсах. К этому времени аудитория уже достаточно подготовлена к восприятию лекционного курса, читаемого по проблемам.

Правда, проблемное чтение курса даст эффект лишь в том случае, если студенты хорошо обеспечены учебными пособиями. С. И. Сидельников, В. В. Сухарев и Г. И. Чернявский правы, когда в своей статье особое внимание уделяют состоянию нашей учебно-методической базы. В последнее время здесь наметились перемены к лучшему. Только что вышло из печати новое, переработанное издание университетской программы курса истории южных и западных славян. В этом году издательство Московского университета планирует выпустить новый учебник, авторский коллектив которого, объединивший специалистов Москвы, Воронежа и Харькова, дает все основания ожидать, что высшая школа получит высококачественное учебное пособие. Оценка этого, с таким нетерпением ожидаемого учебника — дело будущего; очевидно, этим займутся участники Харьковской конференции. Но мы считаем, что должен быть не один, а несколько учебников по истории славян, из которых студент и преподаватель могут выбрать наиболее для них подходящий.

Когда речь идет о подготовке учебных пособий, равно как и о лекционных курсах, чрезвычайно важно найти оптимальную структуру и соответствующие принципы отбора материала и его подачи. В этой связи нельзя не вернуться к новоизданной программе, которая ориентирует и лектора, и студента, и, надо полагать, составителей учебников.

Авторский коллектив — члены кафедры истории южных и западных славян Московского университета, которому принадлежит заслуга первоначальной разработки программы курса истории славян — с каждым новым изданием совершенствует ее. Программа 1969 г. претерпела особенно большие изменения и заметно от этого выиграла. Но по-прежнему сохраняется то ее качество, на которое славянский сектор исторического факультета ЛГУ уже не раз обращал внимание, — известная дробность и разобщенность разделов.

Включение в программу разделов о культуре отдельных стран и народов, без сомнения, вполне оправдано. Но почему почти везде они стоят особняком и факты культурного развития оказываются оторванными от других сторон исторического процесса? Ведь получается, что, допустим, гуситское движение — вплоть до «значения движения и его оценки в исторической литературе» подробно дано в одном месте, а «развитие культуры в период гуситского движения» — в другом, и их разделяют материалы о

² На историческом факультете Ленинградского университета курс истории южных и западных славян читается в объеме 78 часов на дневном отделении и 65 часов на вечернем.

Польше XI—XV вв. и др. На наш взгляд, гораздо вернее тот путь, который сами авторы избрали при освещении послевоенного периода, когда и культурное развитие славянских стран рассматривается как неотъемлемая часть их общего развития.

Еще больше дает себя знать дробность в разделах, посвященных народам Балканского полуострова. Каждый раз последовательно характеризуется социально-экономическое развитие Сербии, Боснии, Черногории и др. областей в соответствующие столетия или десятилетия. При неизбежной в рамках существующей часовой сетки краткости этих, во многом сходных между собой характеристик, не лучше ли вместо того давать сводную оценку состояния региона, далее обозначая специфику отдельных его частей? Например, историю южнославянских народов, находившихся в конце XVIII — первой половине XIX вв. под властью Австрийской империи, стоит дать в одном разделе — вместе с историей Чехии и Словакии, выделив в другой раздел историю всех южнославянских народов под владычеством Османской империи.

Одновременно нужно четче выдвинуть на первый план показ основных закономерностей развития славянских народов, а также развития Восточной Европы в целом. Сейчас же программа не предусматривает, например, показа общих особенностей аграрной эволюции в странах к востоку от Эльбы. Рассмотрение барщинно-крепостнических отношений только в границах отдельных стран не наталкивает читателя на необходимые обобщения; такое же принципиально важное понятие как прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве не упоминается вовсе.

Возвращаясь к статье харьковских товарищ, мы поддерживаем их предложение о расширении специализации по истории славянских народов. Как она должна строиться применительно к условиям стационара и вечернего отделения? Какие предметы, в каком объеме и в какой последовательности надо читать будущим славистам? Здесь бы мы хотели поделиться опытом Ленинградского университета.

Осуществляемая славянским сектором, который координирует работу историков-славистов двух кафедр — истории средних веков и истории нового и новейшего времени, специализация на дневном отделении исторического факультета Ленинградского государственного университета существует вот уже два десятилетия. Учебные планы за эти годы не раз пересматривались, и при общей реорганизации учебного процесса (в частности, сокращения лекционных курсов и смешения центра тяжести в сторону самостоятельной работы студентов), и в связи с поисками более целесообразных форм использования времени, отведенного на нашу специализацию. За последние годы сложился уже достаточно стабильный учебный план, в который по мере надобности вносятся коррективы.

Специализироваться будущие специалисты начинают на втором году обучения. Естественно, они сразу приступают к изучению языка той страны, историей которой собираются заниматься (занятия продолжаются 2—3 года, и надо сказать, что уже курсовые работы студентов 3 и 4 курсов строятся во многом на иностранных источниках и литературе). Тогда же начинается работа в специальном семинаре. И одновременно, в пределах отводимых на специализацию часов, читается курс истории южных и западных славян, хотя он, как известно, предусмотрен общим планом факультета. Но предусмотрен он только на 7—8 семестрах, а это обстоятельство, благотворно отражающееся на усвоении материала более подготовленной аудиторией, удобно для историков всех специальностей, но только не славистов: студенты приходят на факультет без систематических знаний по славянской истории, а без такого фундамента трудно приступить к работе над отдельными предметами и темами. Кроме того, для специалистов такой

общий курс оказывается маловатым. Поэтому решено было читать курс на 3—4—5—6 семестрах (136 час.), подготовляя таким образом славистов к восприятию специальных дисциплин.

По поводу специализации со второго курса, которая введена у нас сравнительно недавно (раньше ее начинали с третьего года обучения), вначале возникали сомнения. Однако практика показывает, что такая передвижка себя оправдала. Языковая подготовка и знакомство с общим курсом истории южных и западных славян — занятия, которые к специализации могут быть отнесены скорее условно, но без которых не обойтись — отнимают так много учебного времени, что, начинай бы мы с третьего курса, план был бы переуплотнен.

В число специальных дисциплин входят курсы источниковедения (6 семестр, 32 часа) и историографии славянских стран (7—8 семестры, 88 час.), а также истории международных отношений, исторической библиографии, архивоведения и др. Отметим, что на 7—8 семестрах читается особый курс, посвященный истории одной из стран — выбор страны определяется прежде всего направленностью интересов данной студенческой группы. Здесь уже появляется возможность, опираясь на прослушанный раньше общий курс и избегая ненужных повторений, подробно остановиться на основных проблемах и их освещении в современной литературе.

Наши студенты посещают по четыре специальных курса. За последние два года сектор организовал спецкурсы: «Основные проблемы движения Сопротивления в Польше и Чехословакии», «Идеи Великой Октябрьской социалистической революции и их творческое применение в деятельности Болгарской коммунистической партии», «Особенности аграрного развития западнославянских стран в период позднего феодализма» и др. Студенты обязаны участвовать в работе двух спецсеминаров. Но на деле большинство занимается в семинарах ежегодно, так как здесь не только формируются основные навыки работы с источником, но и оказывается непосредственная помощь в подготовке курсовых и дипломных сочинений.

Учебный план вечернего отделения, где специализация началась с 1963/64 учебного года, построен аналогичным образом. Сохраняя тот же перечень и порядок дисциплин, количество отводимых часов приходится сокращать — иной раз заметно: например, общий курс занимает 65 час., историография 72 часа и т. п. Здесь опять же во многом исходим из наличия учебных пособий. На источниковедение, учебная литература по которому все еще бедна, на вечернем отделении отводится столько же часов, сколько и на стационаре. Нередко занятия групп вечернего и дневного отделений объединяются — это касается прежде всего спецсеминаров и спецкурсов.

Было бы весьма желательно выслушать мнение коллег по этим вопросам и сообща обсудить трудности, с которыми каждый из нас сталкивается. В особенности нас беспокоит неудача всех попыток организовать посылку студентов на преддипломную практику в те страны, историей которых они занимаются, — проблема, которая у филологов давно уже решена.

В тех же ВУЗах, где нет возможности вести специализацию по истории славянских стран, необходимо организовать спецкурсы и спецсеминары, а также разрешить студентам писать курсовые и дипломные работы по славянской тематике.

Введение практических занятий по истории южных и западных славян, как это предполагают авторы статьи, мы считаем в принципе правильным, но в ближайшее время практически неосуществимым. Если такие занятия сейчас можно и нужно вести со студентами, специализирующимися по истории славянских стран, то для других специальностей это можно сделать только тогда, когда будут изданы в достаточном количестве соответствующие пособия. Видимо, на совещании в Харькове следует обсудить этот

вопрос в принципе, и, если будет признано целесообразным в будущем вести практические занятия по истории славян для всех студентов исторических факультетов, то нужно уже теперь ставить вопрос о структуре и содержании учебных пособий и наметить план их выпуска.

Подчеркивая необходимость улучшения содержания общих и специальных курсов, харьковские историки видят один из путей к решению этой задачи в расширении контактов с зарубежными историками-славистами и организации командировок наших преподавателей за границу. Этот вопрос уже поднимался на всех совещаниях историков-славистов, но, к сожалению, сдвиги в этом деле очень невелики. Министерство высшего и среднего специального образования СССР недостаточно использует те возможности, которые имеются для посылки преподавателей за границу.

Расширить историографические моменты в читаемых курсах, особенно усилить критику зарубежной буржуазной литературы, необходимо для повышения уровня преподавания истории славянских стран. Однако перед преподавателем, особенно если он не является специалистом-славистом, стоят здесь серьезные трудности. У нас все еще мало серьезных историографических работ, которые бы он мог использовать сам, а тем более — рекомендовать студентам. И прежде всего ощущается отсутствие специального учебника по славянской историографии, которого не могут заменить небольшие главы в двухтомном учебном пособии по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки или отдельные статьи. В настоящее время кафедрой истории южных и западных славян Московского университета разработана подробная программа курса историографии, которую разослали для ознакомления специалистам. На харьковском совещании ее следует обсудить и создать коллектив по написанию учебника по историографии, поручив возглавить работу кафедре Московского университета, которая располагает высококвалифицированными специалистами и имеет некоторый опыт в подготовке пособий по историографии.

Но такой учебник может выйти в свет только через несколько лет, а сейчас, по нашему мнению, большую помощь преподавателям-славистам мог бы оказать журнал «Советское славяноведение», расширив публикацию обзоров литературы и специальных проблемных статей — таких, как, например, «История польского национально-освободительного движения», «Историография образования Польши, Чехословакии и Югославии в 1918 г.», «Историография движения Сопротивления в славянских странах» и т. п.

Конечно, помочь журнала высшей школе не должна ограничиться только публикацией историографических работ. Преподаватели-слависты приветствовали бы также появление дискуссионных статей по важнейшим проблемам. Заслуживает обсуждения, например, вопрос о периодизации истории южных и западных славян, о характере революций в Польше, Болгарии и Югославии и т. п.

Совершенно справедливо в статье харьковских историков ставится вопрос о подготовке научных кадров историков-славистов и о повышении квалификации преподавателей. Существующие возможности используются недостаточно продумано. Так, Ленинградский университет, где историей славянских стран занимаются один профессор и два доцента, в течение многих лет не получает мест в аспирантуре для славистов. А между тем Ленинград, где сосредоточены богатые архивные и библиотечные фонды по новой истории Польши, мог бы стать одним из центров подготовки полонистов. Совершенно необходимо систематически повышать квалификацию преподавателей, читающих курсы истории южных и западных славян. По нашему мнению, такие курсы целесообразно создать в МГУ, на базе кафедры истории южных и западных славян.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Г. ПУЦКО

ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБСКОЙ ЖИВОПИСИ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ

Вопросам изучения южнославянского влияния в России в области изобразительного искусства посвящено ряд исследований, в которых рассматриваются настенные росписи, произведения станковой живописи, а также книжные миниатюры¹. Среди памятников, неоднократно привлекавших внимание специалистов, была и сербская икона из собрания Загорского Государственного историко-художественного музея-заповедника². Т. В. Николаева, учитывая давнишнюю и традиционную связь с Троицким монастырем сербских выходцев Войновых, предполагает, что эта икона «именно от них могла попасть в ризницу монастыря»³. Но путь, приведший сербскую икону в стены лавры, мог быть иным.

Икона небольших размеров (45×36 см)⁴. На ней в углублении ковчега помещено поясное изображение праведной Анны, держащей на руках младенца Мария (рис. 1). Этот не совсем обычный сюжет служил причиной того, что икона долгое время в описях значилась как богородичная икона «Умиление»⁵. И только в 1922 г. Ю. А. Олсуфьев, ссылаясь на убедительные доводы А. И. Анисимова, указал в печати на ее подлинный сюжет⁶.

Анна представлена на иконе в ярко-красном плаще, украшенном по краю золотым позументом. Из-под мафория над лбом виден зеленый чепец, отмеченный блесками светло-зеленого тона. По цвету вторит чепцу рукав хитона. В произведении доминирует яркий тон киновари, сообщая иконе настроение радостной праздничности. Складки плаща обозначены тонкими линиями более плотного красного тона. Всматриваясь в икону, замечаешь, насколько изысканна по рисунку фигура Анны, нежно держащей на руках обхватившую руками ее шею младенца Мария. Прекрасен образ молодой матери (художник словно забывает о сообщаемых церковной литературой сведениях о возрасте Анны). Черты ее лица правильны и изящны: тонкий с небольшой горбинкой нос, большие миндалевидного разреза глаза, с ровными, отчетливо выделяющимися бровями. Губы отмечены ударами киновари. Голубовато-серые белки несколько раскосо поставленных глаз хорошо воспринимаются в окружении зеленоватого вохрения, местами оживляемого красноватыми рефлексами. Плавно и мягко положены высыпывающие объемы ликов движки. На лбу и шее Анны, на щеках младенца преобладают теплые охристые тона. Особенно хорошо написаны тонкие, изящные пальцы рук Анны.

¹ В. Н. Лазарев. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей. «Ежегодник Института истории искусств». 1957». М., 1958, стр. 233—278; е г о ж е. Два новых памятника станковой живописи палеологовской эпохи. «Зборник радова византолошког института», VIII, Београд, 1963, стр. 195—200; Т. В. Николаева. К вопросу о связях древней Руси с южными славянами. «Сообщения Загорского Гос. историко-художественного музея-заповедника», вып. 2. Загорск, 1958, стр. 19—24; О. С. Попова. Новгородские миниатюры и второе южнославянское влияние. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, стр. 179—200.

² Т. В. Николаева. Там же, стр. 24; М. А. Липин. Zagorsk. Trinity-Sergius Monastery. M., 1968, p. 46, fig. 29; О. А. Белоброва. Живопись XIV века. «Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники». М., 1968, стр. 75—76.

³ Т. В. Николаева. Там же, стр. 24.

⁴ Инв. № 389. Икона расчищена в 1919 г.

⁵ Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевской лавры, до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Сергиев, 1920, стр. 79 (№ 9/308).

⁶ Ю. А. Олсуфьев. Дополнение 1 к Описи икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1922, стр. 3; е г о ж е. Искусство XIV и XV вв. Выставка при музее б. Троице-Сергиевой лавры. 1924 г. Сергиев, 1924, стр. 5.

с обозначенными белильными движками красивыми продолговатыми ногтями. Младенец Мария окутана в коричневато-пурпурные одежды приглушенных тонов, с золотыми бликами. В правом верхнем углу средника иконы в сегменте помещено поясное изображение благославляющего Анну с Марией Христа, облаченного в пурпурного цвета хитон и ярко-красный гиматий, со свернутым свитком в левой руке. Сегмент с изображением Христа почти соприкасается с nimбом, окружающим голову Анны. Нимбы на иконе басменные, с растительным орнаментом. Близкой по характеру басмой покрыты фон иконы и боковые поля. Возможно, что эта часть басменного оклада современна произведению, во всяком случае она не позднее XV в. Более поздней вероятно XVI в., является басма с мотивом крупных растительных побегов, покрывающая верхнюю и нижнюю полосы полей иконы. Живопись произведения допла до нас с большими утратами красочного слоя, приходящимися в основном на нижнюю часть фигуры младенца Марии, а также на одежды Анны.

Икона Анны с младенцем Мариеи на руках несомненно принадлежит к типу моленых. Об этом говорят и ее небольшие размеры и композиция изображения, близко напоминающая богородичные иконы типа «Умиление»⁷. Об этом свидетельствует и басменый оклад иконы, а то что он разновременный, говорит о длительном бытования образа в качестве поклонного.

Отмеченная связь иконы в Загорске с изображениями богородичных икон, казалось бы, позволяет считать рассмотрение ее иконографии излишним. Однако то обстоятельство, что аналогичные изображения чрезвычайно редки, делает необходимым привлечение всех тех материалов по иконографии Анны с младенцем Мариеи на руках, которые нам известны. Наиболее ранним из известных изображений является находящаяся в росписях церкви Санта Мария Антикве в Риме, выполненных в 705—707 гг.⁸ Небольшая мозаичная икона с тем же сюжетом имеется в Ватопедском монастыре на Афоне. Н. П. Кондаков относил ее к концу XI — началу XII в., считая ее константинопольским произведением и возможным вкладом императрицы Анны, жены Иоанна Кантакузена (1341—1356)⁹. Первой половиной XIII в. датируется икона в Музее Чивико в Пизе, восходящая к греческому образцу¹⁰. Изображения Анны с младенцем

⁷ См. V. L a s a g e f f. Studies in the Iconography of the Virgin. «The Art Bulletin» v. XX, № 1, 1938, March, p. 36—41; В. И. А н т о н о в а. К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери. Виз. временник, XVIII (1961), стр. 198—205.

⁸ В. Н. Л а з а р е в. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 13.

⁹ Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 113—114, табл. XII; е г о же. Иконография Богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 247, рис. 129. Ср.: O. D e m u s. Two Palaeologin Mosaics Icons in the Dumbarton Oaks Collection. «Dumbarton Oaks Papers», № 14 (1960), p. 92—93. Серебряное чеканное обрамление иконы XIII—XIV вв.

¹⁰ Упомянем также итальянский литик с изображением св. Анны на троне, с младенцем Мариеи на руках, XIII в. Хранится в музеев Бенаки в Афинах. Н. W e n t z e l.

Рис. 1. Анна с младенцем Мариеи. Сербия. Начало XIV в. Загорский музей

Марией встречаются также в росписях 1191 г. церкви св. Георгия в Курбинове в Македонии¹¹ и росписях 1230 г. церкви Сорока Мучеников в Тырнове¹². Этот же сюжет можно указать в ряде сербских росписей XIV в.: Богородицы в Каменице¹³, в Калениче¹⁴, в Студенице¹⁵, в Зауме возле Охрида¹⁶. Датированная икона 1637 г. с этим же сюжетом, кисти греческого художника Эммануила Цанеса, находится в музее Бенаки в Афинах¹⁷. Следует отметить, что перечисленные изображения не отличаются единством иконографии и имеют весьма существенные различия в деталях. В русских иконах и стеноисках этот сюжет неизвестен¹⁸. В цикле росписей или в житийных иконах, чаще всего в сценах, посвященных детству Марии, встречаем изображение ласкания Марии Иоакимом и Анной¹⁹. Из приведенного перечня памятников можно заключить, что сюжет, не являясь сербским по происхождению, в XIV в. встречается едва ли не исключительно в росписях сербских церквей²⁰.

Икона, хранящаяся в загорском музее, несмотря на ее сравнительно небольшие размеры, производит впечатление монументального произведения. Фигура склонившей голову Анны, касаясь лица порывисто, по-детски охватившей ее шею Марии, плотно вписывается в средник иконы. Монументальность центрального изображения подчеркивается сравнительно небольшими масштабами изображения Спаса, словно с высоты небес взирающего на Анну с юной Марией на руках. Колористическая гамма произведения строится на сопоставлении ярких и несколько приглушенных тонов. Звонкий тон киновари плаща Анны оттенен зеленым тоном чепца и рукава хитона, а также коричневато-пурпурным тоном одеял Марии, покрытых золотой шафровкой. Подобным образом сопоставлены киноварный гиматий и пурпурный хитон в изображении Христа. Обращает на себя внимание отсутствие румянца на лицах. Плавно, без малейшей резкости нанесенные движки положены опытной уверенной рукой. Стиль иконы не находит аналогий среди произведений византийских, болгарских или русских мастеров. Сюжет произведения заставляет в поисках аналогий обратиться к сербским памятникам.

В. Н. Лазарев, издавший сербскую икону из собрания Третьяковской галереи, отмечает, что «при настоящем нашем знании сербской станковой живописи, когда только началось систематическое раскрытие ее памятников, было бы трудно для каждой новой иконы найти убедительную аналогию»²¹. Не известны нам ближайшие аналогии среди произведений станковой живописи и для публикуемого памятника. Но вместе с тем нельзя не отметить его принципиальной близости к ряду стеноисков, выполненных несомненно сербскими мастерами. Это прежде всего фрески церкви Богородицы Левишко в Призрене (1307—1309)²², фрески церкви Иоакима и Анны в Студенице (1313—1314)²³. По своей рафинированности, по тонко продуманной ритмике движений икона Анны с младенцем Марии особенно может быть сближена с росписями Студеницы. Ее принадлежность первым десятилетиям XIV в. едва ли подлежит сомнению.

Zu dem Encolpion mit dem Hl. Demetrios in Hamburg. Jahr. Hamburg Kunstsammlungen, Bd. 8 (1963), S. 17, Alb. 9.

¹¹ А. Николовски. Фреске у Курбинову. Београд, 1961, рис. 59.

¹² Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство XI—XIII в. София, 1956, стр. 96.

¹³ В. Р. Петкович. Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950, стр. 142.

¹⁴ Там же, стр. 140.

¹⁵ M. Rajković. King's Church in Studenica. Beograd, 1964, fig. 29.

¹⁶ G. Millet. Byzance et non l'Orient. «Revue Archéologique», 1908 (XI).

¹⁷ А. Ευγγύπουλος. Μυσέου Μπενάκη. Κατάλογος τῶν εἰκόνων, Athènes, 1926, σ. 40—41, πιν. 20; М. Хадзидакис. Иконы в Греции. «Иконы на Балканах». София — Белград, 1967, № 95.

¹⁸ Пелена из сузdalского Рождественского собора (1410—1425), на которой сцена ласкания младенца Марии приближается к указанным композициям, по заключению В. Н. Щепкина, сербского происхождения. В. Н. Щепкин. Памятник золотного шитья XV века. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XV. М., 1894, стр. 35—60.

¹⁹ Ср.: В. Н. Лазарев. Снетогорские росписи. Сообщ. Ин-та истории искусств, т. 8. М., 1957, стр. 85; В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 60, табл. 44.

²⁰ Ср.: Т. В. Николаева. Там же, стр. 24.

²¹ В. Н. Лазарев. Два новых памятника..., стр. 197.

²² С. Радојчић. Старо српско сликарство. Београд, 1966, стр. 88—96 сл. 51, 52; С. Мандић. Један владарски лик у Богородици Левишко. «Зограф», 1, Београд, 1966, стр. 24—27.

²³ С. Радојчић. Там же, стр. 105—109, сл. 56—58.

Находит она точки соприкосновения и в стиле иконы «Богоматерь из деисиса» в Третьяковской галерее в Москве²⁴.

Как известно, сюжеты помещавшихся на моленых иконах изображений соответствуют одному из приходящихся на определенный день года праздникам или святым²⁵. Память Анны в круге годичных богослужений православной церкви отмечается четырежды²⁶. В соответствии с каждым из праздников Анна изображается то встречающейся с Иоакимом (Икона праздника Зачатия Анны), то сидящей на ложе (в сцене Рождества Богородицы), то стоящей фронтально, рядом с Иоакимом. В иконе «Успение св. Анны» она изображена на смертном одре. Иконография рассматриваемого памятника не находит себе места среди только что указанных композиций. По сюжету изображения икона ближе всего подходит к празднику Зачатия Анны.

На связь иконы с этим праздником дают указание некоторые выражения, встречающиеся в гимнах, посвященных Зачатию Анны. «Днес ис корене давида парская перфира прозябши и от Ессея израсти начинает та цвет иный, в нем же Христос бог наш процвете»²⁷. Словно иллюстрируя цитированную фразу, мастер афинской иконы «Святая Анна с Богоматерью» изображает Марии держащей в руке цветок — олицетворение Христа²⁸. «Днес в ложеснах целомудренная Анны младоносится Мария богоотроковица, уготоваемая во вселение всех царя веком и во обновление рода нашего»,²⁹ «яве грядет богоотроковица, из нея же сам благоволит родится, неописаный земен бы»³⁰. Быть может, и не совсем привычно видеть изображение Марии на руках у Анны на иконе этого праздника, и не исключено, что несоответствие семантике могло послужить причиной отказа от этого варианта праздничной иконы. Но если учесть, что символика в известной степени присуща христианской иконографии вообще, то станет вполне понятным как центральное изображение загорской иконы, так и фигура Спаса со свернутым свитком — символом пророчества — в руке. Смысл этого изображения также может раскрыть текст одного из гимнов праздника³¹.

Храмы, посвященные Зачатию Анны, не часто встречаются на Руси. Заслуживает внимания тот факт, что три наиболее известных Зачатьевских монастыря основаны почти одновременно во второй половине XIV в. 1360 год приято считать временем основания Зачатьевского монастыря в Москве³². В 1374 г. Сергий Радонежский пешком отправляется к двоюродному брату Дмитрия Донского «великоимениному князю Владимиру умоловившему святого» в Серпухов, где основывает монастырь в честь Зачатия Анны, более известный под названием Серпуховского Высоцкого монастыря³³. Игуменом этого монастыря становится любимый ученик Сергия Афанасий³⁴, тот самый, который, оставив игуменство в 1383 г., переселяется в Константинополь, где занимается книгоизданием и где заказывает для Высоцкого монастыря знаменитый деисисный чин³⁵. Когда в Высоцком монастыре деревянный храм был заменен каменным, освящение последнего весной 1381 г. торжественно совершаются митрополитом Киприаком

²⁴ В. Н. Лазарев. Два новых памятника..., стр. 195—200. Составители каталога икон галереи считают ее византийским произведением (В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Гос. Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи, т. 1. М., 1963, № 326, рис. 255).

²⁵ Е. К. Редин отмечал, что вообще под словом «икона» разумеется изображение одного события или лица, празднуемого или чествуемого в известный день. Е. К. Редин. Церковные древности. Тр. VIII археологического съезда в Москве. 1890, т. IV. М., 1897, стр. 210.

²⁶ 8 сентября — Рождество Богородицы; 9 сентября — память Иоакима и Анны; 9 декабря — Зачатие Анны; 25 июля — Успение Анны.

²⁷ Стихири «на стиховные».

²⁸ «Иконы на Балканах», № 95.

²⁹ Стихири «на Господи возвах».

³⁰ Тропарь праздника.

³¹ «Пророческая речения пыне исполняются: гора бо святая в ложеснах водружается, лествица божественная насаждается, престол великий парев проуготовляется, место украшается богоходимое, купина неопалимая начинает прозябати. Мироположница святыни уже изтекает, неплодствия реки простирающи богомудренныя Анны, юже верою ублажаемы — стихира «на Господи возвах».

³² Л. Смирнов. Историческое описание Московского Зачатьевского девичьего монастыря. М., 1884, стр. 5—6.

³³ Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев посад, 1892, стр. 54—55; Д. К. Тренев. Серпуховский Высоцкий монастырь, его иконы и достопримечательности. М., 1902, стр. 12—16.

³⁴ С. Смирнов. Преподобный Афанасий Высоцкий. М., 1872; Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 66—67.

³⁵ В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. 1. Высоцкий чин. Виз. временник, т. IV (1951), стр. 122—131.

при участии приехавшего с ним в Серпухов Сергия³⁶. В 1389 г. ростовским епископом Иаковом основан Зачатьевский монастырь на родине Сергия Радонежского — в Ростове Великом³⁷.

Знаменательно, что сербская икона с изображением Анны с младенцем Марией оказалась в стенах основанного Сергием Троицкого монастыря. Весьма высокий художественный уровень произведения свидетельствует о его принадлежности кисти выдающегося мастера. Обладать такой иконой могло только лицо, занимавшее высокое по тому времени общественное положение. Именно таким лицом и являлся всероссийский митрополит Киприан, серб по происхождению, по словам М. Н. Тихомирова, «знаменитейший из южнославянских выходцев»³⁸. Дружеские связи Киприана с Сергием общеизвестны. Не может остаться незамеченным и тот факт, что все сохранившиеся автографы митрополита Киприана дошли в составе Троицкой библиотеки³⁹. А это является лучшим свидетельством о возможной передаче иконы в монастырь в числе принадлежавших митрополиту вещей.

В данной статье мы попытались рассмотреть лишь один памятник станковой живописи. Исследование находящихся в том же монастырском собрании произведений сербского прикладного искусства должно составить тему специальной работы.

³⁶ Д. К. Трениев. Там же, стр. 25.

³⁷ «Св. Иаков, епископ ростовский и основанный им монастырь в Ростове Великом». Ростов, 1898; А. Титов. Спасо-Яковлевский Дмитриевский монастырь в городе Ростове Ярославской губ. М., 1900. Из других зачатьевских монастырей нам известны: 1) в Нижнем Новгороде, девичий; 2) в селе Милица, возле Пскова; 3) на реке Солотче, близ Солотчинского монастыря возле Рязани (существовал в XV в.); 4) в Галиче, Констомском епархии. П. Троев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стлб. 621, 410, 436, 873. Кроме того, известны теплый Зачатьевский храм в Сузальском Покровском монастыре, основанном князем Андреем Константиновичем в 1364 г. (существующий каменный храм 1551 г. построен взамен деревянного. Н. Н. Бородин. Владимир, Боголюбово, Сузdal', Юрьев-Польской. М., 1965, стр. 218), и храм у Дальних пещер Киево-Печерской лавры. Л. И. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 114, 295.

³⁸ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», ОГИЗ, 1947, стр. 173.

³⁹ «Архим. Леонид. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку духовной семинарии в 1747 году», вып. Н. М., 1887, № 1 (14), 5 (142); Г. И. Вздорин. Роль славянских мастерских письма Константиноополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. Тр. Отд. древнерусской литературы, т. XXIII (1968), стр. 173—175, 189.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. БЕРОВ. Положението на работническата класа в България при капитализма. София, 1968, 342 стр.

Л. БЕРОВ. Положение рабочего класса Болгарии при капитализме

Любен Беров принадлежит к числу знатоков экономики капиталистической Болгарии. Много лет работая в избранной им области, он написал ряд интересных работ. Ныне вниманию читателей предложен новый капитальный труд Л. Берова «Положение рабочего класса Болгарии при капитализме».

Книга состоит из трех глав, в которых рассматривается положение промышленного пролетариата, рабочих транспорта и средств сообщения, сельскохозяйственных рабочих и других отрядов болгарского пролетариата при капитализме, начиная с последних десятилетий XIX в. и до 1944 г. Автор детально прослеживает не только динамику положения рабочего класса в целом, но и изменения в отдельных факторах, определявших положение пролетариата в тот или иной период и действовавших иногда в противоположных направлениях.

Исследование Л. Берова базируется на разнообразных архивных источниках, многочисленных статистических сборниках, сведениях рабочей и профсоюзной печати (ему пришлось изучить не один десяток годовых комплектов газет и журналов), различной документации министерств, банков, предприятий, а также на обширной литературе. Огромный труд, можно смело сказать, увенчался большим успехом. Рецензируемая книга является первым в болгарской исторической литературе результатом действительно полного, очень тщательного и разностороннего анализа положения рабочего класса Болгарии при капитализме. Рассматривая довольно продолжительный отрезок времени — свыше 60 лет — Л. Беров более подробно останавливается на периоде между двумя мировыми войнами, так как по его мнению, именно этот период изучен слабее всего.

Автор делится с читателем рядом интересных наблюдений, новых фактов. Несомненную ценность представляют и общие выводы Л. Берова о тенденциях изменений в положении рабочего класса

капиталистической Болгарии, о специфике развития болгарского пролетариата.

Одну из таких специфических черт Л. Беров справедливо видит в том, что, помимо кадров постоянных рабочих — истых пролетариев, в буржуазной Болгарии существовал довольно значительный контингент рабочих, не порвавших с землей и искавших в промышленном производстве дополнительный источник доходов. Слой этих полупролетариев — сельских бедняков рос относительно и абсолютно, особенно в период между двумя мировыми войнами, представляя собой более удобный объект для эксплуатации из-за низкого уровня организованности и классовой сознательности. Отсутствие ясно очерченной границы между промышленным пролетариатом и мелкими товаропроизводителями деревни не позволяет точно определить общую численность промышленного пролетариата капиталистической Болгарии. Все же Л. Беров считает, что к началу второй мировой войны в болгарской промышленности работало около 140 тыс. рабочих, из них около 90 тыс. были постоянными кадровыми пролетариями и около 50 тыс. временными рабочими, находившимися на различных ступенях перехода от крестьянской бедноты к промышленному пролетариату (стр. 24). Вместе с неработоспособными членами своих семей они составляли около 4% населения (против 0,8% накануне Балканских войн).

Исследуя развитие факторов, определявших положение промышленного пролетариата, Л. Беров устанавливает, что на протяжении всего периода господства капитализма изменение продолжительности рабочего дня происходило в сторону улучшения, заработной платы — в сторону ухудшения, а в гигиене труда, жилищных условиях и т. п. особых перемен не наблюдалось. Для сопоставления этих разнодействующих факторов Л. Беров вычисляет индекс реальной заработной платы на душу рабочего населения (т. е. включая иждивенцев) за 1 час

рабочего времени при неизменной интенсивности труда. «Это обобщение показывает,— пишет он,— что действие всех факторов, определяющих положение рабочего класса в качестве конечного результата дает значительное ухудшение материального положения промышленных рабочих Болгарии, особенно в межвоенный период» (стр. 129).

Автор показывает, что процесс этот звал свои приливы и отливы. Так периодами наибольшего ухудшения положения индустриальных рабочих были первая половина 90-х годов XIX в., первые годы XX века, годы первой мировой войны, 20-е годы, годы второй мировой войны. Л. Беров указывает и периоды, когда постоянное ухудшение временно задерживалось и даже сменялось улучшением положения рабочего класса. Так было в 1905—1906 гг., 1908—1910 гг., 1930—1936 гг. (стр. 138), что объясняется, по мнению автора, главным образом усиленным сопротивлением рабочих, стачечным подъемом в эти годы. Автор подчеркивает, что ухудшение положения промышленных рабочих не происходило равномерно и в разной мере касалось различных категорий рабочих, причем чего он видит не только в различной степени организованности и сознательности пролетариата, но и в различной степени организованности и единодействия капиталистов (стр. 132).

Из истории Болгарии известно, что после установления фашистской диктатуры в 1923 г. рабочие крупных предприятий в значительно меньшей степени участвовали в стачечной борьбе, чем рабочие мелких предприятий. Л. Беров пытается объяснить этот кажущийся парадоксальным факт с одной стороны тем, что влияние революционных профсоюзов было гораздо сильнее среди рабочих мелкой промышленности¹, а с другой стороны тем, что нажим промышленного капитала на рабочих крупных предприятий, как правило, был сильнее, чем на рабочих мелких заведений, что в первых норма эксплуатации была выше и ухудшение положения рабочих протекало в целом быстрее, чем в мелких (стр. 134—136). Хотя это наблюдение автора и не лишено интереса, выводимая им зависимость между положением рабочих и их социальной активностью представляется слишком непосредственной.

Рассматривая положение сельскохозяйственных рабочих — наиболее многочисленной категории болгарского пролетариата², Л. Беров с полным основанием

¹ Однако этот факт в свою очередь нуждается в объяснении.

² Согласно переписям населения, сельскохозяйственные рабочие составляли 207 тыс. в 1926 г. и 136 тыс. в 1946 г. Л. Беров считает эти цифры заниженными, так как при официальных переписях в категорию сельскохозяйственного про-

называет их самой бесправной частью болгарских рабочих. Их не касались даже те небольшие завоевания, которых добились остальные отряды рабочего класса в области трудового законодательства³: для них не существовало никакого ограничения рабочего дня, не было бесплатной медицинской помощи и т. п. Правда, их не затронула интенсификация производства, так как «техника и способ работы в сельском хозяйстве не изменились» в межвоенный период (стр. 239). В целом на протяжении исследуемого периода существенные изменения в факторах, определяющих положение сельскохозяйственного пролетариата, коснулись главным образом заработной платы. Особенно ощутимым было ее снижение в межвоенный период.

Для характеристики сельскохозяйственного пролетариата небезинтересны приводимые Л. Беровым данные о сравнительно большой доле в его составе женщин (в 1910 г. — 36%, в 1946 — 34%), а также представителей неболгарских национальностей, в частности турок и цыган. Низкий уровень сознательности и организованности сельскохозяйственных рабочих был в значительной степени связан с неграмотностью большой их части: в 1920 г. не знали грамоты 66% сельскохозяйственных рабочих, в 1946 г. — 47% (стр. 222).

Второй по численности категорией болгарского пролетариата были до 20-х годов XX-го века ремесленные рабочие (к середине межвоенного периода они уступили это второе место промышленному пролетариату): по оценке Л. Берова, в 1900 г. ремесленные рабочие насчитывали 29 тысяч, в 1946 г. — 97 тысяч. Исследование их положения приводит автора к выводу, что падение реальной заработной платы ремесленных рабочих в межвоенный период на 30—40% при возрастной в количественном отношении семье⁴ не ком-

петариата не включались рабочие, имевшие клочок земли и работавшие по найму меньше шести месяцев в году (стр. 219—220).

³ В 1919 г. был принят указ о введении восьмичасового рабочего дня на предприятиях, который, правда, редко где соблюдался. В 1924 г. последовал закон о социальном обеспечении, согласно которому часть рабочих получила право на некоторое материальное обеспечение в случае болезни и право на бесплатную медицинскую помощь. Хотя в действии закона на практике существовали многочисленные отступления, Л. Беров констатирует в период между двумя мировыми войнами известный прогресс в медицинском обслуживании рабочих, условиях выхода их на пенсию, в предоставлении им оплачиваемых отпусков.

⁴ Впрочем для ремесленных рабочих количественный рост семьи был не столь

пенсировалось сокращением длительности рабочего дня в среднем на 1—2 часа. А так как другие факторы существенно не изменились, автор констатирует общее ухудшение материального положения ремесленных рабочих в межвоенные годы (стр. 267). |||

В конечном счете степень эксплуатации рабочих выражается нормой прибавочной стоимости. Согласно подсчетам автора, среднеарифметическая норма прибавочной стоимости, в период до Балканских войн составлявшая 197%, в межвоенные годы возросла до 249%. Однако, принимая во внимание неоднородность источников, Л. Беров считает возможным последнюю цифру поднять до 300%. И на основании этого приходит к выводу, что Болгария занимала одно из первых мест среди капиталистических стран по степени эксплуатации рабочих в промышленности (стр. 139—140). К сожалению, в столь важном выводе автор не проявляет последовательности: на стр. 216 вновь фигурирует цифра 249%.

Генеральный вывод, к которому приходит Л. Беров в результате своего исследования, состоит в том, что на протяжении всего периода капиталистического развития Болгарии происходило абсолютное обнищание пролетариата. В отнотении промышленных рабочих он пишет: «При большей интенсивности труда, возросшей безработице и увеличенном составе рабочей семьи промышленный пролетариат получал после войн меньшую реальную заработную плату и жил хуже, чем в период до Балканских войн... При наличии столь ясно выраженного процесса абсолютного обнищания следует, конечно, ожидать и относительного обнищания промышленного пролетариата Болгарии до 1944 г.» (стр. 138). Подобные заключения автор делает и в отношении остальных категорий рабочего класса Болгарии.

Отметив, что абсолютное и относительное ухудшение материального положения рабочих Болгарии происходило быстрее, чем у пролетариата развитых капиталистических стран, Л. Беров объясняет это несколькими причинами. В их числе — эксплуатация трудящихся Болгарии со стороны международного финансового капитала, отсталость Болгарии

уж значителен: соотношение активных и пассивных членов семьи составляло в 1910 г. 100 : 60, а в 1946 г. — 100 : 63 (стр. 262). Гораздо большие изменения претерпело это соотношение работающих и нждивенцев в семьях промышленных рабочих — 100 : 47 в 1888 г. и 100 : 90 в 1946 г. (стр. 77—78), а также сельскохозяйственных рабочих — 100 : 66 в начале XX в. и 100 : 98 в 1934 г. (стр. 221). Интересна сама тенденция, выявленная Л. Беровым: доля семейных рабочих составляла до Балканских войн ок. 50%, а в 1926 г. поднялась до 61%.

с точки зрения развития производительных сил, а, кроме того, сравнительно позднее начало развития капитализма в стране (стр. 307). В книге ставится также вопрос о том, за счет чего была возможна в Болгарии систематическая продажа рабочей силы ниже нижней границы ее стоимости, почему это не приводило к физическому вырождению рабочего класса. Автор считает, что определенным резервом в этом отношении была связь значительной части пролетариата с сельским хозяйством, приводившая к перекладыванию части расходов по воспроизводству рабочей силы на крестьянское хозяйство (стр. 292). А так как само сельское хозяйство оставалось примитивным, неспособным в условиях капиталистической Болгарии к прогрессу, то получался замкнутый круг, разорвать который могла лишь социальная революция.

О методе исследования Л. Берова стоит сказать особо. Автор поставил перед собой весьма сложную даже при наличии обширных статистических материалов задачу исследовать совокупность условий, в которых протекает жизнь рабочего, а именно: движение заработной платы, размеры безработицы, интенсивность труда, длительность рабочего дня, состояние жилищных условий, гигиена труда на предприятиях, заболеваемость, средняя продолжительность жизни, несчастные случаи на производстве и т. п. Однако все, имевшие дело с болгарской буржуазной статистикой, знают сколь неудовлетворительные, неполные, а передко просто неверные сведения она дает. Это отмечает неоднократно и Л. Беров в рецензируемой книге. Тем больший интерес вызывает книга Л. Берова: как автор преодолевает эти трудности?

Основой исследовательского метода Л. Беррова является корректирование им сведений буржуазных источников «с помощью других, более объективных данных» (стр. 18). На практике это выглядит примерно так. При анализе движения名义ной заработной платы промышленных рабочих автор столкнулся с тем, что методология индустриальной статистики на протяжении 1901—1944 гг. была различной: в разные годы различными были отраслевой охват предприятий и сам ценз для наблюдения, по-разному учитывались факторы, составляющие зарплату (например, в одних случаях учитывались льготы, выдававшиеся в натуре, в других случаях — нет и т. п.). Однако автор считает это недостатком технического свойства, в той или иной степени устранимым (стр. 36). Но, как он отмечает далее, в бухгалтерских книгах многих промышленных предприятий фиктивные записи составляли до 20% действительно выплачивавшейся суммы годовой заработной платы. Сведения рабочей и профсоюзной печати о размере зарплаты промышленных рабочих при этом не могут быть учтены, так

как носят очень общий характер (например, на такой-то фабрике рабочие получали от 10 до 40 левов в день, или от 300 до 1200 левов и т. п.)

Поэтому для определения движения номинальной заработной платы промышленных рабочих Л. Беров берет материалы промышленного анкетирования, проводившегося в 1901, 1904, 1909, 1921—1922 гг., годовые отчеты предприятий цензовой промышленности за 1907 и 1911—1912 гг., данные Болгарского Народного банка о крупных предприятиях за 1924—1929 гг. и ежегодные сведения промышленной статистики, организованной с 1929 г. Эти данные не охватывают промышленного пролетариата всей страны, но, по мнению Л. Берова, касаются преобладающей его части. Автор считает также, что неодинакость отраслевого охвата по годам не оказывает существенного влияния на результаты. Коррекция автора преследует цель внести единобразие в методологию источников (стр. 29). Если даже согласиться с указанными допусками автора, надежными, на наш взгляд, источниками для коррекции он не располагает. Так, в качестве одного из таких источников он берет статистику поденной заработной платы в промышленных предприятиях, организованную в Болгарии в 1924 г. Сам Л. Беров отмечает, что она охватывает более узкий круг рабочих, чем промышленная статистика, но это, по его мнению, «не делает данные обоих источников совершенно несопоставимыми» (стр. 40). Но очевидно, что, помимо прочих натяжек, допускаемых автором, сведения официальной статистики до 1924 г. уточнению вообще не поддаются. Впрочем Л. Беров сам неоднократно говорит об условности проведенной таким образом коррекции.

Быть может и не существует другого пути для преодоления недостатков болгарской буржуазной статистики, чем предложенный Л. Беровым, но обилие подобных допусков и натяжек вызывает неудовлетворение.

Вот другой пример. Л. Беров прослеживает изменения в заработной плате 18 категорий железнодорожных служащих за 1889—1944 гг. На основе того, что эти 18 категорий охватывали более половины всего железнодорожного персонала, свои выводы в отношении их он распространяет на остальные 50 с лишним неисследованных категорий железнодорожных служащих. Не слишком ли велики авторские допуски, если учесть, что многие из транспортных рабочих получали дополнительные вознаграждения, средний размер которых по годам и категориям установить невозможно, а система удержаний из зарплаты, с другой стороны, отличалась большой сложностью (стр. 150—152)?

Многие из таких допусков делаются откровенно на глазок или носят совершен но случайный характер. Например, отме-

чая сравнительно высокий уровень номинальной заработной платы трамвайных служащих, Л. Беров подчеркивает, что это не означало лучшего материального положения трамвайщиков по сравнению с остальными рабочими страны: трамвай в капиталистической Болгарии существовал только в Софии, а жизнь в столице была почти на 20% дороже (стр. 160). Остается неясным, почему фактор столичной дороговизны принимается автором во внимание только в отношении трамвайных служащих и не упоминается хотя бы вскользь при характеристике положения рабочих других профессий. А ведь немалая часть их была сосредоточена в Софии, самом крупном промышленном центре Болгарии.

При вычислении реальной заработной платы промышленных рабочих Л. Беров считает возможным пренебречь тем, что доля женщин, труд которых оплачивался ниже, чем труд мужчин, возросла с 28% в 1904 г. до 44% в 1939 г. Этот допуск делается на том основании, что после первой мировой войны разница в оплате труда мужчин и женщин стала сокращаться⁵. Автор пишет: последнее обстоятельство «щеликом балансирует влияние увеличившейся доли женщин на размер средней поденной зарплаты в промышленности в межвоенный период» (стр. 59).

Подобных балансов в рецензируемой книге так много (см. стр. 46—47, 99, 126—127, 214 и др.), что невольно возникает вопрос, не слишком ли часто подменяет автор отсутствие полноценных достоверных источников субъективными оценками.

В заключение остановимся на двух важных вопросах.

Во-первых, на тенденции к нивелированию заработной платы рабочих, действовавшей на протяжении всего исследуемого Л. Беровым периода. Такую тенденцию автор отмечает, говоря о зарплате взрослых рабочих и подростков, мужчин и женщин, рабочих различно оплачивавшихся профессий, квалифицированных и неквалифицированных и т. п. «Тенденция к нивелированию заработной платы в буржуазной Болгарии до 1944 г. вела к снижению различий в доходах и вообще в материальном положении различных слоев рабочего класса страны, который накануне второй мировой войны представлял собой более гомогенную массу, чем до Балканской войны» (стр. 288). К сожалению, автор не выясняет причин этого вряд ли специфического, но интересного явления, равно как и его социальных последствий, хотя это имеет непосредственное отношение к теме его исследования. Беглые замечания на стр. 137, 288 не могут

⁵ Однако не исчезла совсем. В 1939 г. соотношение зарплаты мужчин и женщин, выполнявших одну и ту же работу, составляло 100 : 75 (стр. 34).

служить полноценным объяснением причин указанной тенденции.

Во-вторых, на повышении интенсивности труда рабочих в промышленности, на транспорте, в ремесленном производстве, которому автор уделяет немалое внимание. С полным основанием он связывает рост интенсивности труда с рационализацией производства, начавшейся в годы частичной стабилизации капитализма. Справедливы и его выводы о том, что эта рационализация осуществлялась в Болгарии главным образом за счет улучшения организации производственного процесса, за счет интенсификации труда рабочих и в значительно меньшей мере благодаря внедрению новой техники. Однако вряд ли правильно давать только негативную оценку таким факторам повышения интенсивности труда, как введение норм выработки, рациональные изменения в организации производственного процесса. Отсутствие норм выработки и какого-либо учета труда говорит лишь о патриархальном характере производственного процесса на большинстве предприятий Болгарии до середины 20-х гг. ХХ в., защищая которой, хотя бы косвенно, не имеет никакого смысла. Кроме того, к этому времени несколько вырос культурный и технический уровень рабочих, и это обстоятельство следовало бы также учитывать, говоря об интенсификации их труда.

Предпринимая свое исследование, Л. Беров руководствовался необходимостью восполнить определенный пробел в научной литературе, а также необходимостью акцентировать внимание специалистов на изменениях в положении рабочего класса в различные периоды, так как по мнению автора, в историографии существует недооценка влияния этих изменений на борьбу рабочего класса и особенно на стачечную борьбу. Представляется, что эту большую и важную задачу Л. Беров выполнил успешно. Автор видел свою задачу также в том, чтобы развенчать существующие в современной литературе попытки дать такое толкование проблеме абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме, которое по мнению Л. Берова, ведет лишь к подмене понятия абсолютного обнищания относительным обнищанием (стр. 8—9). Думается, однако, что веских оснований для такого развенчания у автора нет, ибо выводы, к которым он приходит на материалах буржуазной Болгарии, вряд ли уместно распространять и на современную стадию развития монополистического капитализма вообще *.

* Ср. Э. Плестев. Труд и капитал на монополистической стадии. «Коммунист», 1968, № 14.

•Р. П. Гришина

DR. SLAVOLJUB CVETKOVIC. Napredni omladinski pokret u Jugoslaviji 1918—1928. Institut društvenih nauka, Odeljenje za istorijska nauke, Beograd, 1966, 284 s.

Д-Р СЛАВОЛЮБ ЦВЕТКОВИЧ. Прогрессивное молодежное движение в Югославии. 1919—1928 гг.

За последние годы в СФРЮ был опубликован ряд статей, очерков и монографий, посвященных истории прогрессивного молодежного движения в Югославии в период 1919—1941 гг.

Реценziруемая монография С. Цветковича является наиболее полной и фундаментальной исследовательской работой по данной проблеме. Это первый обобщающий труд, хронологически охватывающий значительную часть истории Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) в межвоенный период. Монография написана на материалах ряда центральных и республиканских архивов СФРЮ. В работе широко использована югославская периодическая печать различных политических направлений, мемуары и другие источники.

Монография состоит из предисловия, введения и трех глав, каждая из которых охватывает определенный период коммунистического молодежного движения в Югославии. Такая периодизация разрабо-

тана автором в соответствии с организационно-политическим развитием прогрессивного молодежного движения и совпадает с периодизацией общественно-экономического развития Югославии межвоенного времени (стр. 263). Исследование завершает заключение, резюме на русском и английском языках, список источников и литературы и указатель имён.

В предисловии автор дает беглый обзор работ по истории коммунистического молодежного движения Югославии, опубликованных в последние годы в СФРЮ, указывая при этом, что большинство из них носит публицистический и популярный характер. Там же содержится перечень использованных источников.

В введении кратко рассматривается развитие прогрессивного молодежного движения Европы с начала 900-х годов и до Первого конгресса КИМ (ноябрь 1919 г.). Во второй части введения С. Цветкович предельно скжат излагает историю прогрессивного молодежного движения в

югославянских землях в период, предшествующий началу первой мировой войны.

В первой главе «Прогрессивное молодежное движение в Югославии с 1919 г. до „Обзданы“¹, принятой 29 декабря 1920 года», С. Цветкович рисует подробную картину общественно-политического положения молодежи во вновь созданном Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС) в первые месяцы его существования. Анализируя многочисленные материалы, автор выясняет причины возникновения и организационного оформления коммунистического молодежного движения в Югославии. С. Цветкович показывает, что идея создания общеюгославской молодежной организации впервые зародилась среди югославянских студентов, которые в период первой мировой войны учились за границей, главным образом во Франции. Автор рассмотрел политическую деятельность студентов-югославян во Франции, которые в июне 1917 г. создали Объединение югославянских студентов. Студенты — члены сербской социал-демократической партии живо интересовались проблемой «большевистских взглядов на классовую борьбу пролетариата и принятием программы III Интернационала» (стр. 41).

Значительное внимание в этой главе уделено взаимоотношениям СРПЮ(к) и созданного в октябре 1919 г. СКМЮ. На основании источников С. Цветкович опроверг мнение авторов популярных изданий по истории СКМЮ о якобы монополии и бесконфликтном единстве СРПЮ(к) и СКМЮ. Автор показал, что руководство СРПЮ(к) в первое время занимало неправильную, неленинскую позицию по вопросам работы среди молодежи. Придерживаясь принципов старой социал-демократии, руководство СРПЮ(к) на учредительном съезде (апрель 1919 г.) задачу работы с молодежью возложило исключительно на женскую секцию партии. Вопрос о создании самостоятельной организации коммунистической молодежи на съезде поставлен не был. И в дальнейшем, несмотря на известное сближение точек зрения КПЮ и СКМЮ, между ними оставались разногласия относительно способов осуществления будущей революции, методов борьбы с буржуазией и особенно по поводу участия коммунистов в выборах в буржуазный парламент. Руководство СКМЮ полагало, что пролетарская революция произойдет в недалеком будущем в форме всеобщего вооруженного восстания. В этой революции не будет места каким бы то ни было компромиссам с буржуазией, в том числе и с мелкобуржуазными слоями деревни.

Автор исследовал также авангардизм — лево-революционное течение, характерное для раннего периода деятельности союзов

коммунистической молодежи ряда стран, в том числе и Югославии.

Вторая глава «Союз коммунистической молодежи Югославии под ударом „Обзданы“ и Закона о защите общественной безопасности и порядка в государстве — до 1924 года» посвящена исследованию одного из наиболее трудных периодов развития СКМЮ. Эта трудность обуславливалась рядом причин. В указанный период коммунистическое движение Югославии находилось под постоянными ударами буржуазной реакции. Причем зачастую эти удары заставали КПЮ² и СКМЮ врасплох и они не имели времени для переориентации, для своевременной подготовки новых форм и методов борьбы. Ситуация усложнялась разгоревшейся фракционной борьбой внутри руководства КПЮ, в которую вовлекались и члены СКМЮ. Все это приводило к активизации авангардистского течения в рядах СКМЮ, возникновению террористических организаций, объединивших некоторую часть югославских комсомольцев и молодых коммунистов. В главе содержится большой материал, иллюстрирующий поиски КПЮ и СКМЮ выхода из кризиса, который переживало в то время коммунистическое молодежное движение Югославии. Значительное внимание уделено организации под руководством ушедшей в подполье КПЮ легального Союза рабочей молодежи и его деятельности, возобновлению работы нелегальных организаций СКМЮ, борьбе передовой молодежи Югославии с реакционно-националистическими молодежными организациями (SRNAO, ORJUNA), пользовавшимися поддержкой официальных властей.

В третьей главе «Союз коммунистической молодежи Югославии в условиях подполья с 1924 по 1928 годы» рассматривается деятельность организации СКМЮ в нелегальных условиях. В этот период СКМЮ осуществил нелегкий в условиях подполья переход к новым организационным формам работы. Территориальный принцип организаций СКМЮ сменился производственным. Основной структурной единицей стала производственная ячейка.

Значительное внимание уделено автором исследованию борьбы членов СКМЮ и молодых коммунистов с фракционностью в рядах КПЮ. Рассказывается о безуспешной попытке мелкобуржуазной Социалистической партии Югославии создать реформистский Союз социалисти-

² На первом (Объединительном) съезде социал-демократических югославянских партий (апрель 1919 г.) было провозглашено создание Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) — СРПЮ(к). Второй съезд партии (июнь 1920 г.) изменил ее название, партия стала называться Коммунистической партией Югославии — КПЮ.

¹ «Обздана» — закон о запрещении компартии.

ческой молодежи Югославии, используя кризисное положение в югославском коммунистическом молодежном движении.

Рассматривая развитие коммунистического молодежного движения, С. Цветкович приводит многочисленные статистические данные об экономическом и социально-политическом положении молодежи всех областей Югославии. Таблицы и диаграммы иллюстрируют различные аспекты молодежного движения. Несомненным достоинством исследования является то, что история развития передового движения югославской молодежи рассматривается не изолированно, а в тесной связи с международным коммунистическим молодежным движением. С. Цветкович неоднократно упоминает о связях СКМЮ с союзами коммунистической молодежи других стран, о его постоянном контакте с КИМ. В резюме автор отмечает, что некоторые особенности передового молодежного движения, например, такие явления как авангардизм, индивидуальный террор, фракционная борьба, ввиду специфики исследования освещены не полностью. Их детальное изучение следует считать предметом отдельных исследований (стр. 265).

Монография С. Цветковича не свободна, на наш взгляд, от некоторых недостатков. Так, например, рассматривая проявление авангардизма в югославском коммунистическом молодежном движении, автор полагает, что авангардистские взгляды проникли в СКМЮ через программу КИМ (стр. 254). С этим утверждением нельзя согласиться. Анализируя решения Первого (учредительного) конгресса КИМ, С. Цветкович правильно отмечает, что эти решения содержали некоторые авангар-

дистские положения. Но само явление авангардизма как лево-революционного течения в международном молодежном движении было порождено общественно-политическими условиями еще задолго до проведения Первого конгресса КИМ. С. Цветкович правильно отметил обстоятельства, способствовавшие возникновению авангардизма, а именно: преобладание старой социал-демократии вопросами молодежного движения, ее попытки помешать созданию самостоятельной организации социалистической молодежи; слабость революционного большевистского крыла в рабочих партиях; недостаток опыта теоретической и практической революционной работы среди передовой молодежи некоторых стран, в том числе и Югославии. Именно эти объективные условия, а не решения Первого конгресса КИМ, создали для авангардизма благоприятную почву в союзах коммунистической молодежи, в том числе и в СКМЮ.

На наш взгляд, монография С. Цветковича могла быть значительно полнее, если бы автор шире использовал материалы многочисленной периодической печати, издававшейся Исполкомом КИМ. Это позволило бы ему, например, показать помощь, которую КИМ оказал развитию коммунистического молодежного движения Югославии. Недостаточно разработана, на наш взгляд, история прогрессивного молодежного движения в югославянских землях до первой мировой войны, о нем сказано лишь несколько слов во введении.

Разумеется, указанные недостатки не умаляют в целом высокой научной ценности монографии С. Цветковича.

В. Тесемников

JULIUSZ LUKASIEWICZ. *Kryzys agrarny na ziemiach polskich w końcu XIX wieku*. Warszawa, 1968, 237 s.

ЮЛИУШ ЛУКАСЕВИЧ. Аграрный кризис на польских землях в конце XIX века

Конец XIX в. характеризовался длительным аграрным кризисом, повлиявшим на развитие многих европейских стран, в том числе и Польши. Последствия кризиса отразились не только на экономике, но и на всей общественной жизни страны. Несмотря на значительность этих событий в истории польского народа, проблемы аграрного кризиса до недавнего времени не привлекали должного внимания исследователей. Автор рецензируемой монографии поставил перед собой задачу проследить развитие кризиса и его последствия, используя метод статистического анализа (стр. 6).

Исследование состоит из вступления, шести глав и заключения. В первой главе рассматриваются проблемы аграрного

кризиса как явления мировой капиталистической системы хозяйства. Ю. Лукасевич приводит численные данные о развитии производительных сил в промышленности, земледелии и транспорте в конце XIX в. во многих странах, в условиях буржуазных производственных отношений, сопровождавшихся понижением цен на сельскохозяйственную продукцию. Понижение цен на рынках Западной Европы было вызвано следующими причинами: включением в обработку высокурожайных целинных земель; отсутствием монополии собственности на них и в связи с этим абсолютной и дифференциальной ренты; производством дешевого хлеба в США в результате применения машин; экспортом дешевого хлеба из России, Румынии

Индии, в связи с наличием там депрессии рабочей силы (стр. 29).

Главное внимание в работе обращено на развитие аграрного кризиса в Королевстве Польском. На основе сопоставления большого количества статистических данных автор пришел к выводу о том, что благодаря объективным обстоятельствам в Королевстве Польском в отличие от Западной Европы движение цен на сельскохозяйственную продукцию создавало выгодную для земледельцев конъюнктуру вплоть до 1884 г. (стр. 112).

Длительный аграрный кризис в Королевстве Польском начался весной 1884 г. Последствиями его было превращение в 90-х годах Королевства Польского из экспортёра в импортёра сельскохозяйственных продуктов. Главными продуктами импорта становятся рожь и пшеница, т. е. то, что до этого составляло основную часть экспорта. Значительное падение цен и потеря заграничных рынков сбыта хлеба отрицательно сказалось на развитии земледелия в Королевстве Польском. Правда, в период аграрного кризиса развивалось животноводство и те отрасли промышленности, которые производили продукты потребления. «Однако потери, возникшие вследствие катастрофического упадка прибыльности производства зерна в Королевстве Польском, — пишет автор, — не могли полностью компенсироваться ни развитие животноводства, ни ... развитие потребительской промышленности, связанный с земледелием» (стр. 185).

На основе анализа социально-экономических последствий аграрного кризиса исследователь установил, что больше всего от кризиса пострадали зерновые хозяйства, легче справлялись с ним животноводческие. Фольварки оказались менее приспособлены выдержать кризис, чем мелкотоварные хозяйства. Об этом сви-

детельствует задолженность помещиков, потеря ими значительной части земли. За время аграрного кризиса крупная собственность уменьшилась на пятую часть (стр. 192). Под воздействием кризиса произошли и другие изменения в земледелии и земельной собственности Королевства Польского.

В отдельной главе освещается аграрный кризис на польских землях, находившихся в то время под владычеством Австро-Венгрии и Пруссии. Правда, автор характеризует аграрные отношения и их эволюцию в Галиции и на западных польских землях не так полно, как это сделано в главах о Королевстве Польском. Следует отметить и то, что в Галиции были специфические условия (между восточной и западной частью края существовали известные различия), в книге это показано не достаточно четко. Однако в целом эволюция аграрного строя и связанных с ним явлений освещены правильно.

Интересными представляются обобщения ученого, приведенные в конце монографии о глубине, этапах и последствиях аграрного кризиса в конце XIX в. на отдельных польских землях. Желательно было бы поместить обобщающие выводы и в конце каждой главы. Следует сказать, что во многих случаях выводы автора потонули в огромном статистическом материале, привлечение которого окажет, однако, положительное влияние на дальнейшую разработку проблем аграрного кризиса конца прошлого века. Оценивая работу Ю. Лукасевича в целом, следует отметить, что это глубокое исследование малоизученных сложных проблем аграрной истории, без научного освещения которых невозможно понять многие важные процессы, происходившие в экономике и общественном движении Польши в конце XIX в.

C. H. Злупко

НОВЫЕ РАБОТЫ ФРИДО МЕТИШКА О ЛУЖИЦКИХ СЕРБАХ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Доктор Фридо Метишк — один из наиболее известных и разносторонних современных деятелей сербо-лужицкой культуры. Будучи поэтом, он в то же время серьезно занимается историей. За последние годы им написано несколько работ о жизни сербов-лужичан в период феодализма. Рассмотрим два последних его труда: «Положение сербов в системе территориально-административного деления немецкого феодализма» и «Распоряжения и памятные записки, направленные против сербо-лужицкого языка и культуры в период позднего феодализма. Собрание источников»¹.

Первая из названных работ состоит из 10 глав приложения и двух указателей — топографического и именного. В приложении опубликованы неизвестные документы на сербо-лужицком и немецком языках, освещающие вопросы демографии сербов-лужичан с начала XVI до середины XIX в.; 9 составленных автором карт сербо-лужицкого населения с учетом административно-правовой структуры соответствующей области, 33 фотоснимка

deutschen Feudalismus. Bautzen, 1968, 171 S.; F. Mětšk. Verordnungen und Denkschriften gegen die sorbische Sprache und Kultur während der Zeit des Spätfеudalismus. Eine Quellensammlung, Bautzen, 1969, 56 S.

¹ F. Mětšk. Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des

архитектурных и литературных памятников, городов и др.

Автора интересует прежде всего вопрос о том, в какой мере учитывался факт наличия сербо-лужицкого населения в административном, судебном и т. п. отношениях внутри немецких государств. По этому вопросу Ф. Метшк полемизирует с некоторыми немецкими историками начала XX в. и современными западногерманскими исследователями, утверждающими, что границы расселения сербов-лужицан неопределенны, постоянно сужаются в связи с тем, что «бушующее немецкое море разрушает берега разбросанных славянских островов, перекатывает свои интеллектуальные потоки через эти куски суши и скоро зальет последние их остатки» (стр. 11). Ф. Метшк отвергает тезис о том, будто бы и внутренние отношения на территории сербов-лужицан определяются в ходе истории лишь «немецким движением на Восток» и постоянным сужением сербо-лужицкой территории от периферии к центру и что «остатки этих сербов пользуются ныне поддержкой со стороны государства в гораздо большей мере, чем они заслуживают этого по своему историческому значению» (стр. 11).

Полемизируя с этими авторами, Ф. Метшк подробно исследует, в какой мере можно говорить о целостности сербо-лужицкой территории, какую роль играла эта территория и ее славянское население в феодальный период и какое значение имели специально-сербские учреждения для этнического развития сербов. На основании скрупулезного анализа материалов, обнаруженных в фондах различных архивов, автор приходит к выводу, что по крайней мере в 25 светских или церковных феодальных административных единицах столетиями сохранялись специальные учреждения для сербского населения.

Что касается плотности сербского населения в отдельных районах, то автору удалось составить статистическую обзорную таблицу для середины XV в. Среди территорий, на которых расселились к этому времени сербы-лужицане, автор различает «коренную область» (Kerngebiet) и периферийные районы. Последние подразделяются на две категории: 1) районы, в которых наличие учета сербского населения в административно-правовом отношении можно документально доказать, и 2) районы, где наличие сербского населения несомненно, но не подтверждено документами. По подсчетам Ф. Метшка удельный вес славянского населения для коренной области расселения сербов-лужицан составлял 80%, в периферийных областях для районов первой категории — 47%, а для второй — 18%.

Автор подчеркивает, что организация немецкими феодалами специально-сербских учреждений представляла собою «акт

учета реальных отношений, а никак не меры защиты сербской народности в целях ее сохранения» (стр. 91). Выявляя наличие таких учреждений, Ф. Метшк одновременно указывает и на насильственное ограничение сферы применения сербо-лужицкого языка, сужение функций сербских учреждений и другие германизаторские тенденции. В работе подчеркивается, что онемечивание способствовала и церковь — как лютеранская, так и братская. Ф. Метшк отмечает также, что специальные сербские учреждения объективно представляли собой «сравнительно серьезную защиту сербского этникума», что их ликвидация обычно сопровождалась сильной волной германизации.

В противовес утверждениям о постоянном сужении территории расселения лужицких сербов от краев к центру Ф. Метшк показывает, как сам центр сербо-лужицкой жизни перемещался начиная с XVII в. из Нижней Лужицы в Верхнюю. Тем самым процессы германо-славянских отношений на указанных территориях характеризуются как гораздо более сложные, чем это представлялось ранее. Ф. Метшк предостерегает от неверного вывода, будто бы перемещение центра сербо-лужицкой жизни происходило из-за отсутствия германизаторских устремлений в Верхней Лужице. Он показывает, что даже среди немецких представителей Просвещения существовало мнение о лужицких сербах как «ушедших не слишком далеко от готтентотов». Одновременно автор показывает, что в сохранении и развитии сербского народного сознания определенное значение имело существование в Верхней Лужице специально сербских учреждений вплоть до XIX в., хотя эти учреждения постоянно урезались в правах.

Отвечая на иронические замечания западногерманских историков о «переоценке» сербов-лужицан немецким рабоче-крестьянским государством, Ф. Метшк показывает, что, во-первых, «сербский этникум вовсе не так малозначителен исторически, как хотели бы представить» упомянутые историки, и что, во-вторых, в наше время речь идет вовсе не о какой-то национально-культурной автономии, а лишь о районах и областях двуязычного характера.

Значение труда Ф. Метшка состоит не только непосредственно в разработке темы, указанной в заголовке, но и в том, что автор реконструирует на основании документов терриорию расселения лужицких сербов начиная с XVI в. Наконец, важное значение имеет и тот факт, что опубликованные документы являются неизвестными ранее памятниками сербо-лужицкой письменности. В целом необходимо отметить, что Ф. Метшк ряд проблем и фактов исследует впервые в исторической литературе, некоторым известным вопросам дает новое освещение. С этой точки зрения книга является важ-

ным вкладом в историографию западного славянства.

Вторая работа Ф. Метшка вышла в серии «Для учителей и воспитателей в двуязычной области». Этим определился сравнительно популярный характер ее вводной статьи. Однако в дальнейшем работа выдержана в строго научном стиле. Кроме самих документов в книге имеется источниковедческая статья и статья «О классовом характере языковой политики немецкого позднего феодализма». Основу работы составляют 27 оригинальных текстов за период 1595—1805 гг. Кроме того, приведено 16 отрывков из различных документов, не сохранившихся полностью. Все тексты представляют собой распоряжения различных немецких инстанций, направленные на подавление сербо-лужицкого языка.

Автор извлек публикуемые им распоряжения из фондов многих немецких архивов: 7 документов относятся к территории Верхней Лужицы, 17 — Нижней Лужицы и 19 — к территории Бранденбурга и Пруссии.

Интересна предлагаемая автором клас-

сификация приведенных документов. За ее основу принятые те «причины», которыми — по крайней мере, на словах — руководствовались немецкие учреждения, искореняя из употребления сербо-лужицкий язык. Здесь речь идет в частности о таких «основаниях» как: «непригодность сербо-лужицкого языка для распространения религиозно-нравственных и других религиозных знаний; необходимость искоренения этого языка как способствующего некоей сербской «неуживчивости»; необходимость введения немецкого языка по политическим соображениям; необходимость замены «варварского» наречия «просвещенным» и т. д.

Наряду с предшествующей книгой эта сравнительно небольшая работа Ф. Метшка несомненно будет способствовать распространению знаний по истории лужицких сербов. Книга хорошо иллюстрирует жизнестойкость небольшого славянского племени в немецкой среде и показывает, как велика его способность сопротивляться насилиственной ассимиляции.

Л. П. Лаптева

С. В. ОВНАНЯН. Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в. Ереван, 1968

Советская историческая литература пополнилась интересным исследованием. Оно посвящено вопросу, который почти не был разработан в науке. Автор книги провел большую работу по мобилизации разнообразных источников. Он обследовал большое количество фондов центральных архивов и архивохранилищ Армянской ССР, а также привлек некоторые материалы из Центрального исторического архива УССР. Основным источником для написания данного труда явилась периодическая печать, прежде и больше всего, армянская, но также болгарская, русская и немецкая. Из нее автор очертил богатый фактический материал по истории армянских колоний в Болгарии, а также публицистические статьи армянских авторов, позволившие охарактеризовать развитие армянской общественной мысли. Автор использовал различные документы, официальные издания. Он привлек армянскую художественную литературу, живо дополняющую исторические источники. Большой круг разносторонних и разнородных источников позволил автору сделать работу насыщенной большим фактическим материалом и обстоятельно раскрыть историю армянских колоний в Болгарии.

Книга охватывает широкий хронологический промежуток времени. В ней легко выделить три нетождественных по значению и содержанию части. В первой главе автор освещает армяно-болгарские

связи с древнейших времен до конца XVIII в., во второй главе характеризует связи и взаимоотношения болгар и армян в период болгарского Возрождения. Третья, четвертая и пятая главы книги содержат историю армянских колоний в Болгарии в 80—90-е годы XIX в. и армянское национальное движение в них. Эти главы и составляют существо работы. Две первые являются скорее пространным введением к ним. В первой и второй главе автор с большой добросовестностью постарался привести возможно больше данных из литературы и источников, чтобы доказать древность армяно-болгарских связей. Однако, не будучи специалистом по средневековью, он иногда использует не очень достоверные данные, производит сомнительные отождествления. Так, в качестве элемента армяно-болгарских связей рассказывается о связи армян с Камской Булгарией, о наличии установленного раскопками А. П. Смирнова армянского Некрополя в Волжской Булгарии. Какое это имеет отношение к связям армян со славянским уже в это время болгарским народом? Если бы автор исследовал связи армян с населением Прикамья и Поволжья, например с чувашами, это было бы естественно. Но для чего данный сюжет введен в книгу об армянских колониях в Болгарии, понять трудно. Более оправдано внимание автора к проникновению славян в Малую Азию. Но широко используя книгу В. И. Ламан-

кого «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», известную многими преувеличениями и натяжками, автор не использует некоторые работы, появившиеся на страницах «Византийского временника», обрисовывающие точнее эти явления. Если бы § 1 первой главы был подвергнут сокращению, книга бы выиграла.

Вторая глава характеризует армяно-болгарские связи эпохи болгарского национального Возрождения. В ней немало интересных сведений, насыщенных важными данными об армяно-болгарских отношениях, например, параграфы о печатании болгарских книг в армянских константинопольских типографиях или об отношении константинопольской армянской печати к положению болгар.

Как мы уже отмечали, центральной частью работы являются три последние главы. Они показывают культурную жизнь армянских колоний, взаимоотношения армянской общественности и церкви, армянскую национальную общественную мысль и национальное движение, отношение болгарского правительства к армянам в разные моменты рассматриваемых десятилетий, отношение болгарской общественности к армянам и др. Главы эти очень интересны, богаты содержанием. Хорошо, что автор не побоялся щедро цитировать армянскую периодическую печать. Широкое использование этого для многих историков недоступного источника делает рассматриваемую часть книги особенно интересной. Здесь обрисованы видные деятели армянского национального движения, их позиции, роль Тютюнджаяна, Португаляна и др.

Нельзя не отметить особо пятую главу, говорящую о событиях в турецкой Армении середины XIX в., массовом бегстве армян из Турции, об отношении болгарского правительства и общества к армянским беженцам, об отношении правительства и общественности великих держав. Несомненный интерес представляют данные об армяно-македонских связях, которые характеризуют как обстановку того момента, так и особенности этих движений. Жаль, однако, что автор, излагая взгляды армянской печати на позиции великих держав, недостаточно прокомментировал их иногда неверные оценки и не ввел характеристики действительного отношения тех или других держав к проблеме.

Высоко оценивая книгу в целом, мы не можем не отметить некоторой структурной двойственности, возникшей в результате совмещения двух тем: основной темы — истории армянских колоний в Болгарии, и связанной с нею, но особой темы — армяно-болгарских связей. Три последние главы написаны в первом плане, две первые — во втором.

Характер источников не позволил автору показать внутреннюю жизнь армянских колоний, подробно охарактеризовать

занятия колонистов, их место в болгарском ремесле, торговле и пр. Если бы автор в дальнейшем разработал болгарские источники по этому вопросу, может быть ему удалось для 80—90-х годов восполнить этот пробел.

Среди отдельных недостатков есть неудачные формулировки. Например, русско-турецкой войне 1877—1878 гг. дана такая характеристика: «Независимо от экспансиистских целей царского правительства, русско-турецкая война 1877—1878 гг. объективно являлась войной прогрессивной» (стр. 109). Далее автор приводит слова В. Коларова о прогрессивном характере войны. Вошедшие в издание «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 1—3 документы убедительно свидетельствуют о том, что никаких экспансиистских планов на Балканском полуострове русское правительство не предовало.

Говоря об отношении армян к русско-турецкой войне и газетных статьях по этому поводу, автор так характеризует патриотический порыв болгар и армян: «когда народа взялись за оружие, организовали добровольческие отряды, которые в составе русских войск вели геройские бои против Турции» (стр. 110). Благодаря неотчетливости изложения и отсутствию фактических данных у читателя не создается никакого представления о каких армянских отрядах идет речь, где они сражались и ради освобождения Болгарии или Армении. А далее автор говорит: «несмотря на то, что между болгарским и армянским народами не было заключено какого-либо военно-политического соглашения (кто бы его заключил? — С. Н.), они в этой войне были преданными союзниками» (стр. 110). Жаль, что в серьезной книге автор отдал дань поверхностной публицистике. Было бы лучше, если бы автор привел факты о борьбе армян за свободу болгар. Но судя по тому, что в книге собраны сведения лишь об убитых в Болгарии армянах — офицерах русской армии, других сведений у него не было.

В главе, посвященной армянской эмиграции в Болгарию, упоминаются возможные здесь национальные организации, но нигде не отмечены причины малочисленности членов, их слабой активности и кратковременности существования самих организаций (стр. 257). Очевидно, источники автора не позволяли проанализировать указанную сторону дела. Кое-где встречается неправильная транскрипция болгарских слов, неточность терминологии (стр. 155, 100, 84 и некоторые другие).

В целом книга является плодом серьезной и кропотливой работы, автор разработал почти совсем неизвестную сторону как истории Болгарии, так и армянской общественно-политической жизни. Книга заинтересует не только болгаристов, но и историков СССР.

С. А. Никитин

Светозар Милетић и Народна странка. Грађа 1860—1885. Уводни текстови, избор и објашњења Никола Петровић. Књ. I. 1860—1869, XI, 710 стр. Књ. II. 1870—1875, 779 стр. Сремски Карловци, 1968, 1969

Светозар Милетич и Национальная партия. Материалы 1860—1885 гг. Составитель, автор вводных статей и комментариев Н. Петрович

Н. Петрович поставил задачу в четырехтомном издании собрать материалы о возникновении, эволюции и распаде сербской Национально-либеральной (или «свободомыслившей» — В. Ф.) партии, выступившей в Воеводине в 60—80-х годах XIX в., и прежде всего политической деятельности ее лидера — Светозара Милетича. Перед нами результат многоглетних разысканий составителя — первые два тома издания, охватывающие годы кризиса Австрийской монархии и учреждения австро-венгерского дуализма, годы нарастания сербского национального движения и подготовки к созданию партии (т. I), годы поражения консервативных клерикальных сил в сербском национальном движении в Воеводине и активной политической борьбы партии Милетича (т. II).

Н. Петрович стремился включить в публикацию материалы, разносторонне освещающие общественно-политические условия деятельности Милетича и его сподвижников — крупных деятелей сербского национально-освободительного движения, настроения и выступления широких слоев сербского народа в Воеводине.

Эти материалы извлечены главным образом из югославских, австрийских и венгерских хранилищ, некоторые — из архивов Чехословакии и СССР (АВПР). Среди них — фрагменты из протоколов заседаний австрийского и венгерского правительства, переписка государственных органов, донесения дипломатов, чиновников, генералов и полицейских агентов, протоколы сербского народно-церковного собора, корреспонденция деятелей национального движения и др. В I томе особый интерес представляет, впервые ставшая достоянием историка, переписка австро-венгерского консула в Белграде Каллаи с премьер-министром Андрайи, а также письма Дж. Стратимировича, известного деятеля революции 1848 г., к Тюрру. Значительное место в этом томе занимает публистика. II том содержит только архивные материалы.

В соответствии с этапами становления Национально-либеральной партии I том состоит из трех частей (1860—1864, 1864—1866, 1867—1869 гг.) и завершается документами, содержащими сведения об учреждении партии и подготовке властями ареста Милетича. II том также разделен на три части (1870, 1871—1874, 1875 гг.). Здесь же отметим, что материал последней части тома, посвященный периоду начала Боснийско-Герцеговинского восстания 1875 г., по нашему мнению, мог бы составить часть III тома публикаций.

Многочисленные новые или в большей своей части мало доступные ранее материалы, опубликованные Петровичем, освещают политическую ситуацию в Австрийской империи и на Балканском полуострове, политику габсбургских властей в отношении югославянских национальных движений в империи и вне ее (при этом показано, как власти, преследовавшие сербскую, хорватскую и румынскую оппозицию, одновременно — уже в дуалистической Австро-Венгрии — подвергали репрессиям и венгерских демократов), планы польских, венгерских и итальянских революционеров, касавшиеся совместной с югославянами борьбы против турецкого и австрийского господства, взаимоотношения между сербским национальным движением в Австрийской империи и властями Сербии, австро-сербские и сербско-венгерские отношения, некоторые принципы политики России и т. д. Книга содержит много сведений, способствующих более ясному пониманию внутренней политики австрийского правительства и ее органической связи с политикой внешней, причин вынужденных уступок со стороны имперских властей тем или иным национальным движениям, в особенности венгерскому, которое до 1867 г. доставляло Вене больше всего забот. Центральное место в публикации, естественно, занимают материалы сербского национального движения, политической борьбы в сербском обществе Воеводины.

Представленные в двух книгах содержательные материалы рисуют картину сложной политической борьбы в Воеводине в важный для истории сербского народа период, когда после революции 1848 г., подорвавшей основы феодального строя в Австрийской империи, и после краха абсолютистского режима Баха в 1859 г., монархия Габсбургов оказалась в глубоком кризисе, когда одновременно с этим в балканских землях, находившихся под турецким господством, нарастала кровопролитная освободительная борьба. Как видим, содержание обоих томов многообразно. Однако в публикации явственно опущен недостаток сведений, касающихся экономических и социальных отношений в сербских районах южной части Венгерского королевства, т. е. проблем, имеющих прямое отношение к формированию идеологии Милетича и его партии. Подъем политического движения в Воеводине был результатом развития здесь капитализма в особенности после 1848 г. Но до сих пор и прежняй и современная юго-

славская историография уделяли мало внимания социально-экономической проблематике истории Воеводины в третьей четверти XIX в. Вероятно, было бы целесообразно осуществить специальную публикацию относящихся к этому данных.

Далее, рецензируемый сборник почти не содержит сведений о конкретных требованиях Милетича в области национальных прав сербов Венгрии, о полемике вокруг закона о национальностях 1868 г., о связанных с ним проектах деятелей сербского национального движения, т. е. материалов непосредственно относящихся к основной проблеме. Без них освещение политической позиции и тактики партии, возглавляемой Милетичем, остается неполным. Составитель ссылается на имеющуюся публикацию венгерского историка Г. Кеменя (1952), однако эта отсылка не может удовлетворить читателя.

К сожалению, немало архивных документов дано в отрывках. Это относится и к русским дипломатическим материалам, часть которых изложена в подстрочниках, часть опущена. Впрочем, очевидно, такой метод публикации ряда документов обусловлен их содержанием (большая часть того или иного документа не относится к сербскому национальному движению).

Материалы, собранные в двух томах, опубликованы на языке оригинала. Составитель проделал большую работу по переводу иностранных текстов на сербско-хорватский язык, и этот перевод следует за подлинником. Имеется также перечень материалов на немецком языке. В отдельных случаях допущены вольности в переводе с немецкого. Например, название сербской православной церкви в официальных австрийских документах — «греческая неприсоединенная» (или «неуниатская») — иногда переводится как православная (см. стр. 45 и 48 док. № 19) и т. д. Однако таких мелких погрешностей в публикации немного.

Среди множества новых данных, которые содержат документы и материалы (общее число их 626), включенные в первые два тома издания, особо следует отметить сведения о политике конституционного правительства Андраши в отношении национального движения южных славян в 1867—1868 гг. Опубликованная в I томе переписка Андраши с Каллай показывает, что премьер-министр Венгрии одно время — в трудный период только что созданного дуалистического государства — не только возражал против австрийских планов присоединения Боснии и Герцеговины к империи, опасаясь увеличения здесь численности славянского населения (это было известно), но и добивался урегулирования напряженной политической ситуации на южных границах монархии путем передачи бунтовавшей против турецкого ига Боснии (или большей ее части) под власть сербс-

кого князя. Таким путем Андраши надеялся обеспечить длительную ориентацию правительства князя Михаила на Австро-Венгрию и даже получить его содействие в подавлении хорватского и сербского национально-освободительного движения в империи, в особенности народноцких шартий Штросмайера и Милетича. Становится ясно, что Андраши в 1867 г. убедил главу сербского государства, давно связанного с венгерской аристократией, в целесообразности ориентации княжества на Австро-Венгрию. Однако, когда Сербия совершила этот поворот в политике, т. е. когда цель австро-венгерской дипломатии была достигнута, часть правящих кругов империи воспрепятствовала выступлению Австро-Венгрии в пользу осуществления плана Андраши, да последний и сам, вероятно, после 1868 г. все более терял к нему интерес. В публикации имеется много иных новых и важных для историка сведений, излагать которые в краткой рецензии нет возможности.

Необходимо, однако, отметить, что один документ, обнаруженный в австрийском архиве и включенный во II том, вызывает большое сомнение. Имеется в виду «Доклад представителя славянофильских комитетов Новикова председателю Центрального славянофильского комитета в Петербурге о настроениях славян монархии» (док. № 339). Ознакомление с содержанием и даже стилем его (хотя в книге приведен лишь перевод на французский и сербский языки) дает основание считать, что речь идет о подделке. Сопровождающая же документ записка, вероятно составленная австрийскими государственными органами, содержит необоснованные утверждения. В документе перечислены агенты комитета, а также южнославянские национальные деятели, которых якобы финансировал представитель комитета в Австро-Венгрии. Политическая ситуация в хорватских и чешских землях и деятельность «агентов» обрисованы тенденциозно, чтобы дать основание властям для решительного подавления оппозиции (а в этом очень нуждались сторонники дуализма в 1870 г.). Сумма, якобы разданная представителем комитета в течение трех месяцев 1870 г. — более 190 тыс. франков (4739 рублей серебром) — настолько велика, что уже это побуждает отнести к документу с недоверием. Известно, что финансовая база комитетов была слабой.

Заметим, что никакого «венского комитета» не существовало, что Е. Новиков являлся послаником России в Вене и никакого поста в славянофильских комитетах не занимал. «Великий князь — наследник престола», которому предназначался доклад, Петербургский комитет не возглавлял.

Известно, что власти стремились использовать фальшивки для борьбы с оппозицией в Хорватии, Чехии и др. Вспомним о «документе», представленном А. Вакано-

вичем, исполнявшим должность бана Хорватии и Славонии, своему правительству. По-видимому, «доклад Новикова» не был исключением.

С. А. Никитин в книге «Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах» (М., 1960) показал, что некоторые материалы, длительное время фигурировавшие в разных исторических исследованиях в качестве аргументов для ответственных заключений, в действительности являлись поддельными. Историку, встречающемуся с теми или иными фактами «славянской» политики, приходится быть вдвое внимательным.

Составитель оговорился в комментарии, что «поскольку дело идет о секретном донесении, каким-то путем попавшем в руки австро-венгерской разведывательной службы, к сведениям, содержащимся в нем, следует относиться с осторожностью». Полагаю, что если и следовало включать «доклад Новикова» в публикацию, то только в качестве иллюстрации средств, с помощью которых сторонники дуализма стремились оправдать необходимость репрессий против оппозиции. Н. Петрович безусловно руководствовался стремлением представить наиболее полную картину исторической действительности, но к рассматриваемому документу следовало дать соответствующий комментарий.

Можно дискутировать по поводу того, следует ли сопровождать публикацию вступительными статьями, т. е. самостоятельными исследованиями, в которых проблемы, освещенные представленными в издании материалами, подвергаются научному рассмотрению. Вероятно, этот вопрос следует решать особо в каждом случае в связи с характером публикации и положением в историографии данной проблематики. Н. Петрович, предназначая свою публикацию не только историкам-специалистам, но и более широкому кругу читателей, решил его положительно. В том и отдельных частях обоих томов предпосланы предисловия, в которых изложена точка зрения югославского историка-марксиста на ряд научных вопросов. Автор здесь противопоставляет свой взгляд концепциям консервативной и либеральной историографии.

Прежде всего Петровича интересует историческая закономерность той острой политической борьбы, которая развернулась в Воеводине в 60-х — первой половине 70-х годов XIX в. Автор дает краткий анализ социального состава сербского общества Воеводины и указывает на классовую обусловленность позиции консервативных и прогрессивных кругов, на неизбежность расхождений и конфликтов между ними также в области национально-политической. В победе Национально-либеральной партии над клерикальной олигархией, одержанной в борьбе за влияние на сербское общество, он справедливо видит исторически необходимое тор-

жество национальной буржуазии над полупреодоленными элементами, склонными к ориентации на реакционные праяющие круги империи. Полемизируя с представителями консервативного направления в историографии, которые упрекали Милетича и его сторонников за радикализм, напугавший власти и якобы нанесший вред сербскому национальному движению, Петрович указывает, что именно широкое и радикальное движение укрепило национальные позиции сербского народа и что нет никаких доказательств того, будто, следуя линии крайне умеренных кругов, можно было достичь большего. К этому выводу можно присоединиться.

Автор подчеркивает прогрессивный буржуазный демократизм Милетича, нашедший свое отражение в тезисе «быть сербами и гражданами», в принципиальном отказе от поисков опоры на придворные антивенгерские круги (особенно до 1867 г.). Отмечено также, что важной причиной этой позиции Милетича являлось то обстоятельство, что в условиях назревавшего решения Восточного вопроса венские правящие круги являлись наиболее сильным и опасным противником национально-освободительного движения на Балканах.

В связи с этим Петрович трактует и проблему отношения Милетича к известному совещанию южнославянских деятелей в Любляне в 1870 г.: лидер национального движения в Воеводине считал необходимым, чтобы сотрудничество между южными славянами не сопровождалось усилением каких-либо надежд и иллюзий австрославистского характера. По поводу этой несомненно обоснованной и правильной точки зрения автора можно лишь добавить, что остается недоказанным, будто всякое стремление к объединению югославских земель в составе империи было направлено на упрочение государства Габсбургов, это объединение, по нашему мнению, могло при определенных условиях явиться шагом к распаду Австро-Венгрии.

Н. Петрович затрагивает вопрос о судьбе «общенародной» партии Милетича (проблема, существенная для ряда национальных движений), он указывает на вполне определенную основу объединения в ее составе разнородных элементов — борьбу за национальную свободу, прослеживает развитие разногласий, паметившихся в Национально-либеральной партии уже в пору ее максимальных политических успехов в начале 70-х годов, и дальнейшее развитие кризиса партии в связи с ростом социальных противоречий в сербском обществе, отмечает нарастание — после Парижской Коммуны и в связи с упрочнением положения Австро-Венгрии — в недрах самой партии буржуазных оппортунистических сил (ср. II бечкерекская конференция 1872 г., народно-церковный собор 1874—1875 гг.). Еще в более ранний период, в первой половине 60-х годов, неоднородность социального соста-

ва складывавшегося течения проявлялась в разном подходе к путям и методам решения Восточного вопроса даже у публицистов, тесно сотрудничавших друг с другом¹.

В связи с материалами публикации, относящимися к обострению Восточного вопроса в 70-х годах и началу восстания в Боснии и Герцеговине, Петрович обратился к давно волновавшему историков вопросу об оценке тактики национально-радикальных кругов и сербского правительства. Достойным внимания в этом отношении является его утверждение, что осторожность сербских правящих кругов коренилась не только в их «ответственности за судьбу государства» (как любила подчеркивать реакционная историография), но прежде всего в социальных интересах этой консервативной группировки. Не утверждая, что попытка решения задачи национального освобождения до кризиса

¹ Характеристика позиции крупных деятелей Национально-либеральной партии Милетича и Полита-Десанчича, выражавших политические тенденции разных прослоек национальной буржуазии, дана в книге: Н. Петрович. Светозар Милетич. Београд, 1958. Вслед за ее появлением в Югославии имела место острая полемика, подробно о которой см.: Ј. Ј. Гибанский. Две дискуссии среди югославских историков. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. XXX. М., 1966.

1875—1878 гг. (во время австро-пруссской и франко-прусской войны и т. д.), на чем настаивали радикальные круги, обязательно привела бы к успеху, Петрович отмечает, что в результате тактики оттяжек Сербии пришлось решать эту задачу в неблагоприятной международной обстановке.

Таковы лишь некоторые важные проблемы, затронутые составителем публикации, выступившим в качестве автора-исследователя. К сожалению, совершенно недостаточная изученность социально-экономического развития Воеводины в третьей четверти XIX в. не позволила автору, как до сих пор и другим историкам, показать глубокие, иногда скрытые побудительные причины тех или иных политических тенденций и действий отдельных прослоек и групп сербской буржуазии, например, представить дополнительные аргументы, объясняющие причины ее ориентации на союз с венгерским национальным движением. Пользуемся возможностью высказать пожелание, чтобы современная югославская историческая наука уделила этой кардинальной проблеме должное внимание.

Н. Петрович с энтузиазмом предпринял большое и нужное издание. Читателю ясна важность затронутых в нем вопросов. Приветствуя выход первых двух томов, желаем составителю успешного завершения публикации.

B. I. Фрейдзон

JAN E. PURKYNÉ. *Sebrané spisy*. Sv. 10. Slavistické práce. Uspořad. M. Kudélka. Věd. red. V. Kruta. Praha, Naklad. ČSAV, 1968, 248 s.

Я. Е. ПУРКИНЕ. Собрание сочинений. Т. 10. Славистические труды

Когда в 1953 г. обсуждался план издания сочинений Я. Е. Пуркине, работы по славистике в особый том выделять не предполагалось. Однако как подчеркивает в предисловии В. Крута, последовавшее затем библиографическое и историографическое изучение творческого наследия этого выдающегося представителя чешской научной мысли XIX в. потребовало пересмотреть прежние предположения (стр. 7). Следствием этого и явился очередной, десятый том, в котором собраны славистические работы Пуркине, преимущественно относящиеся к 1830—началу 1840 г. Эти статьи, обзоры и рецензии, публикавшиеся Пуркине в чешских, польских, русских и других изданиях, затрагивают различные аспекты чешской и общеславянской истории, культуры и письменности. Рассматриваемый том открывается критико-библиографической статьей «О движении и направленности новой чешской литературы», напечатанной в 1836 г. в берлинском «Литературном журнале для заграницы» (стр.

67—92). Вопросам развития отечественной литературы Я. Пуркине посвятил еще ряд выступлений в печати, среди которых нельзя не отметить статью «О современном состоянии чешской литературы и ее значении». Здесь подробно рассматривалась и положительно оценивалась брошюра Л. Туна, одного из крестных отцов австрославизма (стр. 171—197). Большое внимание уделял чешский ученый польской, болгарской и особенно русской литературе. Об этом, в частности, свидетельствуют такие его работы, как обзор «Новейшая русская новеллистика» (стр. 96—114), «Народные книжки в России» (стр. 115—121), «Обозрение русской литературы в 1838 г.» (стр. 132—141), статья «О литературном единстве между славянскими племенами» (стр. 144—170) и др. В последней статье, напечатанной на русском и польском языках в двуязычном варшавском журнале П. Дубровского «Денница», Я. Е. Пуркине характеризовал историю культуры и современное ее состояние у «главнейших славянских племен» и под-

черкивал стремление их к «литературному единству». Живо интересуясь русской литературой и наукой, Я. Е. Пуркине содействовал укреплению культурных связей между братскими народами. Об этом свидетельствовал, например, обзор рецензий русских авторов на «Славянские древности» П. И. Шафарика, увидевший свет в прогрессивном чешском журнале «Кветы» в 1836 г. (стр. 92—95).

Рассматриваемый том не охватывает всех трудов Я. Е. Пуркине по славяноведению, поскольку часть их, выявленная к настоящему времени, ранее вошла в другие тома, в которых содержатся смежные работы историко-литературной тематики. Для удобства читателей в данном томе приведен библиографический список славистических сочинений Пуркине, насчитывающий всего 23 названия, не считая трех переводов с русского и польского языков (стр. 238—239). В книге помещены не только сами тексты работ Я. Е. Пуркине на чешском, польском, немецком и русском языках, но и краткие комментарии к ним делового источниковедческого характера. Кроме того, работам Пуркине предпослана обстоятельная статья «Славистические труды Яна Е. Пуркине», написанная М. Куделкой (стр. 11—66). Автор рассматривает широкий круг вопросов историографического и источниковедческого характера, стремясь показать место Пуркине в общественном движении своей эпохи. В статье намечены хронологические вехи славистической деятельности Пуркине, ос-

вещены его книгообменные связи с русскими и польскими исследователями (стр. 24), подчеркнуто большое внимание, которое уделял Пуркине народным массам, их языку и культуре (стр. 26—27). М. Куделка анализирует не только сильные, но и слабые стороны мировоззрения Пуркине, проявившиеся, например, в утопической идеи введения для всех славян латинского алфавита (стр. 41—42). Пуркине, как отмечает М. Куделка, не видел и не понимал классовых противоречий, существовавших в славянских странах (стр. 48). По мнению М. Куделки, Пуркине относится к последователям И. Юргмана и идеологически (хотя бы на примере отношения к австрославизму) входит в круг чешского либерального мещанства (стр. 64). Что касается характера творчества Я. Пуркине, то М. Куделка, по нашему мнению, удачно определил его как «славистическую публицистику».

Человек необычайно глубоких и разносторонних познаний и интересов, Я. Е. Пуркине был ярким ученым-энциклопедистом, явление все более редкое для XIX в., для которого славистика не была самоцелью, а привлекала в той мере, в какой помогала содействовать делу сближения славянских народов. Материалы, собранные в томе, как раз и показывают, Я. Е. Пуркине пламенным борцом за укрепление взаимопонимания и дружбы между славянскими народами. В этом заключена главная ценность рассмотренной публикации.

А. С. Мильников

ПРОБЛЕМЫ ПОЛЬСКОГО БАРОККО

Книга польского литературоведа Я. Блоньского¹ вносит значительный вклад в изучение литературы XVI—XVII вв., периода, вызывающего дискуссии по многим вопросам². Основным из них является вопрос, представляла ли литература того времени нечто целое и можно ли применять к ней термин «барокко», заимствуя его из искусствоведения; чем является барокко — стилем или направлением, течением. Идут споры о хронологических рамках барокко, о направлениях внутри него, о его связях с народным искусством. Исследователи по-разному рассматривают отношение барокко к феодализму, к религиозным течениям. Иногда называют его искусством контреформации, связывают с иезуитами. Существует даже термин «иезуитское барокко». Различно оцениваются связи

барокко со средневековьем и ренессансом.

Термин «барокко» воспринимается подчас как оценочный, поэтому многие исследователи предпочитают его избегать. Термин «барочный» часто употребляется в одном ряду с такими определениями, как манерный, сухой, бессодержательный. В распространении риторических приемов, строгом следовании принципам композиции, явном, нескрываемом подчинении произведения единому заданию иногда видят бессмысленное нагромождение фигур, их нарочитое скрепление. Как о недостатке говорят об искусственности, условности барокко, считают, что содержание в нем затмевается формой.

В настоящее время устанавливаются новые оценки литературы XVII в. Барокко уже не представляется явлением отрицательным, возвратом к средневековью, упадком, искусством чисто религиозным или придворным. Исследователей все больше привлекает форма произведений барокко, барочная поэтика. Расширяются географические границы барокко. В последние десятилетия встал вопрос о слави-

¹ J. Błoniecki. Mikołaj Sęp Szarzyński i początki baroku polskiego. Kraków, 1967.

² А. А. Морозов. Проблемы европейского барокко. «Вопросы литературы», 1968, № 12.

вянском барокко³, его особенностях, связях с западноевропейским искусством. Книга Я. Блоньского, посвященная польскому поэту XVI в. Семпу-Шажинскому, значительно продвигает вперед изучение славянской литературы XVI—XVII вв., решает вопросы, связанные как с барокко в целом, так и с его славянским вариантом. Я. Блоньский анализирует творчество Семпа, не отрывая его от литературной жизни Польши XVI в. и от общего европейского культурного процесса XVI—XVII вв.

Барокко по-новому раскрыло диалектику правды и вымысла, формы и содержания. Оно порвало со стремлением искусства Ренессанса следовать природе и предпочло свободу мысли и воображения. Постоянная изменяемость вещей, противоречие жизни и смерти, борьба не только идей и ценностей, но и чувств определяет содержание произведений барокко. Оно умеет выражать мистические восторги и цинизм. Барокко — это искусство неравновесия, острых противоречий, открытых форм, в совершенстве разработанной поэтической техники. Произведения строились по известным правилам и оценивались по тому, насколько точно эти правила выполнялись. Красоту искали не в том, что описывалось, не в самих элементах, из которых состоит произведение, а в том, как описывалось, в композиции, в их расположении. Умение комбинировать ценилось выше, чем выбор материала. Темы, идеи, образы могли быть известны, от них не требовалась новизна, оригинальность. Они представляли как бы постоянный, известный всем поэтам набор, которым они пользовались. Единицы поэтического кода превышали слово. Такой подход к литературному произведению сопоставим с тем, который представлен в работах русских формалистов⁴.

В XVI—XVII вв. наука имела большое значение в жизни общества, что не могло не отразиться на искусстве. Для барокко характерен рационализм. Научные формы мышления становились художественными. Поэтические произведения строились в форме силлогизмов, научные понятия использовались для образования сравнений, метафор. Литература ба-

рокко была не только ученой, но и абстрактной.

Не меньшую роль, чем наука, в становлении характера барокко играла религия. В это время она стала более индивидуальной, обращалась к чувствам отдельного верующего, требовала ответственности за каждый поступок в жизни, а не только во время обряда. Она осознала противоречия внутреннего мира человека. Христианство XVI—XVII вв. было трагическим, пишет Я. Блоньский, так как оно знало скрытого бога, абсолют, которого не может достичь человек. Бог супров и недосягаем. Чем яснее осознается эта недосягаемость, тем ревностнее ему служат. Бог существует во всем мире, но из мира надо бежать с помощью молитвы. Бог милосерден, но он обращается ко злу, карая грешников. Парадоксы божественного соответствуют парадоксы человеческой природы. Человек осознавался полным противоречивых стремлений, принадлежащим греховному миру. Он не таков, каким он должен быть, и никогда не станет, как бы он к этому ни стремился. Вообще весь мир противоречив и странен, неустойчив. Единственно определенным и устойчивым является вообще парадокс. Так разывали противоречивые моменты христианской доктрины поэты барокко.

В отличие от многих исследователей, связывавших барокко с контреформацией, Я. Блоньский увидел связь барокко с реформацией, указал на общность их проблематики, сопоставил религиозные взгляды Семпа с доктриной иезуитов, с протестантизмом. Большая заслуга Я. Блоньского состоит в том, что он указал на религиозную проблематику как на источник и аналогию творчества периода барокко, увидел между ними общее (важный историко-культурный вывод, имеющий методологическое значение).

Я. Блоньский выделяет основные оппозиции в системе понятий барокко: человеческое и божеское, душа и тело, грех и милосердие, фортуна и закон, судьба и надежда. Но, к сожалению, не суммирует в книге эти интересные замечания.

Барокко не было искусством однородным, в XVII в. работали непохожие друг на друга мастера, которых никак нельзя отнести к одному направлению. Так, в Польше существовало сарматское барокко и искусство, которое Я. Блоньский называет первой версией барокко или маньеризмом. Он характеризует маньеризм,形成的авшийся в Италии в 1500—1580 гг., как стиль аскетический, сдержанный, внешне ренессансный, связанный с античностью. Его техника совершенна и одновременно скуча. Он противоречив, напряжен, но еще лишен барочной материализации. Маньеризм захвачен преходящестью всего на земле, внутренним миром человека, его парадоксами, всем, что станет основным содержанием барокко. Маньеризм — это поэтика барокко на материа-

³ A. A p g u a l. Die slawische Barockwelt. Leipzig, 1961; D. C i z e v s k y. Outline of Comparative Slavic Literature. Boston, 1952; A. A. М о р о з о в. Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 3—38.

⁴ B. Ш к л о в с к и й. Литература вне сюжета. О теории прозы. М., 1925, стр. 162—178; Б. М. Э й х е н б а у м. Теория так называемого формального метода. Литература, М., 1926; Ю. Н. Т и н я н о в. Проблемы стихотворного языка. М., 1924.

ле ренессанса. Их трудно разграничить. Это два пути, по которым развивался ренессанс, существовавшие одновременно. Вслед за Я. Бялостоцким⁵ Я. Блоньский различает маньеризм классический, впртуозный, спиритуалистический.

Барокко сосуществовало не только с маньеризмом, но и с ренессансом. Оно складывалось в результате развития ренессанса, во многом было связано с ним, имело сходные элементы, характеризовавшиеся иными функциями. Оно не было готовой системой.

Рассматривая отношение ренессанса и барокко, Я. Блоньский касается проблемы литературной эволюции. Его взгляды сходны со взглядами Ю. Н. Тынянова, который считал очевидным существование в литературе «... разных пластов; в этом смысле нет полной смены одного литературного течения другим. Но эта смена есть в другом смысле — сменяются главенствующие течения, главенствующие жанры»⁶. Для Я. Блоньского, как и для Ю. Н. Тынянова, история культуры не сводима к источникам, он отличает эволюцию от генезиса. В то же время он полагает, что история литературы и культуры не бывает скачков, неожиданных поворотов или необъяснимых возвратов к прошлому. Все элементы литературного процесса значимы и не могут быть лишины. Литературный процесс совершается медленно. В этом вопросе Я. Блоньский отличается от Ю. Н. Тынянова, считавшего основным принципом литературной эволюции — борьбу и смену, предполагавшего в литературном развитии скачки и революции. Схема литературной эволюции Я. Блоньского мало динамична, хотя принцип динамизма он считает действующим на уровне литературного произведения (стр. 179).

Появление литературной эволюции позволяет по-новому оценить отношение барокко к средневековью. Я. Блоньский считает, что Ренессанс был очень тесно связан со средневековьем, что в XVI в. сильнее ощущались эти связи, чем то новое, что дал сам XVI век. Средневековые продолжали жить в Ренессансе в основном на низших культурных уровнях: ставились мистерии, не исчезла готика. Эпохи объединялись ролью, которую играла в них античность и религия. Я. Блоньский критикует взгляды XVI век как на чисто светский. В XVI в. формировались новые религиозные течения, шли поиски новых форм христианства (Люттер, Кальвин, Лойола). Барокко, являясь

⁵ J. Białostocki. Pojęcie manieryzmu i problem odrębności sztuki polskiej w końcu XVI i w początku XVII w. Materiały do studiów i dyskusji. Warszawa, 1953, s. 179–198.

⁶ Ю. Н. Тынянов. Литературный факт. Архаисты и новаторы. М., 1929, стр. 11.

естественным и плодотворным развитием ренессанса, одновременно наследовало и элементы средневековья, содержащиеся в нем. Но анализ элементов искусства средних веков в барокко показывает, что они имели другие функции. В Польше в XVI в. средневековые ощущалось сильно, особенно в провинциях. Но первые писатели барокко и маньеризма относились к нему как гуманисты, только иногда усваивая его отдельные мотивы. Таким образом, в XVII в. происходил не только возврат к средним векам, но и существовала преемственная связь трех эпох.

Такая постановка вопроса о барокко и ренессансе отразилась на решении проблемы искусства иезуитов. Я. Блоньский отвергает термин «иезуитское искусство», говоря, что оно ничем не отличалось от искусства XVII в., что иезуиты проводили те тенденции, которые вообще были характерны для европейского искусства. Современники видели в иезуитах наследников культуры Ренессанса — отчасти потому, что иезуиты важную роль в своем творчестве и образовании отводили античности, считавшейся в то время частью культуры Ренессанса. Различие между эпохами Ренессанса и барокко не ощущалось не только потому, что современникам всегда трудно оценить текущие культурные процессы, но и потому, что, действительно, эти эпохи были во многом связаны. Эти связи обнаруживаются и в барочном искусстве иезуитов.

Я. Блоньский критикует попытки раздвинуть хронологические рамки польского Ренессанса, в чем видит отношение к нему как к эпохе более прогрессивной, чем барокко, которое часто обвиняется в отказе от достижений Ренессанса, в упадочничестве⁷. Автор выступает против подобной оценки эпох. Каждую эпоху следует рассматривать как необходимый этап в развитии искусства и видеть то, что она внесла в историю культуры. Он против апологии барокко и против его пропаганды. Нельзя оценивать прошлое настоящим.

Я. Блоньский ставит цель построения моделей культуры барокко и Ренессанса, по справедливо считает, что этому должно предшествовать построение частных систем, детальные исследования творчества отдельных писателей.

Мир поэта барокко — это непонятный иероглиф. Его значение неизвестно, скрыто, но оно существует. Все в мире что-то значит или может значить. Значения представляют гораздо большую ценность, чем сами реальные явления, чувственные знаки. Образы поэзии барокко материальны, связаны с реальностью, часто гиперболизированы. Но у них есть свое скрытое

⁷ Точка зрения Я. Блоньского смыкается с некоторыми суждениями А. А. Морозова: Проблемы европейского барокко. «Вопросы литературы», 1968, № 12.

значение, духовное, аллегорическое, метафорическое. Поэт только на один момент останавливается на предмете с тем, чтобы от него перейти к понятию. Весь мир барокко оценен и классифицирован. Каждое явление мира расценивается как знак, потому поэзия барокко стремится сделать абстрактным конкретный мир, приписать духовное значение материальному.

Образы поэзии барокко не имеют обычно общего семантического поля. Они не связаны ни логически, ни художественно. Они объединяются благодаря идентичности ситуации, движению. Движение — тема поэзии XVI—XVII вв.⁸ Образы движения — одни из наиболее распространенных в поэзии барокко. Всевозможные изменения человеческой души, смерть осознаются как часть вечного движения, больше всего поражавшего людей барокко.

Метафора барокко поражает несоответствием образа и значения, удаленностью ассоциаций, она неожиданна. Обычно она материальна, и области, откуда берутся метафоры, совершенно различны. В метафоре барокко делается акцент на том, что различно, а не сходно, как в ренессансной метафоре, вытекающей из природы поэтического текста. Существует аналогия между барочной метафорой и иероглифкой интеллектуального кино Эйзенштейна. Знак освобождается от связи с обозначаемым предметом,— заметил по этому поводу В. В. Иванов⁹, — и, соединясь в последовательность с другими знаками, образует сложные абстрактные символы.

Барочная поэтическая ситуация не является определенной. Она связана со множеством лирического Я и адресатов поэтического сообщения. В ренессансной поэзии автор совпадает с лирическим героем, ситуация едина. На протяжении текста он, как и получатель лирического сообщения, не меняется. Между поэтическими высказываниями в лирике ренессансного типа существует внутренняя связь. В лирике барочного типа стихотворение связано логикой композиции. Я. Блоньский сопоставляет суммирующую, панорамную композицию и логическую. При композиции первого типа поэт вначале кратко излагает содержание стихотворения, а затем стремится создать наиболее полную картину. Логическая композиция построена на противопоставлении, она представляет собой как бы развернутый сплогизм.

Контраст является одной из основных тем и приемов барокко. Все контрасты

поэтического текста подчинены антитезе добра и зла. В поэтике ренессанса контраст предвещал гармонию и был путем, ведущим к ней; контраст скорее выражал многообразие мира, чем его противоречивость, так занимавшую поэтов барокко. Функция контраста в период барокко стала более значимой, в чем Я. Блоньский видит разложение поэтического идеала Ренессанса в XVI в., когда стали противопоставлять правду красоте, неделимые ранее, и в литературу вошла религиозная проблематика. И, наконец, *conceit* Я. Блоньского определяет как парадокс, ставший приемом композиции стиха, заключающий в себе противоречие правды и иллюзии.

Сложность поэтического синтаксиса барокко создавала затрудненную форму, открывала различные возможности почтования текста. Стих и предложение не соответствовали, ритм и грамматика противопоставлялись, что выражало неравновесие, результат вечного движения. Особую функцию в поэзии имели переносы. В отличие от античной и гуманистической традиции, когда они разъясняли, комментировали текст, в барокко переносы затемняли смысл, создавали ложное впечатление, бессмыслицу, рассыпали высказывания в отдельные слова и заставляли складывать их вновь. Они готовили парадокс. Поэты барокко сближали значения сходно звучящих слов, чем достигали эффекта неожиданности, поражали.

Барокко знало не только затрудненные приемы и темный стиль. Существовал и ясный стиль, которым пользовались, когда говорили о том, что не вызывало сомнений. Сложность приемов соответствовала сложности литературного материала. Приемы получали свое значение только в контексте. Они свидетельствовали о сложности открытия, дешифровке мира, выражали его преходящую ценность.

Семп-Шажинский был первымпольским поэтом, обратившимся к внутреннему миру человека. Его поэзия — это жалоба на несовершенство мира, на негармоничность и одиночество человека. Он создал игру знаков религии и литературы, видел в них символы духовной жизни. Ему был свойствен религиозный пессимизм. Семпа занимали основные проблемы религиозного сознания того времени, от моральной теологии он следовал к психологии человека. Он разделял религиозные представления о парадоксальности морального опыта, видел пропасть между Богом и человеком. В его лирике есть ряд устойчивых символов: вода, означающая несчастье, а шире — судьбу, изменчиву; постоянен свет, к которому ведет огонь; тьма символизирует грех, страх, свет — Бога. Поэт сравнивает его с солнцем, а божью матерь — с луной, что аналогично представлениям архангельской мифологии. Вообще во многом символика Семпа имеет архангельское происхождение.

⁸ См. об этом: T. Mikułski. Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964.

⁹ В. В. Иванов. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, 1968, № 3, стр. 239.

Семп-Шажиньский был поэтом-маньеристом. Хотя он мог не знать современных эстетических теорий непосредственно, он знакомился с ними косвенно, через поэтические произведения. Так, в сонетах Семп исходит из того, чем завершил свое развитие петраркизм. Соответствия его сонетов с сонетами Дж. делла Казы свидетельствуют об аналогичном пути развития поэтов, а не о заимствовании. Семп был поэтом оригинальным, его литературная независимость являлась следствием усвоения духовных достижений своего времени. Его творчество содержит множество элементов, получивших распространение в поэзии XVII в. Так, например, он одним из первых использовал гиперболы, ведущие к гротеску. Его творчество было результатом личного опыта и свидетельством участия польской литературы XVI в. в европейском культурном процессе.

Я. Блоньский определяет место Семпа-Шажиньского в последнем поколении

польского Ренессанса, характеризует творчество С. Скарги, С. Грабовецкого, усвоившего приемы, но не дух маньеризма, К. Ямковского, уже ближе стоявшего к барокко. В отдельной главе Я. Блоньский приводит высказывания современников о поэте, по очень скромным данным реконструирует его биографию, составляет список произведений в хронологическом порядке. В приложение вынесена краткая характеристика работ о Семпе-Шажиньском, одновременно представляющая библиографию. Исследователь останавливается на спорах об авторстве Семпа, на трудностях текстологической работы над его произведениями. Такое построение книги представляется очень удачным. Автор разграничил различные области литературоведческой работы и не стал в главах о художественных приемах и тематике поэта приводить данные об истории создания произведений и жизни поэта, что отвлекало бы от основной темы.

Л. Софронова

ТРУД ПОЛЬСКОГО ИСТОРИКА О ПЕРВОМ СТОЛЕТИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Последние годы отмечены оживлением научного интереса к средневековой истории русской церкви — тому свидетельство труды И. У. Будовицца, Я. Н. Шапова, Л. Мюллера и автора рецензируемой книги¹. Книга А. В. Поппэ — многоплановая, это и естественно: ответ на вопрос «откуда есть попы русская церковь» потребовал внимательного переосмыслиния источников не только по внутренней истории Руси от образования митрополии до конца XI в., но и по ее внешнеполитическим связям, особенно с Византией.

Прежде чем оценивать выводы исследователя, нужно сказать о его источниковедческом мастерстве. Ученик известного польского медиевиста А. А. Гейштора, он умело оперирует комплексом сложных источников — летописями, хрониками, сказаниями, сопоставляет данные историко-вспомогательных дисциплин и сам вторгается в сферу истории архитектуры, живописи, numizmatiki — словом, действует во всеоружии источниковедческих приемов и историографических знаний. Отрадно, что в польской марксистской историографии появляются такие исследователи.

Нужно подчеркнуть и методологическую зрелость автора, сумевшего извлечь из гущи застарелых конфессионально-политических споров все рациональное. Опираясь на обширную русскую историографию, на исследования Л. Мюллера, В. Лорана, Э. Хоппмана, В. Гро-

меля, на собственные долголетние источниковедческие штудии, А. В. Поппэ окончательно опровергает живучие модели христианизации Руси — охридскую (М. Д. Приселков), тмутараканскую (Г. В. Вернадский), херсонскую (Ф. Дворник), римскую (А. М. Амман), автономистскую (В. Зернов, М. Чубатый) — и убедительно доказывает тезис о возникновении митрополии на Руси, бывшей в ведении византийской патриархии, со временем ее христианизации. Этот вывод основан на переосмыслинии *Notitia episcopatuum* и сопоставлении полученных из нее хронологических вех (970—997) первой митрополии, возглавляемой Феофилактом, с анализом информации Яхыи Антиохийского, Титмара Мерзебургского и Иллариона.

Этот сам по себе веский материал автор обогащает пересмотром идущей от А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова гипотезы о строительстве храма Софии и основании митрополии в 1037 г. А. В. Поппэ предлагает свою, весьма остроумную схему, согласно которой при Владимире Святославиче сооружены и княжеская Десятинная церковь, бывшая в управлении его эконома-корсунского священника Анастаса (в этом автор следует Л. Мюллеру), и деревянная София, бывшая собором митрополичьим. Во время известного пожара 1017 г. погибла не Десятинная (как думал А. А. Шахматов), а Софийская церковь, вместо которой Ярослав-Мудрый велел соорудить сперва деревянный в 1017 г. (о чем и свидетельствует известие в Новгородской летописи), а затем — и каменный, в 1037 г. (о котором:

¹ A. Poppe. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, 252 s.

сообщает Повесть временных лет) храмы. В этой связи автор перетолковывает и софийские граффити и сами фундаторские фрески, видя смысл их композиции в прославлении Ярослава Мудрого и датируя их 1042—1046 годами².

Исследование А. В. Попша не оставляет места ни для политической зависимости Руси от Византии, ни для столь милого сердцу некоторых остфоршеров ФРГ господства в ней византийской духовной цензуры.

Интересную, хотя и весьма спорную гипотезу, предлагает А. В. Попш для объяснения византийской политики Ярослава Мудрого. Он справедливо отказывается видеть причину конфликта 1043—1046 гг. в попытке Руси выйти из-под мнимой «империи ромеев» (так думал М. Д. Приселков) и отделяет от него вопрос о поставлении Илариона в митрополиты (1051). Здесь автор, в сущности, выходит за пределы своей темы, рассматривая сюжет светский — войну 1043 г. Ныне принятая точка зрения Г. Г. Литаврина о нарушении торговых прав Руси как причине столкновения двух стран. Кстати говоря, у нас нет твердых оснований отрицать, что политический разрыв не сопровождался и церковным, ибо митрополит Феодемп пропадает в источнике 1039 г., и кто правил древнерусской церковью в 1040—1050 гг. мы не знаем.

Основываясь на первом наблюдении о неоднократном использовании Русью внутримонархических противоречий в Византии для вооруженных вмешательств в балканскую политику, А. В. Попш предлагает считать, что и Ярослав Мудрый приурочил и связал вооруженный разрыв 1043 г. с выступлением в Южной Италии полководца Георгия Маниака против правительства Константина Мономаха. А. В. Попш удалось тонко и интересно описать русский поход 1043 г. и, опираясь на данные Псефла и Скилицы, показать, что прибывший на 400 судах с 20 тыс. воинов русский князь Владимир Ярославич, запросив с Византии 400 тыс. номисм, требовал лишь возмещения затрат и отнюдь не подрывал (как считалось до сих пор) византийский бюджет, годовой объем которого составлял около 7 млн. номисм (стр. 114—116). Достаточно полно раскрыл автор и суть договора 1046 г.

При наличии торгового конфликта и предполагаемой А. В. Попш возможностях использовать осложнения, вызванные в империи выступлением Георгия Маниака, гипотеза о союзе с ним Ярослава представляется и не очень нужной, тем более, что доказательства ее, выдвинутые авто-

ром, скорее свидетельствуют о его убедительности, чем об их убедительности. Он связывает Маниака с Русью через всегда настораживающие сведения саги о зяте Ярославе Гаральде Гардrade и Гиргире, в котором видит русскую огласовку имени Маниака; данные мадридской копии миниатюр к труду Скилицы, изображающих переговоры императора Константина с князем Владимиром, интересные сами по себе — делу не помогают; мысль о враждебном отношении к Византии аскетически настроенного древнерусского духовенства более важна для истории церкви, нежели войны.

Выдлив «дело Илариона» из изложения русско-византийской политики, автор несколько увлекся и гипертрофировал значение идеальных споров древнерусского (шедшего, как ему представляется, вслед за афонским и грузинским) духовенства с византийским (стр. 145); видимо, следует продолжить начатые автором поиски экономической подоплеки борьбы вокруг симонии между патриархией, княжеской властью и митрополией.

А. В. Попш, основываясь на выводах советской науки о развитии политической структуры Руси и привлекая сверх русских источников греческие, воссоздает историю первых епископий. Он выдвигает и хорошо обосновывает мысль о существовании в пору совместного правления трех Ярославичей кроме главной, киевской, еще двух титулярных — Переяславской и Черниговской митрополий (стр. 166 и сл.); сверх того он внимательно и тонко (см. использование известия о полоцком походе на Новгород в 1066 г.—стр. 174) прослеживает возникновение и развитие епископств белгородского, новгородского, полоцкого, владимиро-волынского, ростовского, туровского (шинского?), юрьевского (каневского?) и, подчиненного непосредственно патриархии, Тмутараканского.

Достойны внимания и наблюдения А. В. Попша относительно участия церкви в политике Руси в вассальной сфере подвластных народов, в частности о роли культа Михаила и Юрия (он напоминает о существовании Юрьева, обращенного к Прибалтике и Юрьева, повернутого к стени); здесь, видимо, можно было бы сказать и о церковных опорных пунктах полоцкого епископства в прибалтийском Подвийье, поскольку археология подтверждает давнее проникновение сюда христианства из Руси.

Свеж и интересен вывод автора о рыхлости древнерусской церковной организации, которая имела на территории в 1400 тыс. км², при населении около 6 млн. человек лишь 9—10 епископств, тогда как в Византии при сходной территории и около 20 млн. жителей число епископств достигало почти тысячи (стр. 204—205). В связи с этим можно заключить, в какой мере церковь на Руси еще зависела

² Подробнее см. А. Рорре. Kompozycja fundacyjna Sofii kijowskiej w poszukiwaniu układu pierwotnego. «Biuletyn historii sztuki», Rocznik 30, № 1, Warszawa, 1968, s. 5—29.

от поддержки государства, и подчеркнуть вывод А. В. Поппэ о первенствующей роли аборигенных элементов в создании и укреплении ее структуры.

К числу спорных придется пока отнести вопрос о характере и времени возникновения государственных уставов о церковной юрисдикции. А. В. Поппэ отвергает их давность. Сделанные им в этой связи наблюдения о гибком введении церковного судоустройства и десятины весьма важны: они хорошо дополняют известные выводы Я. Н. Щапова и логично соотно-

сятся с тем, что сообщает автор об относительно скромной еще роли духовенства в деятельности органов власти и управления раннефеодальной Руси.

Книга А. В. Поппэ и задумана интересно и написана талантливо. Издание на русском языке таких книг, как эта, как исследование Г. К. Ловмяньского о русско-норманских отношениях или А. В. Флоровского о русско-ческих, — давно назревшая задача нашего славяноведения.

B. T. Pашутко

ДВА СБОРНИКА О ПОЛЕСЬЕ

В связи с недостаточной изученностью говоров Полесья и значительным интересом, который они представляют для славянистических исследований, на I всесоюзном координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961) было решено организовать планомерное изучение лексики полесских говоров. В коллектив исследователей Полесья вошли сотрудники Института славяноведения АН СССР, многие белорусские лингвисты и некоторые диалектологи-украинисты. Общее руководство этой работой осуществлял Н. И. Толстой.

Первым результатом усилий этого коллектива являются рецензируемые сборники «Лексика Полесья» и «Полесье»¹. Обе книги содержат ряд оригинальных исследований о Полесье и вводят в научный оборот огромный новый лексический материал, данные о его географическом распространении и т. д.

Сборник «Лексика Полесья» открывается статьей Н. И. Толстого «Об изучении полесской лексики» (стр. 3—19)², в которой скжато изложены основные проблемы системного изучения славянской диалектной лексики, подчеркнута необходимость широкого применения новейших методов лингвистического анализа и неотложность исследования лексики Полесья. Кроме того, в статье говорится об организации полесской диалектологической экспедиции и о характере работ, составляющих сборник.

Ф. Д. Климчук в работе «Специфическая лексика Дрогичинского Полесья» (стр. 20—78) приводит большое количество лексических, семантических, словообразовательных, грамматических и фонетических диалектизмов говора с. Симоноп-

вичи. В словаре отмечены многие сохранившиеся в говоре традиционные слова типа *бáјаты* ‘говорить, разговаривать’, *вáрод* ‘сыпь на теле ребенка’, *дан* ‘то, что дают, не продают’, *квас* ‘кислота’, *горбмына* ‘хоромы, строение, постройка, дом’ и многие другие. Помимо этого следовало бы внести в словарь и многие диалектизмы, встречающиеся в иллюстративных материалах словарных статей. Например, *аїбы што* (под словом *вробг'аты*); *гбсэн'* (под словом *Л'х'á*), *довжын'á*, *шырын'á*, *пýрчынky* (под словом *кругыj*), *дбкы.i'* (под словом *л'эжывo*), *крышанъ* (?) (под словом *л'аодбýчын'н'a*), *рýхтык* (под словом *конопанижн'н'ky*) и др. Так как словарь дифференциальный, то в нем не стоило давать таких общезвестных (не отличающихся и семантически) украинских слов, как *воловáтj*, *загоjáтыc*, *зөвч'а*, *л'ox*, *нахáба*, *нашком*, *оджаты*, *сырабатка*, *стайн'а*, *шмáльты* и др.

Точность объяснений некоторых диалектизмов вызывает сомнения, например, *эдұховына* ‘боковая часть живота’, *зýва* ‘отверстие в пряже, через которое проходит челюст с ниткой’, *пóышыц* ‘наласть’ (иллюстрация к последнему слову свидетельствует, что обозначает оно ‘эпидемия, мор’, а не ‘наласть’ и др. Не везде четко продуман порядок подачи значений полисемантических слов, например: *праch* — 1) ‘головастик’, 2) ‘валек для выколачивания белья’. Здесь правильнее было бы второе значение как исходное (ср. укр. *прайти* ‘стират’) и еще широкую поставить первым, а ‘головастик’ как производное (метафорическое) — вторым.

Трудно уловить принцип иллюстрации слов: одни слова иллюстрируются примерами разговорной речи, при других словах (очень интересных диалектизмах, таких как *ничбgy*, *пýрбосток* и др.) примеры отсутствуют. Кстати, иллюстрации-примеры следовало бы приводить после каждого значения полисемантического слова, а не в конце словарной статьи.

В дифференциальном словаре Н. В. Никончука «Из лексики полесского села

¹ Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. Отв. редактор Н. И. Толстой. М., 1968, 476 стр.; Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). Отв. редакторы: В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М., 1968, 304 стр.

² Здесь и далее ссылки на страницы рецензированных книг даются в тексте.

Листвин» (стр. 79—92) отбор диалектизов гораздо строже. Полагаем, что не совсем удачно объяснены слова: *гон'ват'* 'случаться', *палат'* 'очищать посредством почвы', *храпа* 'стебель капусты' и др. Многие диалектизмы, встречающиеся в примерах, следовало бы вынести в основной реестр словаря: *зэрэ* (под словом *шампунь*), *зб.штат'*, *эмэрз авит'* (под словом *паганицца*), *јармалок* (под словом *штал'овица*), *кл'ок* (под словом *нагинки*), *космач* (под словом *матлацица*), *лутовик* (под словом *лут*), *стол'уга* (под словом *некар.мы*) и др.

Основную часть сборника «Лексика Полесья» составляют девять сравнительных тематических словарей: Л. Т. Выгонная — «Полесская земледельческая терминология» (стр. 93—130); Н. Д. Корень, М. С. Мушкевич — «Полесская строительная терминология (Хата и хозяйствственные постройки)» (стр. 131—160); Л. И. Масленникова — «Из полесской терминологии транспорта» (стр. 161—192); Н. Г. Владимировская — «Полесская терминология ткачества» (стр. 193—280); А. С. Соколовская — «Полесские названия одежды и обуви» (стр. 281—319); В. В. Анохина, Н. В. Никончук — «Полесская терминология пчеловодства» (стр. 320—365); Г. Ф. Вешторт — «Названия пищи в говорах Полесья» (стр. 366—414); Д. А. Бейлина — «Материалы для полесского ботанического словаря» (стр. 415—438); Н. В. Никончук — «Полесские названия птиц» (стр. 439—471).

Словари построены по одному принципу. Заглавиями словарных статей служат соответствующие русские названия (в квадратных скобках как наддиалектные), после которых приведены в транскрипции все засвидетельствованные однокоренные словообразовательные, грамматические, фонетические и акцентологические полесские варианты с указанием места их фиксации и необходимыми пометами. Затем следует толкование диалектных слов, иллюстрации-цитаты из народно-разговорной речи, фразеологизмы, обнаруженные в Полесье инокоренные синонимы, сравнительный материал из других словарей. Важным достоинством словарей является их лингвогеографический аспект — точная локализация каждого названия и варианта.

С точки зрения полноты охвата материала (в отношении самих реалий и диалектного распространения их названий), по глубине его осмыслиения и обработки лучшими нам представляются словари терминов ткачества (Н. Г. Владимировская), пчеловодства (В. В. Анохина и Н. В. Никончук) и названий одежды и обуви (А. С. Соколовская). Чувствуется, что авторы всесторонне изучили технологию этих производственных отраслей.

Наибольшее количество пропусков имеет словарь земледельческих терминов

Л. Т. Выгонной³. В нем отсутствуют, например, такие названия частей косы, как *клепан* 'острие, лезвие косы' (*не одув клепан*), *прут* 'утолщенная часть косы, противоположная лезвию', *полотно* 'широкая часть косы', *шыжка* 'пятка косы', *гниздо* 'выдолбленное углубление в косье, куда входит шип пятки косы при ее креплении', *каблучок* 'лук, который укрепляют на косье, когда косят рожь и т. п., чтобы отбивать ровно сконченное на покос'; нет названия для шипа пятки косы. Отсутствуют названия для специальной корзины, из которой вручную высевали зерно (*сыбен'ка*), для вола (кона), который при пахоте идет в борозде (*борозинный*) и которого ведут (*подругчный*), для восклицаний, которыми поворачивают волов (коней) влево и вправо (*тпру, с'о*), для некоторых частей плуга (*полозок*) и многих других понятий.

Сравнительно часто встречаются неудачные или неточные определения семантики слов: *волока* 'небольшое поле' (стр. 95, на самом деле — это давняя единица измерения, как свидетельствует пример-иллюстрация, в таком значении это слово употребляется и теперь, хотя четкость семантики частично уже потеряна); *волбоваја сіла, дікэ жыто, мэтка* 'черное зерно во ржи' (стр. 95, 108, правильно — 'рожки, спорынья'); *пэрэв'асло* 'пук соломы, связывающий сноп' (стр. 114, пук этот обязательно бывает скрученным, кроме того, он может быть не только из соломы); *попр'аца* 'железная часть жерновов' (стр. 117, эта часть может быть и деревянной⁴; русское соответствие [*попріта*] неправильно, В. Даль это старинное слово в русских говорах отмечает в формах *порхца*, *паралца*, ср. укр. *порпліц'*а, белор. диал. *парліца*, польск. *parczesa*, серб. *паприца*, болг. *паприца*, пъприца, словен. *perprizca* и т. п.); *прант* 'деревянная часть плуга' (стр. 120, в старых плугах все было деревянное) и др.

Неудачные определения семантики встречаются и в других словарях: *бұка* 'железное кольцо внутри ступицы колеса в телегах с деревянными и железными осями' (стр. 164; это не кольцо, а втулка), *пбушка* 'утолщенная часть деревянной оси в телеге' (стр. 183; это не часть оси, а деревянная наставка обычно на железную ось), *дотыкача* 'прутик, на который надевают снятую с навоя основу, чтобы

³ Автор этих строк летом 1964 г. проводил записи диалектологических материалов в полесском говоре с. Залесье Кобринского района Брестской области БССР, т. е. в районе, где работала полесская экспедиция.

⁴ См. И. О. Дзендрілевський и Млинська лексика українських говорів Закарпатської області. — «Діалектологічний бюллетень», вип. VIII, Київ, 1961, стор. 84.

использовать ее до максимально возможного предела' (стр. 209; это не прутки, а планка или довольно крепкая палка), *закрылна* 'две доски, которые прикрепляются по краям крыши и сходятся вверху, образуя конек' (стр. 137; лучше сказать: 'одна из двух досок...') и т. д.

Имеются и в других словарях пропуски. Так, в словаре названий пищи мы не заметили грибных блюд. Кроме того, в него правомерно было бы включить названия напитков, термины, связанные с засолкой и другими способами консервирования пищевых продуктов. Словарь ботанических терминов можно было бы пополнить названиями деревьев, кустарников, грибов, мхов и т. д.

Часты случаи, когда описываемые слова приведены не в исходной форме: *ветрогбыны* (стр. 132), *подружники* (стр. 182), *упбрки* (стр. 190), *брускі* (стр. 197), *кѣники* (стр. 220), *поножі* (стр. 251), *волблки*, *выходки* (стр. 284), *закарбви* (стр. 287), *зайшницы* (стр. 288), *лѣпци*, *лапиційники* (стр. 295), *опбрки* (стр. 301), *пал'чакти*, *пантблли*, *панчбэ* (стр. 302), *постолъ* (стр. 307), *рукавѣца* (стр. 310) и др. Все названные и подобные слова имеют и форму единственного числа, хотя чаще употребляются во множественном числе.

Вообще у нас нет сомнений в доброкачественности записей диалектной лексики, но вызывают удивление разные названия одинаковых предметов, записанных разными авторами в одних и тех же селах. Ср., например, расхождения в названиях 'поля, с которого собрали лен' в словаре Л. Т. Выгонной (стр. 106) и Н. Г. Владимиристской (стр. 229): *л'нішча* и *л'нішча* (Мокраны), *ил'нішча* и *л'нішча* (Луково), *л'нішча* и *л'нішча* (Сворынь), *л'нішча* и *л'нішча* (Голубица), *ил'нішча* и *ил'нішча*, *л'нішча* (Хвойка), *л'нішча* и *л'нішча* (Головчицы), *ил'нішча* и *ил'нішча* (Дяковичи), *л'онішча* и *л'он'нішча* (Радеж), *л'бнішча* и *л'бніш'ше* (Олтуш), *л'ніско* и *л'ніско* (Ляховичи), *л'ніско* и *л'ніско* (Спорово). Как видим, ни в одном из одиннадцати сел записи авторов не совпадают. Ср. также расхождения в названиях [веретено] (стр. 198—205) [конооплянище] (стр. 106 и 220), [гречка] (стр. 98 и 328), [иконюшина] (стр. 336 и 423), т. е. почти во всех более важных случаях, когда словари сборника, так сказать, перекрещиваются.

Для сравнений полезно было бы использовать и материалы некоторых других важных источников, например, для терминологии пчеловодства — очень обстоятельный этнографический труд Л. Шульгиной ('Бджільництво в с. Старосіллі на Чернігівщині' — 'Матеріали до етнології', т. III, Київ, 1931, стр. 7—82), для ботанической терминологии — 'Словник ботанічної номенклатури (проект)' (Київ, 1928).

В сборнике 'Полесье' после предисловия помещена вступительная статья

Н. И. Толстого «О лингвистическом изучении Полесья». В ней кратко изложена история изучения Полесья, начатого этнографами и археологами, а позже расширенного диалектологами. Автор подчеркивает актуальность и неотложность комплексного изучения Полесья. Эта и упомянутая выше статья Н. И. Толстого в сб. «Лексика Полесья» в определенном смысле являются общей программой диалектологического исследования Полесья.

Вопрос о генезисе полесских говоров по существу еще не поднимался. Для всестороннего его изучения необходимы определенные подготовительные работы. С точки зрения лингвиста очень важной в этом плане является статья Ю. В. Кухаренко 'Полесье и его место в процессе этногенеза славян' (По материалам археологических исследований) (стр. 18—46), которая подытоживает результаты археологических исследований Полесья. На основании материалов других авторов и богатых личных наблюдений Ю. В. Кухаренко делает очень важные и интересные выводы для изучения генезиса полесских говоров. В частности, он считает, что нет оснований для утверждения о слабой заселенности Полесья в древности, о перерывах в его заселении, длившихся якобы с конца неолитического времени вплоть до первых веков нашей эры (стр. 35). Очень важно заключение Ю. В. Кухаренко о том, что, начиная примерно с середины неолитического времени и вплоть до средневековья, Полесье резко делилось на две самостоятельные культурно-исторические области — западную и восточную, граница между которыми шла примерно по рекам Ясельде, Припяти и Горыни. На основании этого автор делает вывод о неправомерности локализации в Полесье прародины славян, поскольку последней должна соответствовать единая этническая общность (стр. 45). Исходя из археологических материалов, учитывая более поздний характер славянской гидронимии Полесья и Поднепровья (по сравнению с Повисленьем) и принимая во внимание свидетельства самых ранних письменных источников о славянах, Ю. В. Кухаренко утверждает, что прародина славян находилась 'где-то западнее Полесья' (стр. 45), что 'только западные районы Полесья в древности входили в область формирования славянской этнической общности' (стр. 46). По его мнению, племена дреговичей появились к северу от Припяти (на землях, которые заселяли до этого балты) с юга, из земли древлян, что переход этот произошел не ранее VIII в. н. э. (стр. 45).

Довольно интересные наблюдения над фонологической системой полесских говоров сделали М. И. Лекомцева и С. М. Толстая в статье 'Фонологический комментарий к полесским диалектам' (стр. 47—66). Описание ударного и безударного вокализма дано по трем позиционным

противопоставлениям: ударение, лабиальность предшествующего согласного и палатальность предшествующего согласного. Специально исследован вокализм начала слова. Консонантизм рассмотрен также по трем фонологическим признакам: звонкость — глухость, палатальность и аффрикативность. Авторы совершенно обоснованно утверждают, что в области консонантизма полесские говоры обнаруживают значительную стабильность. Как нам представляется, в статье недостаточно обращено внимание на характеристику противопоставления по палатальности (см. приложенные к статье тексты разговорной речи). Интересно наблюдение над редукцией вокального окружения сонорных *l* и *r*: *tar'blk* 'тарелок', *b'ryut* 'берут' и др. (стр. 59). Авторы устанавливают в полесских говорах довольно большое количество разнообразных гиперизмов. В статье рассмотрены не только говоры Белорусского Полесья, как утверждают авторы (стр. 47), но и украинского. Непонятно, почему ни в одной из шести наиболее типичных схем вокализма полесских говоров не фигурируют дифтонги, хотя вообще о дифтонгах в статье говорится.

В статье Т. В. Назаровой «Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров» (стр. 67—100) широко использованы материалы первого (Полесье, Среднее Поднепровье и соседние земли) и второго (западные области УССР) томов Атласа украинского языка. Богатством и новизной материала, глубиной анализа, тонкостью наблюдений и аргументированностью выводов эта содержательная работа бесспорно является ценным вкладом в изучение вокализма полесских и вообще украинских говоров. Автор приходит к заключению, что «несмотря на общеполесский (украинско-белорусский) характер многих важнейших явлений, в Правобережном Полесье развились локальные ареалы, выделяющие его даже на основе лишь вокальных черт в самостоятельную единицу среди полесских и других украинских говоров» (стр. 95). Она считает, что «именно Правобережное Полесье представляется одним из наиболее стабильных в лингвистическом отношении районов, изоглоссы которого могут отражать чрезвычайно древние диалектные отношения» (стр. 97). Интересное мнение высказывает Т. В. Назарова о природе полесского *i'* (*< i, u*). Этот общеукраинский процесс в Полесье отличался от других украинских говоров тем, что в процессе слияния *i* с *u* имела место устойчивость звукового ряда *i*, связанная с сохранением некоторыми согласными смягчения перед *i* и отсутствием *i < ē* и *i < o*, *e* в новозакрытых слогах. Много внимания уделяется рассмотрению дальнейшей эволюции дифтонгических рефлексов этимологических *o*, *e* в новозакрытых слогах под ударением.

Дифтонги исчезают двумя главными путями: путем монофонгизации и путем консонантизации первой и прояснения в монофонгах последующей фазы неоднородных гласных. Нам представляется удачным объяснение Т. В. Назаровой структур типа *kev⁰m*, *tov⁰k=kot*, *tok* как результат контаминации *kwot*, *twok* и *ku⁰m*, *tu⁰k* (стр. 76). Но при этом трудно согласиться с автором, что *e⁰* (*< ē*) представляет собой начальную стадию консонантизации дифтонга *yb* (стр. 76). Такую стадию, очевидно, следует усматривать в *eo < yb* (*ъб*), а *e⁰* скорее всего такая же контаминация *kev⁰m* и *ku⁰m*, как *ey⁰* (см. выше). Расщепление и монофонгизацию дифтонгов Т. В. Назарова расценивает как полярные проявления одного процесса — разрушение дифтонгической системы в результате контактов разноколичественных систем вокализма.

Работа А. С. Соколовской «Опыт определения лексической близости диалектов» (стр. 101—117) представляет собой попытку применить статистический метод для установления степени близости говоров Припятского Полесья в области лексики. Расчеты схождений и расхождений между отдельными говорами производятся по формулам Я. Чижевского, Ю. Тарнацкого и Ю. И. Левина⁵. Обращают на себя внимание почти тождественные итоги подсчетов по первым двум формулам (см. карты 1, 2). Конечно, предложенный А. С. Соколовской метод определения близости говоров на лексическом уровне (а он может быть применен и к другим уровням) сам по себе интересен, но ее конкретные выводы объективно все же имеют очень относительное значение, так как анализу подвергается, во-первых, количественно ничтожный материал (всего 18 пар семем) и, во-вторых, только одна лексическая группа — название одежды и обуви.

Применяя методику семантических микрополей, Л. Т. Выгонная в статье «К системному описанию полесских названий земельных угодий» (стр. 118—125) анализирует небольшую группу сельскохозяйственной лексики. Статья эта интересна прежде всего в общетеоретическом и методическом планах. Автор утверждает, что даже при исследовании одной и той же лексической группы подбор дифференциальных признаков (их иерархия и последовательность) в той или иной мере должен быть разным и предопределяется он рядом экстраграмматических факто-

⁵ Заметим, что формула Ю. Тарнацкого вообще принадлежит Лапласу, который ввел ее для подсчетов вероятностных схождений. См. об этом замечания самого Ю. Тарнацкого: J. Tarnecki. Studia porównawcze nad geografią wyrazów. Warszawa, 1939, s. 76.

ров, в частности географическим, экономическим, социальным и др.

Для разработки теории и методики изучения типологии семантических полей, закономерностей семантических изменений и вообще типологии семантики значительный интерес представляет статья В. А. Московича «Из полесской терминологии цветообозначений» (стр. 126—161). Наиболее важны здесь наблюдения и общие выводы автора о закономерностях в семантических переходах слов, в частности положение о сильных и слабых звеньях системы семантического поля. В системе цветообозначений, по наблюдениям В. А. Московича, сильными звеньями оказываются названия для белого, черного, желтого и зеленого цветов (это общеславянские лексемы, не изменяющие своих значений). «Слабыми звеньями являются названия оттенков вышеперечисленных цветов, а также названия серого, голубого, синего, красного, фиолетового и коричневого цветов и их оттенков» (стр. 143). Зона слабых звеньев этого семантического поля значительно шире зоны сильных звеньев. Именно в зоне слабых звеньев и происходят семантические изменения соответствующих лексем. Автор убедительно доказал, что при языковых контактах лексика специализированных подсистем цветообозначений гораздо более проникаема, чем общая подсистема (стр. 157).

Статья В. А. Московича может послужить хорошим образцом для изучения семантики говоров. Однако некоторые частные утверждения автора, по нашему мнению, являются ошибочными или во всяком случае спорными. Например, автор пишет, что «клочки животных обычно образуются от названия мастей» (стр. 148). По нашим наблюдениям над зоонимами района украинских Карпат клички овец, происходящие от названия мастерий, составляют меньше половины их общего количества. Не убедительным представляется утверждение автора, что «румынский элемент был основным в волнах валашской колонизации, происходивших в северные Карпаты с юга» (стр. 159). Новые лингвистические и этнографические работы польских, словацких и советских авторов свидетельствуют, что это положение устарело и не отвечает действительному положению вещей.

В статье А. А. Кривицкого «Из словаря полесских рыболовов» (стр. 162—174) после общих замечаний об ихтиофауне и рыболовстве в Полесье приведен словарь названий рыб, рыболовецких принадлежностей и их частей. Важно, что здесь представлены не только так называемые особенности (диалектологические экзотизмы), а все бытующие названия, в том числе и те, которые имеются в литературном языке. Здесь много интересных в разных отношениях слов: *клбм'а* или *клбн'а*, *клбн'а*, *кбм'а* ‘вид передвижной ловушки’, *жен’* ‘налим’ *платач* ‘развора-

чивать вдоль хребта (рыбу)’, *полб* ‘ловля, добыча’, *присых* ‘двурогие деревянные вилы, к которым прикрепляется сачок или небольшие передвижные простые ловушки в виде сачка’, *сетнб* или *цннто*, *цин’отка* ‘мелкоячеистое полотно для рыболовных сетей’, *уклја* или *клија*, *оклја* ‘верховодка’ и др. Многие приведенные здесь слова до этого белорусскими источниками не отмечались.

Статья В. Л. Веренича и А. А. Кривицкого «Лексика городенских гончаров» (стр. 175—192) дает довольно подробное представление о терминологии (и самой технологии) гончарного производства с. Городная Столинского района — одного из древнейших центров этого народного промысла в Полесье. Важно, что в своем лингво-этнографическом описании авторы обильно используют цитаты транскрибированных записей народной речи. На наш взгляд, следовало бы подробно описать горн, который, по утверждению самих авторов, является довольно сложным сооружением (стр. 181), и уделить больше внимания специальной фразеологии. Совершенно отсутствуют названия керамических игрушек и декоративных изделий, которые, наверное, в каком-то ассортименте гончарами Городной все же изготавливаются.

Интересным этюдом по исторической и современной топонимии Полесья и смежных районов является статья В. А. Никонова «Две волны в топонимии Полесья» (стр. 193—205). Плодотворно применяя лингвогеографический и статистический методы, автор устанавливает два довольно четких и устойчивых ареала — ареал топонимов на *-ичи* (*-овичи*, *-иничи*) и ареал топонимов на *-овцы*, *-инцы*, граница между которыми проходит приблизительно по линии Львов — Ровно — Житомир — Киев. Среди других важны наблюдения В. А. Никонова над тем, что «массив названий на *-ичи* связывает Белоруссию с инославянскими территориями, но не с Россией и Украиной, где занимает только узкую полосу, граничную с Белоруссией и Польшей; массив названий на *-овцы*, *-инцы* связывает часть Украины с дунайским славянством, но не распространяется на остальную Украину, на Россию и Белоруссию (кроме единичных вкраплений)» (стр. 204), что «граница между *-ичи* и *-овцы* в украинском Полесье совпадает с границей между полесскими и подольскими говорами, с этнографической границей двух видов свитки» (там же), что приблизительно такое же размещение эти ареалы имели в XVI в. (стр. 202), что «обе рассматриваемые общности сложились в период, предшествующий оформлению украинской и белорусской народностей» (стр. 204) и др.

Говоря о совпадении и несовпадении диалектологических, этнографических и топонимических ареалов (или их отдельных участков), В. А. Никонов пишет:

«совпадение только иллюстрирует добывтое смежными науками, несовпадение — открывает неведомое» (стр. 204—205). Считаем, что это утверждение очень одностороннее. Ведь связанные между собой генетически явления очень часто имеют разные, далеко не совпадающие ареалы. Не редки также случаи, когда совпадение ареалов «открывает неведомое» и т. п. Единой формулы или рецепта здесь нет. Странной является позиция автора, когда он пишет, что в отношении рассматриваемой территории было бы неправомерно анализируемые топонимы приводить согласно современной украинской и белорусской орографии и что поэтому он их указывает... в русской транскрипции.

Важное значение для изучения одной из древнейшей группы лексики имеют «Материалы к словарю украинских географических appellativов (названия рельефов)» Т. А. Марусенко (стр. 206—255). Для составления «Материалов», охватывающих 1105 топографических названий и их вариантов, автор использовала 55 печатных источников — преимущественно словарей и часть (буквы А, Б) рукописного словаря закарпатских говоров Н. А. Грицака, а также новые данные, собранные анкетным методом в 191 населенном пункте Украины. Большое научное значение этого словаря не вызывает сомнений. Именно поэтому считаем необходимым высказать отдельные критические замечания и пожелания. «Материалам» недостает вводных замечаний, в которых были бы охарактеризованы принципы построения словаря такого типа: построение словарных статей, последовательность размещения полисемантических слов, подача фонетических и других вариантов и т. д. Насколько можно судить по «Материалам», такие вопросы автором вообще и не ставились. Серьезным недостатком «Материалов» является их неполнота. Используя большие словари (Б. Д. Гринченко, Е. Желеховского и др.) и ряд небольших работ и областных словарей, Т. А. Марусенко отказалась от таких специальных словарей, как «Словник геологічної термінології (проект)» П. А. Тутковского (Київ, 1923), «Начерк географичної термінології» С. Рудницкого⁶, «Географична термінологія, зложеня Природничюю Комісією Українського Товариства Шкільної освіти у Київі» (Київ, 1917). В словаре П. А. Тутковского, например, только на букву Б имеется более сорока топографических названий, которые отсутствуют у Т. А. Марусенко: *бавкун*, *багнина*, *багнище*, *багновище*, *багнячка*, *балта*, *бганка*, *береговина*, *бистря*, *болотнина*, *болотня*, *борзина*, *буківка* и др. Отсутствуют у Т. А. Марусенко и

многие appellativы, зафиксированные в использованных ею источниках, например, в словаре Б. Д. Гринченко (на буквы Б, В): *багонка*, *багрина*, *бистрик*, *бистриця*, *брід*, *ваннище*, *вершава*, *викрутень*, *виплив*, *виполоч*, *відміла*, *відпаръ*, *відпліс*, *вікнина*, *вікновина*, *водозібр*, *водомій*, *водоспад*, *водотеча*, *вузьмина* и др. Полезно было бы учесть материалы четырехтомного словаря М. Уманца и А. Спилки, академического русско-украинского словаря 1924—1933 гг., топонимических исследований З. Штибера (о Лемковщине), С. Стрижака и др.

В «Списке сокращений» Т. А. Марусенко допущены библиографические ошибки и неточности.

Важное значение для исследований по белорусской и польской исторической диалектологии представляют белорусские и польские тексты XVII—XX вв., писанные арабским письмом и известные под общим названием китабы. Филологическое описание 21 такой рукописи представляет собой статья А. К. Антоновича «Краткий обзор белорусских текстов, писанных арабским письмом» (стр. 256—299). Автор утверждает, что языки этих текстов очень близок к народно-разговорному, что в нем обнаруживаются многие диалектные особенности белорусских (преимущественно юго-западных) говоров. А. К. Антонович считает, что сравнительное изучение китабов «открывает возможность постановки и решении многих вопросов истории белорусского языка, например, проблемы отношения старого белорусского литературного языка к народно-разговорному языку, польско-белорусских языковых отношений и некоторых других», а также для решения многих вопросов исторической диалектологии белорусского языка (стр. 299). Полностью поддерживаем предложение автора о необходимости дальнейшего выявления новых и публикации известных рукописей.

В конце сборника дана «Хроника полесских экспедиций» (стр. 300—302), написанная Н. В. Никончуком.

Корректура книг проведена в целом удовлетворительно, однако, встречаются досадные опечатки, например, в сб. «Полесье»: *Lódź* (стр. 7, нужно *Lódź*), Кне́жа, Петровичи (стр. 201, нужно Кни́ежа, Петрович) и др. Следовало бы больше внимания обращать на правильность набора цитат, в частности польских, чешских.

Рассмотренные здесь сборники значительно обогащают сведения о полесских говорах и поэтому являются важным вкладом в славистику. Особенно важны эти сборники, прежде всего сборник «Полесье», для разработки теоретических проблем и частных методик изучения диалектной лексики. Следует надеяться, что они явятся стимулом к развертыванию диалектологических разысканий в Полесье.

И. А. Дзенделевский

⁶ См. «Збірник математично-природничо-лікарської секції наукового товариства ім. Шевченка», т. XII, Львів, 1908.

STANISŁAW KRZYKAŁA. Rady Delegatów na Lubelszczyźnie 1918—1920.
Lublin 1968, 282 s.

СТАНИСЛАВ КШИКАЛА. Советы делегатов на Люблинщине

Вопрос о создании в 1918 г. независимого польского государства продолжает интересовать как польских, так и советских историков. Этот интерес особенно возрос накануне пятидесятилетнего юбилея независимой Польши. Новейшие исследования выявили многие неизвестные факты и события в истории возникновения и организации государства. С. Кшикала уже давно обратился к проблематике, рассматриваемой в рецензируемой книге¹. Эта работа как бы завершает его многолетние исследования по истории Люблинщины в период первой мировой войны и в первые годы независимости. Автор, насколько это было возможно, использовал доступные материалы архивов Люблина и Варшавы. Особенно ценными оказались материалы Института истории партии при ЦК ПОРП в Варшаве. Архивные материалы автор дополнил воспоминаниями и рассказами бывших партийных и профсоюзных деятелей, членов Совета рабочих делегатов в Любlinie. Обстоятельно изучена пресса того времени. Все это обеспечило достаточную базу для освещения деятельности первого на польских землях Совета рабочих делегатов.

Во вступлении С. Кшикала рассмотрел литературу вопроса и источники. Нам кажется, что новейшая литература, особенно региональная, касающаяся начала рабочего и крестьянского движения в этом районе, крестьянских волнений в начале XX в., учтена здесь в незначительной степени. Главный тезис работы состоит в том, что «создание Советов делегатов положило начало новому периоду в истории борьбы за социальное и политическое освобождение трудящихся масс, представляло серьезную опасность для буржуазии, хотя еще это движение не являлось единой силой». Это утверждение убедительно обосновывается в последующих разделах книги. С одной стороны, автор показывает многостороннюю деятельность Совета в условиях раскола и слабости рабочего движения, с другой — замешательство имущих классов и их борьбу с Советом в

Люблине и в повятах по мере упрочения власти буржуазии.

В первом разделе «Любинщина в годы первой мировой войны» автор охарактеризовал социально-экономическое и политическое положение этого района Королевства Польского, обращая внимание на низкий уровень промышленного развития и слабость пролетариата. Здесь преобладала переработка сельскохозяйственного сырья на предприятиях, расположенных в Любlinie и поместичьих владениях. Это были относительно небольшие предприятия, рассеянные по территории всей губернии, что оказывало значительное влияние на организованность пролетариата Люблинщины. Рабочие партии, СДКППЛ и ПСС, сильные в период революции 1905 г., перед войной были разбиты и не проявляли большой активности. Автор показывает состояние сельского хозяйства, но, так же как и положение в промышленности, слишком общо, касаясь хронологически отдаленной проблематики, что представляется лишним. Ситуация же в период войны, оказывавшая непосредственное влияние на положение рабочих и крестьян, освещена недостаточно ярко. Более подробно рассмотрены политическая ситуация в городе и в деревне и попытки создания комитетов и организаций, боровшихся за независимость; говорится также о рабочих и крестьянских партиях (ПСЛ), акте 5 ноября 1916 г., выборах в городской совет в декабре того же года. Опущен, однако, вопрос о национальном составе населения Люблинщины, оказывавшем значительное влияние на формирование политических настроений в период войны, особенно во время брестских переговоров в 1918 г. Следует такженести поправку: в создании ПСЛ принимал участие не польский Народный союз (стр. 44), а Союз польского народа.

Второй раздел «Влияние революционных событий в России на борьбу трудящихся масс Люблинщины» посвящен анализу положения в этом районе в период с февраля 1917 г. по ноябрь 1918 г. Автор отмечает, что в связи с Февральской революцией уже 28 III 1917 г. в Любlinie состоялись антиавстроийские демонстрации. Усиливались радикальные настроения среди рабочих, что не могло не скаться на позиции ПСС, которая в Любlinie выдвинула лозунг борьбы за национальную независимость в связи с русской революцией. Детально освещены волнения происходившие в связи с победой Октябрьской революции, историческими декретами о земле и мире. На этом фоне показана деятельность СДКППЛ и ПСС-левиццы, которые из-за ошибочной концепции по

¹ Lubelska Rada Delegatów Robotniczych. Lublin, 1957; Stosunki społeczno-polityczne w Lublinie w latach 1864—1918. W: Dzieje Lublina. Próba syntez. T. I. Lublin, 1965, s. 301—320; Z dziejów Rady Delegatów Robotników folwarcznych Ziemi Lubelskiej. «Rocznik Lubelski», t. III. Lublin, 1960, s. 199—224; Echa Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej na Lubelszczyźnie. W: «Na wspólnej drodze. Materiały...». Red. I. Caban. Lublin, 1968, s. 7—26.

национальному вопросу не могли рассчитывать «на широкое распространение своего влияния среди рабочих и крестьянских масс» (стр. 68). Отсутствие единства в рабочем движении ограничивало возможности их деятельности, так как ППС, с одной стороны, и СДКПиЛ и ППС-левицы, с другой, взаимно бойкотировали проводимые ими мероприятия (стр. 72—73). Событием, в определенной мере мобилизовавшим рабочие массы на борьбу, явились брестские переговоры. Можно заметить, что автор обращается к этому вопросу не один раз (стр. 72, 75—77, 78). Кажется, что здесь недостаточно проанализированы национальные проблемы, связанные именно с договором начала февраля 1918 г., касающиеся Хелмщины. Автор правильно обратил внимание на то, что главными носителями революционных большевистских лозунгов были возвращающиеся из России рабочие и крестьяне (солдаты), перед этим эвакуированные из районов Королевства Польского. Люблинские интернационалисты, что особенно следует подчеркнуть, даже организовали «Люблинский комитет Польской большевистской партии». В изданном обращении говорилось, что «с востока, из свободной России распространяется новое веяние на всю Европу» (стр. 78). В этом же разделе показаны попытки имущих классов подавить революцию; понимая необходимость некоторых реформ, они стремились провести эти реформы «в соответствии с собственными интересами» (стр. 82). В Грубешовском повяте, например, летом 1918 г. была начата парцеляция некоторых помещичьих имений, что должно было парализовать агитацию за экспроприацию помещиков. Наконец, автор рассказывает о подготовке имущих классов к взятию власти и о создании руководящего центра. Решение об учреждении такого центра в Люблине было принято уже 2 XI 1918 г. на тайном совещании в Варшаве. В Люблин направляются деятели Польской военной организации, ППС и ПСЛ-«Вызволене», прибыл назначенный командующим вооруженными силами Э. Рыдз-Смиглы. 4 XI был организован Генеральный комиссариат Польского правительства, заменивший австрийскую власть. Начались приготовления к созданию полиции и жандармерии. Буржуазно-помещичьи силы были готовы к формированию своего правительства.

Что же делал в этот период рабочий класс Люблина и революционные партии? На этот вопрос автор отвечает в следующем разделе «Развитие идеи и организация Советов делегатов на Люблинщине до создания КРПП (ноябрь—декабрь 1918 г.)». Выборы делегатов в Люблинский Совет состоялись на промышленных предприятиях 4 XI 1918 г., а сам Совет, первый в стране, был организован в ночь с 5-го на 6-е ноября. В его Исполнительный коми-

тет вошло 7 деятелей: по 2 от СДКПиЛ и ППС-левицы и 3 из ППС. Первым актом новой власти было издание декрета о 8-часовом рабочем дне. Вся его деятельность проходила под лозунгом: «Вся власть — трудящимся». Автор доказывает, что поспешное создание так называемого народного правительства Дашинского в Люблине (7 XI) было вызвано организацией Совета рабочих делегатов. Он отмечает отрицательное отношение Совета и революционных партий к этому правительству. Кажется, однако, что тезис: «Борьба между ними (правительством Дашинского и Люблинским Советом.— А. К.) была борьбой за политическую власть в стране и от ее исхода зависело будущее устройство государства: социалистическое или капиталистическое» (стр. 112) — несколько преувеличивает реальные возможности, особенно если принять во внимание слабость рабочего движения в Любlinе и общее положение в городе. Весьма интересны соображения автора о политической системе Совета, в котором с самого начала ППС занимала позицию, отличную от позиции СДКПиЛ и ППС-левицы. Она имела также численное преимущество в Совете, которое с течением времени непрерывно уменьшалось.

В этом разделе дана характеристика деятельности Совета в области снабжения, ликвидации безработицы, сокращения рабочего дня, фабричного контроля (фабричные комитеты), улучшения жилищных условий (домовые комитеты), а также деятельности Народной милиции. Совет возглавил политическую и экономическую борьбу люблинского пролетариата. В разделе отмечено и его отношение к городскому самоуправлению (городскому совету, который был распущен 26 XI 1918 г.). Автор показывает зарождение Советов в деревне, главным образом среди рабочих фольварков (фольварочные комитеты), для которых Люблинский Совет делегатов 23 декабря утвердил Регламент. На основе этого Регламента затем создавались крестьянские Советы. С. Кшикала приходит к выводу, что в тот период Советы делегатов были органом власти и выразителем интересов пролетариата. В конце раздела говорится об организации солдатского Совета в Замостье и его роли в вооруженном восстании в конце декабря 1918 г., справедливо указывается, что восстание было «высшим пунктом развития вооруженной борьбы трудящихся масс на Люблинщине» (стр. 163).

Четвертый раздел посвящен деятельности Совета делегатов в период с января до апреля 1919 г. Автор подчеркивает, что усилилась активность Совета после образования КРПП (в Любlinе 28 XII 1918 г.). Руководящими деятелями партии были К. Келчевский, Я. Гутовский, Я. Экерт. Автор обращает внимание на то,

что идейная незрелость партии значительно затрудняла ее деятельность и влияние. Под влиянием коммунистов, отмечается в книге, «почти во всех фольварках на Люблинщине были организованы фольварочные комитеты» (стр. 175). Сельскохозяйственные рабочие начали брать управление имениями в свои руки: Советы стали выполнять функцию органов политической власти. Для координации их деятельности 2 февраля 1919 г. был создан Совет рабочих фольварочных делегатов Люблинского повята, который стал образцом для других повятов (Любартовского, Пулавского) или районов (Келецкого, Подлянского). Автор справедливо замечает, что участие руководящих деятелей ППС вгородском совете (проправительственном), например В. Уземблы, который был председателем Люблинского Совета рабочих делегатов и одновременно вице-президентом города, тормозило развитие Советов, что соответствовало политике этой партии. В этом разделе анализируются причины, ход и завершение большой крестьянской забастовки в марте 1919 г., которой фактически руководил Совет рабочих делегатов фольварков Люблинской земли и Люблинский Совет рабочих делегатов. Показана диверсионная деятельность ППС в Совете и ее стремление развалить Совет. На этом фоне рисуются межпартийные столкновения и попытки КРПП созвать Общепольский съезд Советов с целью выработки единой программы действия.

В последнем разделе работы детально охарактеризованы попытки ППС парализовать деятельность Советов и подчинить их правительству. В результате этого ППС теряла свое влияние в массах, происходила изоляция ее руководства. В таких условиях руководители партии начали открыто стремиться к развалу Советов. Прежде всего они выдвинули предложение о создании отдельных фабричных комитетов, крестьянских Советов, а затем члены ППС выпали из Люблинского Совета (17 мая 1919 г.). 20 мая был организован Совет из членов ППС. Так окончательно был развален Люблинский Совет рабочих депутатов. По всей стране это произошло 20 июня, когда Центральный фювет ППС принял решение о создании федеративных партийных Советов. Этому

категорически противилась КРПП, но ее усилия остались безрезультатными, главным образом, потому, что буржуазное правительство усилило репрессии против коммунистов. В заключительной части книги автор анализирует отнапление польских трудящихся масс к готовящейся войне с Советской Россией и деятельность Советов депутатов в 1920 г. в момент вступления Красной Армии на Люблинщину.

Работа С. Кшикалы раскрывает тесную связь событий на Люблинщине в этот период с революцией в России, показывает последовательность коммунистов, несмотря на определенную политическую и идеологическую их незрелость в реализации лозунга «Вся власть Советам», сложную революционную ситуацию в этом районе, как в городе, так и в деревне. Люблинщина предстает в ней как одна из наиболее активных частей Польши в борьбе за новые формы политической власти, против буржуазно-помещичьей эксплуатации. Книга хорошо иллюстрирована, содержит фотографии активных деятелей Люблинщины того периода, фотокопии листовок Совета делегатов и Коммунистической партии.

Работа С. Кшикалы, наряду с отмеченными достоинствами, не лишена ряда недостатков, которых можно было бы избежать. Прежде всего отсутствуют заключительные выводы, что создает впечатление незаконченности книги. Нет указателей географического и личных имен, это в значительной степени затрудняет чтение. Ощущается отсутствие списка Советов низшего уровня — повятовых, фольварочных, фабричных и сводных данных о них. Была бы полезной карта сельскохозяйственных забастовок, или, в целом, крестьянских выступлений. Встречаются искаженные географические названия, неверно даны некоторые фамилии, есть опечатки.

В целом, мы получили ценную работу, которая представила полную картину одного из наиболее революционных периодов истории Люблинщины. Она является дальнейшим шагом в исследовании формирования независимого польского государства после первой мировой войны.

Альбин Копруковски

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СЕРБИИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА

За последние годы в Югославии выпущен ряд интересных сборников документов по истории Сербии после Второго антитурецкого восстания (1815) и развития автономного Сербского княжества¹.

Эти публикации ввели в научный оборот весьма разнообразные материалы по социальному-экономической, политической и культурной истории (преимущественно за период 20—50-х годов XIX в., т. е. врем-

¹ А. Раденић. Светоандрејска скупштина. Београд, 1964; Р. Л. Веселинович. Грађа за историју Београда од 1806 до 1867, књ. I. Београд,

1965; Б. Перуничић. Чачак и Горњи Милановац 1815—1865. Чачак, 1968 и др.

мен правления Милоша Обреновича и так называемых уставобранителей), в том числе совершенно новые документы из фондов местных югославских архивов городов Чачак и Краљево, Музея города Белграда. Подобные публикации служат большим подспорьем в исследовании местной специфики, локальных отличий в тех общих тенденциях и процессах, которые уже установлены исторической наукой для всей Сербии в целом. Издание таких локальных публикаций тем более важно, что, к сожалению, множество источников по данному периоду погибло уже в XIX — начале XX в.

Интересна предыстория самого любопытного из названных сборников «Чачак и Горни Милановац в 1815—1865 гг.», подготовленного Б. Перуничичем и выпущенного Историческим архивом г. Чачак (1968).

Дело в том, что весь архивный фонд местных окружных властей (с 1830 г.) был сдан в переработку на бумажную фабрику, и поэтому Исторический архив города Чачак предпринял данное издание документов центральных учреждений Сербского княжества, относящихся к названным районам юго-западной и отчасти центральной части княжества, чтобы восполнить этот вопиющий пробел в источниковедческой базе исследований прошлого родного края. Отбор соответствующих документов и подготовка издания были произведены Б. Перуничичем.

Сборник открывается кратким предисловием издателя, характеризующего основные черты и этапы развития городов Чачак и Горни Милановац (первоначально последний назывался Брусница, затем Деспотовица) на протяжении первой и второй трети XIX в. (стр. 7—32). Публикуемые Перуничичем документы охватывают и весьма красочно иллюстрируют процессы развития и постепенного усиления возрождающегося Сербского государства, роста и экономического укрепления основных городских центров данного района, причем возрастает число документов, относящихся к середине XIX в. Так, архивные материалы первых лет после второго антитурецкого восстания (1815—1830) занимают здесь стр. 34—146; документы же 1830—1838 гг. — стр. 146—421. Источники, помещенные на стр. 421—678, освещают период правления уставобранителей. Завершают публикацию менее многочисленные (и, заметим, в общем менее интересные) материалы времен второго правления Милоша и Михаила Обреновичей (за 1859—1865 гг., стр. 679—788). Весьма полезным дополнением служат указатели иностранных слов (стр. 789—791), географических названий (стр. 793—800) и именной (стр. 801—804).

Даже такая, самая общая характеристика данного сборника позволяет представить, что в нем исследователи найдут бо-

гатейший и преимущественно не известный ранее материал о самых различных сторонах жизни в этих областях Сербского княжества после достижения автономии, во времена первого правления Милоша Обреновича и уставобранителей. Так, среди документов первого раздела сборника помещен ряд весьма важных по своему значению налоговых реестров 20-х и начала 30-х годов XIX в., содержащих ценные сведения о числе жителей (и даже о количестве припадлежащего им скота) Пожегской и Рудницкой нахий; писем самого Милоша Обреновича и подчиненных ему местных сербских управителей, посвященных самым различным вопросам (например, отношениям с турецкими властями, различным повинностям и поборам в пользу белградского визиря, феодальной ренте сербских крестьян в пользу турецких спахи и т. д.).

Между прочим, публикация материалов времен существования в автономной Сербии спахийского турецкого землевладения (1815—1830) заставляет с особой остротой поставить вновь вопрос о критериях, необходимых при анализе и использовании такого рода источников. В самом деле, существование спахийской системы и турецких властей позволяет усомниться в том, были ли вполне точны данные налоговых реестров (в особенностях о количестве скота и десятины с урожая), на основании которых историки оценивают уровень развития сельского хозяйства страны в тот период. Весьма показательно, что одни и те же налоговые реестры дают основания разным авторам делать заключения о богатстве Сербии скотом и о за jakiности крестьян² и, напротив, о малочисленности скота и бедности крестьян³. Таким образом, издание Б. Перуничичем новых источников такого рода может послужить поводом и основой для углубленного исследования историками проблемы экономического развития страны в 20-х — 30-х годах XIX в. и выработки при этом надлежащей методики и критериев в обращении с данным типом источников. В данной связи следует обратить внимание на то, что публикуемые здесь документы свидетельствуют о частом занижении крестьянами количества спахийской «десятиной» урожая, о «скрытии» ими истинных размеров подати, вследствие чего даже сербским властям (Милошу Обреновичу, его брату Йовану и т. д.) приходилось угрожать нарушителям за такую провинность (см., например, письмо Йована Обреновича, стр. 106). Вероятно, точно также обстояло дело и с теми цифрами «чибука» (подати со скота), которые сохранились от этих лет.

² Б. Перуничич ћ. Там же, стр. 18.

³ В. Стојанчевић. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966, стр. 168—170, 172.

Документы последующего периода (1830—1838), равно как и времен правления уставобранителей, пестрят чрезвычайно любопытными фактами и сведениями о перестройке аграрной системы в Сербии после ликвидации спахийского землевладения, данными о бывших турецких землях, перешедших в руки князя Милоша, о правительственные участках (сады, луга и пр.), об аренде их, о земельной собственности местных чиновников и «кулаке» крестьян в их пользу (в частности, в нахии Рудницкой, стр. 150—157) и др. Пожалуй, не менее важны и показательны помещенные далее и относящиеся к 40-м годам XIX в. списки правительственные земельные владений в Чачакском и Ужицком округах, которые содержат конкретные указания об их величине, расположении и, что самое важное, об их происхождении. Дело в том, что эти списки говорят нам о частых захватах земель крестьянских общин князем Милошем и о частичном возвращении их (после свержения Обреновичей) крестьянам. Однако эти документы отчетливо раскрывают и другую сторону: сохранение даже при уставобранителях некоторых крестьянских земель во власти правительства, которое сдавало их в аренду (см. например, стр. 484—506, 510—514, 520—523, 543—546, 598—600).

Этим сведениям по аграрной истории Сербии не уступают по своей значимости опубликованные Б. Перуничем архивные материалы о городах данных районов, прежде всего о городе Чачак, о числе жителей и их занятиях (в этом смысле очень полезны и ценные материалы описей городов Чачак и Горни Милановац, относящиеся к 1862 и 1863 гг., см. стр. 27, 706—729), о развитии городского ремесла и местных цехов и их отношениях с городскими торговцами (см. например, стр. 567, 657, 692, 737, 740, 752 и др.). Помещенные в сборнике рапорты местных властей о ярмарках, списки сельских и городских лавок ценные для изучения внутренней торговли Сербии в середине XIX в. и развития товарно-денежных отношений в Чачакском округе (см. например, стр. 653—655 и 658—659). Заслуживают особого внимания источники, которые, по нашему мнению, ранее почти не были изданы — это особый тип донесений местных властей сербскому правительству: отчеты округов о состоянии сельского хозяйства, об урожае культур и о видах на вывоз сельскохозяйственных продуктов (см. например, стр. 611—623, 642—643, 736). Несомненно, анализ этих документов имеет первостепенное значение для выяснения положения крестьянства в начале второй половины XIX в., для исследования определенных сдвигов и изменений в соотношении отдельных сельскохозяйственных культур и связи сербской деревни с рынком (здесь стоит особо

указать на отчет от 8 августа 1863 г., стр. 736).

Подчеркивая большое научное значение изданных Б. Перуничем исторических источников, мы должны в то же время отметить некоторые недостатки археографического порядка, встречающиеся в сборнике. В частности, хотелось бы знать, каковы были принципы и критерии при отборе издателем материалов из разных архивов и архивных фондов (не совсем ясно, как соотносится документальная база данной публикации и выпущенного в 1954 г. сборника документов Пожегской нахии за 1815—1839 гг.). Иногда в сборнике можно встретить и непонятные повторы документов (например, один и тот же документ напечатан дважды — под № 369 и № 371, стр. 740 и 742); ошибки в заголовках (на стр. 692, в заголовке документа № 354 указан Чачак, тогда как в тексте речь идет о ремесленниках Карапановаца), отсутствие необходимой мотивировки издателя для публикации какого-то источника. Так, например, на стр. 538—541 опубликовано анонимное стихотворение политического характера, датированное 30 января 1848 г., однако, издатель не дал здесь никаких примечаний или объяснений, почему он считает автора стихотворения уроженцем Чачака или Горни Милановаца (кстати, отсутствие такого рода примечаний или сокращений маловажных мест в документах — один из важных недостатков этой публикации). Не всегда даны необходимые пояснения (с указанием даты) и к материалам иллюстративного характера (в частности, к фотографиям Горни Милановаца, репродукциям оттисков цеховых печатей местных ремесленников и др.). Заметим, наконец, что явной путаницей и недоразумением (в данном случае — счастливым для исследователей) объясняется и помещение (на стр. 487—496) списка правительственные земель в Ужицком округе (вместо аналогичного документа из Чачакского округа), что впрочем лишь расширяет территориальные рамки сборника (с двух до трех округов княжества).

Отмеченные недостатки, разумеется, николько не снижают научной значимости и источниковедческой важности опубликованных Б. Перуничем документов, которые являются интересным дополнением другого изданного им сборника «Белградский суд в 1819—1839 гг.» Следует всячески приветствовать появление таких публикаций и пожелать не только продолжения их (за счет материалов конца XIX в.), но и включения в рамки такого рода изданий и других, еще не известных в науке документов по истории остальных округов и областей Сербии после освобождения от турецкого ига.

«*Krakow w powstaniu styczniowym*». Biblioteka Krakowska, № 113, Kraków, 1968, 493 s.

«Краков в январском восстании»

Марксистско-ленинская историческая наука много сделала для исследования национально-освободительного движения польского народа начала 60-х годов XIX в. Много ценных работ и сборников документов по различным аспектам этой проблемы вышло в связи со 100-летием восстания 1863 г. Однако вопрос о роли Галиции в этом восстании все еще недостаточно освещен в исторической литературе. Поэтому следует приветствовать вышедший в Кракове в 1968 г. сборник статей под общим названием «Краков в январском восстании».

В него вошли доклады, которые были прочитаны в январе — марте 1963 г. на научных сессиях Общества любителей истории и памятников старины Кракова (*Towarzystwa Miłośników Historii i Zabytków Krakowa*), посвященных 100-летию восстания. Авторы сборника — М. Тырович, О. Бейерсдорф, Е. Козловский, К. Ольшанский, Ю. Дужыка — на основании многих разносторонних источников (в том числе новых архивных материалов) освещают наиболее важные аспекты участия населения Кракова в восстании 1863 г., показывают общественно-политическую, организационную и военную деятельность группировок («красных» и «белых») в восстании 1863 г.

В рассматриваемых работах наиболее полно по сравнению с существующей литературой освещена роль Кракова в восстании, в ряде случаев дана новая оценка событиям этих лет. Достоинство книги заключается еще и том, что локальная тематика в ней тесно переплетена с общепольской.

Открывается сборник введением М. Тыровича, в котором содержится общая характеристика роли Кракова в восстании и историография вопроса. Здесь также опубликовано его исследование «Организация повстанческих властей в Кракове в 1863—1864 гг.» о возникновении, структуре и деятельности конспиративных организаций Кракова (Главного галицийского совета и его отделений, Гражданского комитета Западной Галиции, Провинциального совета Галиции, отдела Национального правительства в Галиции). Наряду с этим М. Тырович значительное внимание уделяет общественным организациям Кракова (молодежному «революционному клубу», Братскому ремесленному обществу, Комитету женщин и др.), расстановке классовых и политических сил в городе, борьбе между «красными» и «белыми». Достаточно полно освещены в статье связи и сотрудничество «красных» с Чехией, Словакией, Венгрией, Швейцарией и др. В то же время автор совсем не упоминает об украинском во-

просе в программах польских повстанческих организаций. Донесения австрийского конфидента, о котором вспоминает М. Тырович (стр. 29), интересны тем, что в них детально описывается заседание краковской Лавы (отдел Главного галицийского совета), повестка дня и т. д. Наряду с А. Липчинским в донесении фигурирует его брат И. Липчинский, ксёндз Г. Ксенжинский и другие. Уже 4 февраля 1863 г. директор краковской полиции Энглиц, будучи отлично осведомлен о деятельности краковской Лавы, сообщал наместнику Галиции гр. Менсдорффу о том, что в Кракове обнаружен Польский революционный комитет во главе с А. Липчинским¹.

В статье О. Бейерсдорфа «Революционные течения Кракова в период январского восстания» содержатся интересные факты о кружках учащейся и ремесленной молодежи, их революционной деятельности, манифестационном движении в городе. Особо следует подчеркнуть обстоятельную характеристику Братского ремесленного общества Кракова, которая основывается на архивных материалах.

О. Бейерсдорфу принадлежит также статья «Тайная краковская пресса в период январского восстания». Как известно, тайная польская пресса времен восстания 1863 г. исследована незначительно. Автор весьма детально охарактеризовал тайную прессу Кракова 1862—1864 гг., в частности газеты (в некоторых случаях они были похожи на листовки): «Bi cz», «Galicia», «Naprzód», «Wolność», «Przyjdź Królestwo Twoje», «Niepodległość», «Ojczuzna». Относительно газеты «Kronika», которая до сих пор в историографии нередко считалась тайной газетой, Бейерсдорф убедительно показывает, что она «издавалась легально в Кракове с июня 1863 г. по февраль 1864 г. (стр. 354—357). Статьи «Военные экспедиции из Кракова в 1863 г.» и «Отдел снаряжения и экспедиция краковского округа в 1863/64 гг.» написаны Е. Козловским. В первой автор рассматривает организацию повстанческих отрядов в Кракове, их снаряжение, пути перехода в Королевство Польское, битвы и стычки с царскими войсками. Много внимания уделено причинам поражения краковских отрядов. К статье приложена карта краковских военных экспедиций, вышедших из города в апреле — августе 1963 г.

Значительный интерес представляет и другая статья Е. Козловского, написанная на рукописных материалах Краков-

¹ Центральный государственный архив УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 6, д. 83, док. 182.

ской библиотеки Польской академии наук. В ней рассматривается деятельность Отдела снаряжения и экспедиции краковского округа на заключительном этапе восстания, с 1 ноября 1863 г. по 31 мая 1864 г. Статья насыщена многочисленными статистическими данными (16 таблиц!) о поступлении в распоряжение повстанческих властей Кракова, в частности Отдела снаряжения, вооружения и другого военного имущества, распределении его согласно заказам среди южных воеводств Королевства Польского и повстанческих отрядов, формировавшихся в Галиции. К сожалению, эти весьма ценные данные касаются лишь заключительного этапа восстания. Не удивительно, что автор на их основании лишь ставит под сомнение некоторые укоренившиеся в историографии взгляды «об огромном количестве вооружения, транспортируемого в Галицию и там скрываемого „врагами восстания“» (стр. 166), «об умышленном держании вооружения в Галиции» (стр. 167). Видимо, подобные выводы можно окончательно сделать при таком же добросовестном изучении военного снаряжения на всех этапах восстания 1863 г.

На основе скрупулезного изучения материалов газеты «Час» (*Czas*) и других источников К. Ольшанский написал объемную статью «Отношение краковского „Часа“ к январскому восстанию» (стр. 193—302). Автор делает вывод о том, что газета «Час» оказывала значительное влияние на общественную мысль не только в Галиции; она была наиболее известным источником информации о революционных событиях на польских землях для прессы зарубежных стран. Так как тайная пресса Кракова была сравнительно слабой

и немногочисленной (согласно данным Бейерсдорфа семь нелегальных газет Кракова насчитывали всего 29 номеров), легальная пресса приобретала важное значение в жизни края. «Час» откликался на все важные события, происходившие на польских землях, печатал материалы об отношении стран Западной Европы к восстанию 1863 г., помешал известия о русском революционном движении в России. При этом, однако, нельзя забывать, что «Час» прежде всего служил галицийской консервативной шляхте, классовые позиции которой он защищал. Об этом убедительно пишет К. Ольшанский. В то же время нельзя согласиться с утверждением автора, что львовская «Газета Народова» (*Gazeta Narodowa*) — орган «радикальной сферы» (стр. 199). Без всякого сомнения, «Газета Народова» была органом либеральной буржуазии. Статья Ю. Дужыка «Отклик январского восстания в литературе и искусстве Кракова» посвящена писателям, художникам и краковским издателям, которые немало сделали, чтобы закрепить в памяти потомков дела повстанцев 1863 г.

Достоинством книги выступает то, что в ней дана хроника наиболее важных событий в Кракове и его окрестностях в 1859—1865 гг. (составители О. Бейерсдорф и К. Ольшанский), библиография вопроса (И. Козловская), указатель имен и местности (К. Ольшанский).

Статьи сборника вносят много нового в изучение роли Галиции в восстании 1863 г. и послужат материалом для последующего изучения этой проблемы.

C. M. Трусеви *

РАБОТЫ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ ПО СЛАВЯСТИКЕ

В ГДР издан составленный Гейнцем Портом¹ библиографический указатель работ немецких ученых-славистов, опубликованных в 1946—1967 гг. В нем учтено около 5 тыс., книг, статей, рецензий, публикаций, рефератов, докторских исследований, журнальных статей по славянским языкам и методике их преподавания, по литературе и народному творчеству славян.

Указатель состоит из 8 основных разделов. В 1-й раздел входят общие библио-

графические справочники и издания, а также специальные библиографии по соответствующим дисциплинам. 2-й раздел состоит из 20 подразделов, в которых собраны работы, по каждому современному славянскому языку², его истории и методике преподавания. В 3-м разделе учтены работы по проблемам распространения славянских языков и славянских расселений. 4-й раздел, пожалуй, самый большой. Он посвящен славянским литературам. В нем 20 подразделов. Каждый включает работы общего характера, а также исследования творчества отдельного писателя или критика. В 5-м разделе представлены работы, в которых рассматриваются вопросы фольклора, этнографии и истории славян. В него входят 14 подразделов. 6-й раздел охватывает исто-

¹ «Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik 1946—1967». Zusammengestellt und bearbeitet von Heinz Pohrt. Akademie — Verlag. Berlin, 1968, XVI, 400 S. «Библиография славистических публикаций в Германской Демократической Республике (1946—1967)». Составил и обработал Г. Порт.

² Г. Порт относит к славянским языкам и прибалтийские.

рию славистики и германо-славянских культурных связей. И здесь выделены работы общего характера и персоналии. 7-й раздел составляют материалы, которые по своему содержанию не могут быть отнесены к какому-либо одному разделу. Наконец, 8-й раздел включает сведения о научных учреждениях, имеющих отношение к славистике. Материалы эти даны выборочно. В Библиографии Г. Порта имеются два именных указателя. В одном — систематизированы имена писателей, поэтов, деятелей культуры. В другом — учтены авторы статей, редакторы изданий и рецензенты.

В Библиографии широко представлен материал, характеризующий работу немецких славистов, возрастающий размах ее в ГДР. Во вступлении д-р Х. Х. Бильфельдт отметил, что настоящий сборник значительно обширнее материалов, которые представляли его страна V Международному съезду славистов в 1963 г. В настоящее издание вошло 3500 новых названий, свидетельствующих не только о широком развитии славистики в ГДР, но и о формировании новых точек зрения на ряд научных проблем.

По нашему мнению, справочник Г. Порта окажет заметную помощь советским литературоведам, которые занимаются историей русской литературы XIX в., главным образом выясняя ее влияние на творчество зарубежных писателей, а также исследуют ее восприятие читателями в переводах. Материалы Библиографии помогают, например, шире представить те аспекты немецкой идеалистической философии 20—30-х годов XIX в., которыми примерно в то же время интересовалось русское общество, от «кружка любомудров» до В. Г. Белинского.

Советским литературоведам представляется возможность проследить, как происходит сегодня знакомство немецких трудящихся с русскими классиками. Возьмем для примера 1949 г. — это год образования Германской Демократической Республики и 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. В том памятном году вышла небольшая библиография Е. Шрейбера (Schreiber E.), сообщавшая читателям, где и ком были опубликованы переводы произведений А. С. Пушкина, а также заметки о нем, начиная с 1945 г. В 1949 г. увидело свет 8 статей и сообщений о великом русском поэте и среди них статья Вильли Бределя «Пушкин и Гете». Ниже в сборнике учтено 39 работ о Пушкине, в том числе несколько библиографических. Столы же значительны материалы о Л. Н. Толстом. Их общее количество превышает 50 наименований. Большая их часть относится к 1960 г., когда все прогрессивное человечество отмечало 50-летие со дня смерти Л. Н. Толстого. Немецкие слависты не только занимаются проблемами перевода произведений писателя, но и исследуют восприятие его наследия в свете ленинских суждений о Льве Толстом (см. № 2601, 2625 и др.). Когда в 1964 г. Советский Союз отмечал 150-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова, то в ГДР к тому времени было опубликовано значительное число исследований о его творчестве.

Можно не сомневаться, что библиографический указатель Г. Порта займет достойное место во всех библиотеках наших гуманитарных вузов и университетов, станет добрым помощником многих славистов мира.

Д. Белкин

О ГАЛИНЕ ГУРСКОЙ ТЩАТЕЛЬНО И С ЛЮБОВЬЮ

Старожилы Львова, наверное, хорошо помнят худенькую женщину небольшого роста с густыми черными волосами, грустным взглядом и сдержанной улыбкой, всегда одетую в черное. Всем своим видом — и темной одеждой, которая так отличалась от эффектных цветных туалетов львовских модниц, и благородно задумчивым выражением лица — она очень напоминала школьную учительницу из западноукраинского села. Многие, должно быть, помнят ее сильный взволнованный голос, который раздавался по Львовскому радио в 30-е годы, в тогда еще порабощенной Западной Украине, призываая граждан оказывать помощь бедным, бездомным и беспризорным детям города Львова. Разве можно забыть Галину Гурскую, с ее бесконечно добрым, гуманным сердцем, пламенным словом темпераментным характером революционера. А те, кто не имел счастья встретить Галину Гурс-

скую и слышать ее голос, могут познакомиться с ней как писательницей и общественной деятельницей из книги нашего современника, польского литератора Юзефа Рулавского «Галина Гурская», вышедшей недавно в Варшаве, в известной серии «Профили»¹.

В первой главе своего исследования, озаглавленной «Дебют», критик знакомит нас с биографией писательницы. Во второй главе — «Над черной водой жизни» он рассказывает о ее первых литературных опытах, раскрывает специфику ее книг «Над черной водой» и «О князе Готриде», их романтическое своеобразие, в котором сливаются элементы чисто сказочной концепции человека и реалистического психологизма. Автор использовал весьма значительный материал, не

¹ J. R u l a w s k i. Halina Górska. Warszawa, 1968, 220 s.

только выпущенные в свет произведения Г. Гурской, но и часть ее еще мало известного литературного наследия.

В третьей главе «Братство — остров в темном царстве» говорится о том, как Г. Гурская и ее единомышленники, прогрессивные студенты и безработные интеллигенты — так называемые «бленкитные» (голубые) — организовали во Львове приют для бездомных детей (на ул. Пекарской, № 3). По инициативе писательницы дети — продавцы газет построили на окраине Львова деревянный барак, который должен был стать для них общим домом, началом совместной жизни. Однако, как справедливо отметил Ю. Руравский, это не могло быть решением социальной проблемы, обусловленной самим эксплуататорским строем. И благородный замысел очень скоро потерпел крушение — сгорел барак, подожженный самими юными строителями. Не могли улучшить положение безработных родителей и голодных детей и пожертвования львовия, которые Гурская вместе с украинским рабочим Василием Билусом носила в нищеские лачуги и подвалы — нищета была такая, что эта помощь не могла накормить всех голодных. И Гурская, поняв причину своих неудач, которые она практически переживала, решила бороться за благородное дело первом.

Значительным произведением этого периода критик считает повесть «Ребята с городских улиц». Это — яркий пример литературы факта, репортаж о тяжелой доле обездоленных, беспризорных детей, сирот, так называемых «газетчиков» (уличных продавцов газет). В книге поставлена проблема воспитания человека, развития заложенных в нем добрых начал. Критик рассматривает это произведение на фоне демократического течения польской детской литературы и убедительно показывает заслуги Гурской в развитии этого жанра по пути к новой высшей ступени идейного и эстетического совершенства.

Рассматривая в главах «В перспективе „Вторых ворот“», «Тупик филантропии», «Бегство из тупика» — другие повести, а также отдельные рассказы и публицистические статьи Г. Гурской, Ю. Руравский отмечает, и справедливо, что некоторые из них почти полностью свободны от литературного вымысла и отражают не прикрашенную действительность, а такую, каковая она есть. Здесь нет фабулы, основанной на выдуманной интриге, дело сводится к биографическому повествованию, которое благодаря естественному ходу событий и описанию действительных отношений между людьми создает впечатление жизненной правды. Сравнивая произведения Г. Гурской с «бытовой повестью» представителей группы «Предместье», Ю. Руравский отмечает, что Гурская выступает в описываемых ею сценах быта как живой свидетель, принимающий не-

посредственное участие в том, что он видит, не скрывая своего отношения к людям и их поступкам.

Мать ходит побираться с чужими детьми, отец замучил слепого мальчика, четырнадцатилетний подросток издевается над матерью-служанкой. Жизнь безработных в семи подваловых конурах на ул. Декерта во Львове — очаг социальной болезни. Нельзя равнодушно читать повесть «Слезные тропы» — о подвалах, куда не заглядывала солнце, о детях, которые не каждый день видели кусок хлеба, о малолетних и несовершеннолетних преступниках.

В главе «Одипокие заблудившиеся люди» автор уделил большое внимание общественно-политической деятельности писательницы, ее роли в организации львовского Антифашистского конгресса в защиту культуры. Однако он далеко не полно осветил ее сотрудничество с некоторыми западноукраинскими пролетарскими писателями. Важное значение для объяснения характера этого сотрудничества имеют недавно обнаруженные нами во львовском архиве документы. Они свидетельствуют не только о тесных контактах Гурской с украинскими писателями и общественными деятелями, но также, что очень важно для определения ее эстетических идеалов, о ее коммунистических симпатиях. До сих пор биографы Гурской, прежде всего ее единомышленники и друзья (К. Курылук, Г. Богушевская), упоминали только об одном полицейском обыске на ее квартире, произведенном в связи с конфискацией журнала «Сыгналь» (1936, № 29), поместившего статью писательницы «Учителяница жизни» (Стефания Семполowskaya). Добавим, что редакция журнала помещалась на квартире Гурской на улице Якуба Стшеме (теперь Менделеева, 8). Из архивных материалов Львовского окружного суда следует, что были произведены три обыска. Один из них, более подробный, был специально организован львовской полицией 3 ноября 1936 г. по указанию Министерства внутренних дел. Мотивируя необходимость проверки, польская полиция составила характеристику, из которой видно, что Гурская была членом Лиги защиты прав человека и гражданина и находилась в близком контакте с украинскими писателями-коммунистами Ярославом и Иваном Галаном, Кузьмой Пелехатым. Все трое, подчеркивалось в характеристике, а также польский деятель Александр Вайнтрауб, псевдоним «Дан» (впоследствии расстрелянный гитлеровцами), оказали на Гурскую большое идеологическое влияние. Во время обыска полиция нашла на квартире Гурской анонимную рукопись (12 стр.) на польском языке, без заглавия. Неизвестный автор очень точно и основательно разъяснял происходившую в Польше фашизацию политической жизни, про-

никновение шовинистических тенденций в искусство и литературу, тяжелое положение рабочих и крестьян, угнетение национальных меньшинств. Большая осведомленность в состоянии национального вопроса и в событиях героической борьбы украинских крестьян Львовщины и Волыни дает основание думать, что автором этого документа мог быть кто-нибудь из руководящего состава компартии Западной Украины.

К упомянутым документам в следственном деле Гурской подходит протокол допроса (4 стр.), из которого видно, что автор статьи «Писатель и массы» призналась в сотрудничестве с левыми украинскими писателями и подтвердила свое участие в организации Антифашистского конгресса во Львове в защиту культуры (1936 г.).

В последней главе «Окончание», рассматриваются годы жизни и творчества Гурской в советском Львове (1939—1941 гг.), но в сравнении с предыдущими главами этот период охарактеризован несколько бегло и неполно. По-видимому, автор не имел в своем распоряжении всех необходимых материалов, особенно периодических, находящихся в советских архивах и библиотеках. Просматривая советскую прессу за упомянутый период (1939—1941 гг.), мы видим, что Гурская была в это время в самой гуще общественной жизни и принимала деятельное участие во многих важных культурных мероприятиях. Ее систематически избирали в общественные комиссии, президиумы собраний и т. п. Она пользовалась полным доверием простых людей — была избрана депутатом в Народное собрание, которое проголосовало за воссоединение западноукраинских земель с советской Украиной.

Писательница систематически выступала на страницах областных газет «Червоны Штандар», «Вильна Украина» и особенно в журнале «Нове Видпокренги». Она сберегла от забвения имена рядовых борцов, которые пожертвовали жизнью для осуществления великой пролетарской идеи полного освобождения человека и сошли неизвестными в могилу или были опорочены буржуазной прессой («Воспоминания об Юзефе Похвале», ж. «Нове Видпокренги», 1941, № 4). Интересны воспоминания Гурской о событиях, имевших место в мае 1936 г. (в газете «Червоны Штандар», 1941, № 101), о кровавом четверге во Львове в апреле 1936 г. (рассказ «Сестра Юзка Хиччыка» в журнале «Нове Видпокренги», 1941, № 5). Писательница часто обращалась к украинской

тематике, описывая быт и борьбу украинских крестьян и рабочих лесопильных заводов Тухольщины («Коростивские разговоры» в журнале «Литература и мистецтво», 1941, № 3). Кстати сказать, землю Тухольщины прекрасно изобразил Иван Франко в своей повести «Захар Беркут». В 1941 г. Гурская выпустила отдельной книгой отличный перевод романа «Мать» М. Горького и напечатала в журнале «Нове Видпокренги» (1941, № 3) отрывки из «Дневника» Т. Шевченко.

Последней статьей, напечатанной Гурской, которую нам удалось обнаружить, является возвзание к советскому народу во львовской газете «Червоны Штандар» от 27 июня 1941 г., по случаю нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. В этом пламенном антифашистском возвзвании писательница указывала на то, что развязанная гитлеровцами война обернется против них самих и станет прежде всеговойной против нацизма, против угнетателей, палачей, убийц и что эта война потребует многих человеческих жертв.

Лучшие рассказы и статьи Гурской, написанные в этот период, переводились на русский язык. Так, например, в журнале «30 дней» были напечатаны рассказы «Доктор, который лечит деревья» (1940, № 3—4) и «Цыган» (1940, № 7—8).

В заключение отметим, что певизия на отдельные неточности (например, датой избрания Гурской депутатом в Народное собрание Западной Украины ошибочно указан 1940 г. вместо 1939) и на некоторые незначительные пробелы, рассмотренный нами труд заслуживает весьма высокой оценки. Ю. Руравский сумел выполнить поставленную перед собой задачу — дать первое монографическое освещение творчества и общественной деятельности Галины Гурской на основе уже известного, а частично и новооткрытого им наследия писательницы.

Уместно будет добавить, что Юзеф Руравский был составителем первой книги избранных произведений писательницы «Мы одиночки, заблудившиеся люди»², выпущенной в издательстве «Читательнику» одновременно с рассмотренной нами монографией. Эта книга является ценным источником для знакомства с творческим наследием выдающейсяпольской писательницы-гуманистки.

² H. G 6 r s k a. My samotni, zblakani ludzie... Warszawa, 1967, 252 s.

БИБЛИОГРАФИЯ

**ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1969 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Болгаро-венгерский договор (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в Софии 10 июля 1969 г.). «Правда», 1969, 11 июля.

Гаврилов В., Тополов П. Социалистические страны Европы. (Политико-экономический обзор стран—членов СЭВ). Коммунист Вооруж. Сил, 1969, № 12.

Гусак Г. Выступление (по радио и телевидению 1 мая 1969 г.). «Правда», 1969, 2 мая.

Гусак Г. Слово к советским друзьям. (В связи с Днем победы). «Правда», 1969, 9 мая.

Дудинский И. В. Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма. «Вопросы истории», 1969, № 5.

Инициатива Польши. (О предложении В. Гомулки заключить межгосударственной договор с ФРГ об окончательном признании границы по Одре и Нисе, содержащемся в выступлении перед избирателями 17 мая в Варшаве). «Новое время», 1969, № 22.

Крюков П. Провалы «новой восточной политики» Бонна. Междунар. жизнь, 1969, № 7.

Поездка делегации Верховного Совета СССР в Народную Республику Болгарию (21—28 мая 1969 г.). «Ведомости Верховного Совета СССР», 1969, № 23.

Рахманин Ю. Безопасность Европы. Задачи и перспективы. (В связи с обращением участников Будапештского совещания Политического консультативного комитета стран Варшавского договора к европейским государствам 17 марта 1969 г.). Междунар. жизнь, 1969, № 6.

Свобода Л. У Чехословакии и СССР общая судьба. (Выступление по московскому телевидению 9 мая 1969 г. в связи с 24-й годовщиной освобождения Чехословакии). «Правда», 1969, 10 мая.

Шмидтель Н. Н. Мировая система социализма и развивающиеся страны. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1969, № 3.

Штругога Л. Будем верны заветам Ленина. (Доклад на торжественном заседании в Праге, посвященное 99-й годовщине со дня рождения Ленина). «Правда», 1969, 24 апреля.

Международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве 5—17 VI 1969

Коммюнике об открытии Международного совещания коммунистических и рабочих партий. «Правда», 1969, 6 июня.

Коммюнике о Международном совещании коммунистических и рабочих партий. «Правда», 1969, 18 июня.

Брежнев Л. И. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. Выступление главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС т. Л. И. Брежнева. «Правда», 1969, 8 июня.

Гомулик В. Выступление товарища В. Гомулки (Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии). «Правда», 1969, 9 июня.

Гусак Г. Выступление товарища Г. Гусака (Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии). «Правда», 1969, 13 июня.

Жиков Т. Выступление товарища Т. Жикова (Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии). «Правда», 1969, 12 июня.

Кадар Я. Выступление Я. Кадара (Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии). «Правда», 1969, 12 июня.

Ульбрихт В. Выступление товарища В. Ульбрихта (Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии). «Правда», 1969, 11 июня.

Чаушеску Н. Выступление товарища Н. Чаушеску (Генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии). «Правда», 1969, 11 июня.

Воззвание в защиту мира. Принято Международным совещанием коммунистических и рабочих партий 16 июня 1969 г. «Правда», 1969, 17 июня.

Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. Основной документ, принятый Международным совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г. «Правда», 1969, 18 июня.

О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Обращение Международного совещания коммунистических и рабочих партий. «Правда», 1969, 19 июня.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Баутина Н. В. Эквивалентность и взаимовыгодность во внешнеэкономи

ческих отношениях социалистических стран. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1969, № 3.

Бергман И., Голубева Л. Международная стандартизация — важное звено экономического сотрудничества (социалистических стран). Внешн. торговля, 1969, № 7.

Быков А. Во имя укрепления сотрудничества братских стран. (Опроходившей в Москве в апреле 1969 г. 23-й спец. сессии СЭВ). Коммунист Вооруж. сил, 1969, № 11.

Войнич Д. Политика капиталовложений и система расширенного воспроизводства. (Перепечатано из газеты «Борба», 1967, 25—26 ноября). Экон. реформы в соц. странах Европы, 1968, вып. 5.

Гаврилов В. Совершенствование форм и методов развития международной специализации производства. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1969, № 6.

Горизонтов Б. Транспорт и его роль в экономическом сотрудничестве стран социализма. «Вопросы экономики», 1969, № 5.

Городицкий Б. Польская юбилейная. (Об экономических успехах ПНР за 25 лет. К открытию польской промышленной выставки в Москве в июне 1969 г.). Экон. газета, 1969, № 26.

Дашевская Д. Процентная и депозитная политика в европейских социалистических странах. «Деньги и кредит», 1969, № 5.

25-е заседание Постоянной комиссии СЭВ по строительству. (Бухарест, 10—18 мая 1969 г.). Экон. газета, 1969, № 22.

Другой Р. Рыночный механизм и система цен. (Перепечатано из газеты «Борба», 1967, 2 декабря). Экон. реформы в соц. странах Европы, 1968, вып. 5.

Дякин Б. СЭВ: специализация машиностроения. Междунар. жизнь, 1969, № 6.

За круглым столом «ПМС». Что дал социализм крестьянству. Говорят кооперированные крестьяне Болгарии. (О встрече сотрудников редакции журнала с представителями 14-ти ТКЗХ). «Проблемы миграции и социализма», Прага, 1969, № 6.

Карпич Б. Важная веха в сотрудничестве стран СЭВ. (О XXIII спец. сессии СЭВ, состоявшейся в апреле 1969 г.). Междунар. жизнь, 1969, № 6.

Комиссаров А. СССР — Польша: расширяются торгово-экономические связи. Внешн. торговля, 1969, № 7.

Коммюнике о 23 специальной сессии Совета Экономической Взаимопомощи (Москва, 23—26 апреля 1969 г.). «Правда», 1969, 27 апреля.

Корников Ю. Научно-техническая кооперація стран СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 5.

Лесечко М. Новый этап сотрудничества (СЭВ). «Правда», 1969, 21 июня.

Мельцер Б. А. Виды кооперативов жилищного строительства в Польской Народной Республике. «Вопросы государства и права», Минск, 1969, вып. 1.

Мордасов В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии сельского хозяйства. Экономика сел. хоз-ва, 1969, № 5.

Новак М. Распределение дохода на предприятиях. (Перепечатано из газеты «Борба», 1967, 9 декабря). Экон. реформы в соц. странах Европы, 1968, вып. 5.

Первое совещание министерств внутренней торговли социалистических стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. (Будапешт, 18—21 февраля 1969 г.). Сов. торговля, 1969, № 5.

Песчаний Д. Г. О сотрудничестве Советского Союза и Народной Республики Болгария в создании материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Болгарии (1948—1958). Науч. труды Красноярск. гос. пед. ин-та, 1969, вып. 103.

Плановое хозяйство развивается. (Беседа с руководителями плановых органов Болгарии, Венгрии и ГДР). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 5.

Попов И. Научно-техническая информация в странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 5.

Развитие народного хозяйства стран — членов СЭВ в 1968 г. Статьи из центральных газет соц. стран Европы. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1969, № 6.

Рагильдин З. Формы оплаты труда и премирования в сельском хозяйстве социалистических стран Европы. Новости с.-х. науки и практики, 1969, № 5.

Савостьянов В. Экономический эффект от специализации в машиностроении социалистических стран. Внешн. торговля, 1969, № 7.

Сироткович И. Условия для более быстрого роста производства и потребления есть. (Перепечатано из газеты «Борба», 1967, 23—24 ноября). Экон. реформы в соц. странах Европы, 1968, вып. 5.

Скородумова А. Структура советско-чехословацкой торговли. «Новое время», 1969, № 22.

Страженцов Д. Суда сходят со стапелей. (О польском судоэкспорте). Экон. газета, 1969, № 27.

Таджер В. Правові проблеми управління промисловістю у Народній Республіці Болгарії. Рад. право., 1969, № 5.

Фролов Л. Новые рубежи братского сотрудничества стран СЭВ. Внешн. торговля, 1969, № 7.

Цветков В. Восьмое заседание Постоянной рабочей группы по механизации учета и статистики постоянной комиссии СЭВ по статистике. (Москва, 25—28 февр. 1969 г.) «Вестник статистики», 1969, № 5.

Ширяев Ю. Проблемы совершенствования экономического механизма сов-

трудничества социалистических стран на современном этапе. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1969, № 6.

Шульга З. Об экономических потребностях при социализме. «Коммунист Украины», 1969, № 5.

Щекановцев Л. Ярмарка в Брно (май 1969 г.). Экон. газета, 1969, № 24.

Экономика стран социализма в 1968 г. Цифры и факты. Полит. самообразование, 1969, № 6.

Якуненко К. Особенности организации государственного бюджета и финансового контроля в Народной Республике Болгарии. Экономика Сов. Украины, 1969, № 5.

3. Партийная жизнь

Иванов М. Славный авангард болгарского народа (К 50-летию основания Болгарской компартии). «Коммунист Молдавии», 1969, № 5.

Майский пленум ЦК КПЧ «Новое время», 1969, № 23.

На пленуме ЦК КП Словакии (Братислава, 4 мая 1969 г.) «Правда», 1969, 6 мая.

Общегосударственное совещание в Праге (первых секретарей областных и районных комитетов КПЧ и председателей областных и районных комитетов). «Правда», 1969, 29 июня.

Сидоров К. Юбилей болгарских коммунистов (К 50-летию образования БКП и 25-летию соц. революции в Болгарии). «Коммунист Белоруссии», 1969, № 5.

Сохань П. С. Болгарська комуністична партія і Комінтерн. (До 50-річчя БКП). Укр. іст. журн., 1969, № 5.

4. Государственное строительство и право

Выборы в Польше (в Сейм и народные советы. 1 июня 1969 г.). «Новое время», 1969, № 23.

Дынер М. Годы славных свершений. (К 25-летию соц. Польши). Экон. газета, 1969, № 22.

Маринова Ц. Новые формы обслуживания пенсионеров и инвалидов в Болгарии. Соц. обеспечение, 1969, № 7.

Матвеева Е. Е. Достижения социалистического здравоохранения в ЧССР. Здравоохранение Рос. Федерации, 1969, № 5.

Ремес Е. Судьба Гданьска. (О восстановлении города после войны). «Наука и техника», Рига, 1969, № 5.

Спасов Б. Основные тенденции в совершенствовании системы государственных органов НРБ. Сов. гос-во и право, 1969, № 6.

Шечченко Э. 25 лет народной Польши. Междунар. жизнь, 1969, № 7.

Шпрингер М. Четверть века Народной Польши. (О роли народных советов в соц. стр-ве Польши). «Советы депутатов трудящихся», 1969, № 7.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Андреев Л. Я. Боротьба против интервенції білополякі в 1920 року в радянській історіографії 20-х — початку 30-х років. «Питання історії народів СРСР», Харків, 1968, вип. 7.

Артиков М. З історії участі зарубіжних інтернаціоналістів у боротьбі за Радянську владу в Самарканді. «Питання нової та новітньої історії», 1969, вип. 8.

Барятович М. Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косово и Метохии (Южная Сербия). Сов. этнография, 1969, № 3.

Волчев В. До політики польського емігрантського уряду в Лондоні в українському питанні. Укр. іст. журн., 1969, № 6.

Гановский С. Распространение марксистской философии и ленинский этап ее развития в Болгарии. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1969, № 3.

Гофман И. А. Сторінки з історії польсько-німецьких зв'язків (VIII—XIX вв.). Укр. іст. журн., 1969, № 5.

Демяненко Л. П. М. О. Скрипник у Львові. (Из истории культурных связей между Советской и Западной Украиной). Укр. іст. журн., 1969, № 5.

Кізченко А. Ф. Як була ліквідована так звана «друга» Чехословацька республіка (жовтень 1938 р.—15 березня 1939 р.). «Питання нової та новітньої історії», 1969, вип. 8.

Ковбас Ж. Н. Чешские издания в России и на Украине до Великой Октябрьской социалистической революции. (Обзор книг и периодики, издававшейся чехами, жившими в России в конце XIX — начале XX в.). Издат. дело: Книговедение, 1969, № 16—17.

Куян М. В. Деякі питання з історії боротьби народів Югославії проти німецьких загарбників в радянській літературі (1941—1945 рр.). «Питання нової та новітньої історії», 1969, вип. 8.

Мишко Д. Г. 600 років від дня народження Яна Гуса. Укр. іст. журн., 1968, № 6.

Наливайко Г. Как действовала КПЗБ (1923—1938 гг.). «Коммунист Белоруссии», 1969, № 5.

Недорезов А. Сквозь призму десятилетий. (Из истории внешне-политических отношений между Чехословакией и Советским Союзом до 1918 г.). «Новое время», 1969, № 24.

Немировский Е. Л. Легендарная дата начала славянского книгопечата-

ния. Издат. дело. Книговедение, 1969, № 2.

Павлов О. К истории советско-чехословацких отношений. (В связи с 35-летием установления дипломатических отношений). Междунар. жизнь, 1969, № 7.

Ракевич Н. Вдохновитель и организатор масс. (О роли коммунистической печати в мобилизации трудящихся Западной Белоруссии на борьбу за национальное освобождение в 1923—1938 гг.). «Коммунист Белоруссии», 1969, № 5.

Садовский Ш. Заветы, воплощенные в жизнь. (В связи с провозглашением 16 июня 1919 г. Словацкой Советской Республики). «Правда», 1969, 16 июня.

Семенов В. Первые советы в Словакии. (К 50-летию провозглашения Словацкой Советской Республики). «Новое время», 1969, № 25.

Тесленко М. П., Кріль О. П. Відзначення ювілею КПЗУ (О научной сессии и семинаре, посвященных 50-летию КПЗУ, проходивших во Львове в феврале 1969 г.) Укр. іст. журн., 1969, № 5.

Черній А. І. Революційні перетворення в болгарському сільському господарстві в перші роки соціалістичного будівництва (1944—1947 рр.). Питання нової та новітньої історії, 1969, вип. 8.

2. Культура и наука

Аристова Л. 100-летие со дня рождения Н. К. Крупской в Польской Народной Республике. Сов. педагогика, 1969, № 5.

Бернацкая М. М. Библиография в Польше. 1944—1967 гг. (Обзор). Сов. библиография, 1968, № 4.

Брагинский И. С. Памяти Яна Рыпки (1886—1968). «Народы Азии и Африки», 1969, № 1.

Буторина Е. Болгарские живописцы. (О выставке работ болгарских художников в Москве). «Творчество», 1969, № 6.

В. М. Вроцлавский «Каламбур» в «Нашем доме». (О вроцлавском студенческом театре в связи с его гастролями в Москве). «Театр», 1969, № 5.

Давыдов Л. Г. О польских музеях техники. «Из истории энергетики, электротехники и связей», М., 1966, вып. 1.

Залевская А. В польской деревне. (О книжной торговле). Кн. торговля, 1969, № 6.

Ильин М. Триеннале украшений. (Об участии чешских художников во второй Международной выставке бижутерии в Яблонце в 1968 г.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 6.

Митин М. Б. О так называемых «новых вариантах» марксизма. (Критика тезисов П. Вранцикого на XIV Международном философском конгрессе в Вене в сентябре 1968 г.). Иностр. лит., 1969, № 3.

Михайлowska E. Поиск. (О творческих исследованиях в болгарской кинематографии). «Искусство кино», 1969, № 6.

Петков Н. Советско-болгарские культурные связи. «Новое время», 1969, № 26.

Печать — на службу социализма. (О собрании актива журналистов-коммунистов, созванном Президиумом ЦК КПЧ 2 июля 1969 г. в Праге. Дается изложение выступления Г. Гусака). «Правда», 1969, 4 июля.

Приходько В. Стихи Анны Каменской (польской детской поэтессы). Детская литература, 1969, № 7.

Романович И. На сцене — геройка. (О фестивале болгарской драмы). «Театр», 1969, № 6.

Ростокий Б. Новый этап. (В связи с фестивалем болгарской драмы в СССР в 1969 г.). «Театр», 1969, № 6.

Сапега И. Пластический мир Любомира Далечева. (О творчестве современного болгарского скульптора). «Искусство», 1969, № 5.

Сегеди И. Актерские удачи фестиваля (болгарской драмы. СССР, 1969 г.). «Театр», 1969, № 6.

Соболев Р. «Сержант Калень». (О фильме польских режиссеров Е. и Ч. Петельских). «Искусство кино», 1969, № 5.

Спектакли фестиваля (болгарской драмы. СССР, 1969 г.). «Театр», 1969, № 6.

Стоянов С. Проблемы режиссуры. «Театр», 1969, № 6.

Страдынь Я. П. Сотрудничество с точки зрения истории. (О научных связях Латвии с Польшей с XIX в. до наших дней). «Наука и техника», Рига, 1969, № 5.

Тема всегда актуальная. (О работе IV пленума Комитета по искусству и культуре НРБ). «Искусство кино», 1969, № 5.

Шагалова А. Октябрь в жизни Л. Стоянова. Научн. труды ф-та Кирг. гос. ун-та, 1969, вып. 15.

Щепанский Я. Марксистская социология в мировом социологическом движении. «Вопросы философии», 1969, № 6.

3. Языкоzнание

Дыбо В. А. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции пра-славянского ударения. (Praesens). «Вопросы языкоzнания», 1969, № 3.

Железняк И. М. Праслов'янське goj — і сербохорватський антропонімі. «Мовознавство», 1969, № 3.

Ивич П. О древности аканья в славянских языках. «Вопросы языкоzнания». 1969, № 3.

Курилович Е. Флексии прилагательного в балтийском и славянском. «Вопросы языкоzнания», 1969, № 3.

Риглер Я. Общеславянское значение проблемы аканья. «Вопросы языкоzнания», 1969, № 3.

Стоянов И. А. Историчне формування тематичної групи дієслів мислення у болгарській мові. «Мовознавство», 1969, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1969, № 2

№ 3

Новые задачи перед литературной критикой; С. Ильин. Лаборатория современного мышления; К. М. Куюев. Некоторые вопросы древнеболгарской литературы; К. Куюмджеев. Заметки об антологии «Древнеболгарские страницы»; С. Божков. Г. П. Стаматов; Е. Карапилов. Ч. Станев — художник природы; З. Петров. Интеллектуальная и жизненная драма критика; С. Хаджикосев. К проблематике болгарского символизма в связи с возможностями сопоставления с некоторыми направлениями русского символизма; С. Стокова, Т. Х. Живков. Цветана Романска.

«Български език», 1969, № 2

Х. Пырьев. Черты семантической характеристики причастий в современном болгарском литературном языке; С. Жерев. Язык второго списка Софрония «Истории славяно-болгарской» 1781 г. в сравнении с первым (1765 г.); И. Иванов. Интересное явление болгарского диалектного вокализма (Редукция гласного *e* в *a* в говоре с. Лехово, Демирхисарско); М. Виденов. Падежные формы имеют существительных в гоцеском говоре; Д. Сайяр. Опыт сопоставления персидского и болгарского глагола; С. Стоков, М. Маденов. Проект «Идеографического диалектного словаря болгарского языка»; Л. Аидреян. Произношение и транскрипция украинских имен; Х. Василев. Добавление к правилу о месте энклитик в болгарском языке; П. Мятев. Славянские лексические элементы в народных говорах турецкого языка; Б. Симеонов. Снова об *Етрополе*.

«Език и литература», 1969, № 2

Т. Живков. Еще выше несите и поднимайте наше чистое, святое и победоносное знамя! В. Аидреев. Жанровые особенности романа Г. Караславова «Споржилов» (К генезису публицистического романа); И. Дуриданов. Географические имена Чипровского района как исторический источник; С. Иаков. Из истории эстонско-болгарских литературных связей (Болгарские темы в эстонской литературе); И. Георгиев. Структурные и семантические взаимоотношения в одной безличной конструкции в болгарском и русском языке; Б. Ценков. Поэзия Николая Стайкова; Ж. Ескенази. Георгий Бакалов и русская народническая поэзия; М. Маденов. О принципах диалектического исследования.

С. Руслакиев. В. И. Ленин и проблемы литературы; Л. Дончева. Непредeterminedые местоимения и наречия типа *-то* и типа *-нибудь* с точки зрения синтаксических функций их контекста; Х. Недялков. Романы Стояна Даскалова; Х. Дудевски. Место внутреннего монолога в прозе К. Федина; Ц. Младенов. Кого пародирует Яворов в своей сатире «Честит е...»? Р. Руслев. «Странник» Ботева; С. Чирпанов. Взгляды Л. Н. Толстого на героическое в романе-эпопее «Война и мир»; К. Попов. Диахрония и синхрония в диалектологии.

«Zeitschrift für Slawistik», 1968, № 5

К. Гиси. Завещание Максима Горького — задачи для нас; И. Идзиковский. Горький-гуманист; П. Кесслер. Анна Зегерс и проблематика Раскольникова; Г. Рааб. Древнерусское сказание об ослеплении Василька и его отголоски в поэзии декабристов; У. Леман. Об участии русской литературы XVIII в. в развитии национального сознания; Ф. Хинце. Юго-зап. кашубск. *refait*, *refatka*, *grötka* ‘лисица’; Г. Ионас. Новейшие итоги исследования Тургенева в Советском Союзе; К. Гюнтер. Виандт и Россия; Х. Порт. Карл Готтлоб фон Антон и славяне; У. Леман. Исследования развития национального сознания у славянских народов и их соседей.

«Zeitschrift für Slawistik», 1969, № 1

М. Баде. Основные вопросы перевода поэзии Александра Блока на немецкий язык; М. Енихен. Чешская драматургия в чешско-немецко и чешско-австрийском литературном обмене; Е. Доннер. Заметки об иностранных сведениях о Руси в начале нового времени; В. И. Чернов. О возникновении и начальном развитии итеративных глаголов в русском и чешском языке; Е. Визе. Структура неопределенного-личного предложения в современном польском языке; Ф. Хинце. Словинц. *a^ornt* ‘книга пророчеств’; Г. Пейкерт. Новые работы о сербско-хорватской акцентации; Я. Зенюкова. Язык памятников «Древнекашубская книга песнопений» и «Шмользинские перикопы»; К. Горалек. К типологической характеристике чешских народных сказок. В. Цейль. О значении кружка Больцано для славистики.

«Kwartalnik Historyczny», 1969, № 3

А. Ветуляни. Генезис Вартского статута о выкупе солтыств; Ю. Бар-

да х. Крево и Люблин (К вопросу польско-литовской унии); Ю. Комар. Начальный период варшавских демонстраций, предшествовавших январскому восстанию; Ц. Бобиньска, Е. Бродовска, Р. Керсновски, Е. Клочовски, Т. Менцель, Е. Топольски, М. Тырович, Г. Зелински. О нуждах и перспективах развития польских наук, посвященных прошлому; З. Станкевич. Об оценке Лянгевича; Е. Марчевски. Оценка истории национально-демократии на польских землях, захваченных во время разделов Пруссии; Л. Гросфельд. Были ли англичане фактическими инспириаторами майского переворота?

«*Slavia*», 1969, № 1

Е. Кржижкова. Предикативное определение и структура предложения в современном русском языке; В. Влашичова. О причинах медленного проникновения творчества Салтыкова в чешскую литературу; В. Маньчак. Нерегулярное фонетическое развитие, обусловленное частотой употребления в праславянском; В. Л. Георгиева. Безличные предложения по материалам древнейших славянских памятников (особенно старославянских); П. Шима. Восточнославянские церковнославянские рукописи; Б. Струминский. Польские лексические украиноязык в области фауны (названия диких животных); Я. Р. Дашкевич. Турецкая дипломатическая переписка на украинском языке в 40-е годы XVI в. М. Капиш. Максим Горький в «Српски књижевни гласник»; С. Воллман. Методология сравнительного литературоведения на VI Международном съезде славистов.

«*Slovo a slovesnost*», 1969, № 1,

Г. Галто. Глагольный вид и время; О. Уличный. К синтагматической и трансформационной характеристике именного сказуемого; И. Новотны. Роль Карла Сабины в создании современного чешского литературного языка; К. Трикова. К употреблению термина *оппозиция, неактуальность* при описании итеративных глаголов; О. Духачек. Структуральные методы в современной семантике.

№ 2

М. Комарек. К шестидесятилетию проф. Й. Вахека; И. Крамский. Опыт функционального понимания слова; З. Главса, Н. Свозилова. О характере значения местоимений; С. Ромпортл. Аспекты типологической классификации чешского глагола; О. Уличный. О полупредикативных конструкциях с точки зрения двухбазисной трансформации и комплексной конденсации; И. Цеппар. Отражение асимиляции свистящих в орфографических системах чешского языка.

«*Slovenská reč*», 1969, № 2

Й. Ружичка. Словацкий литературный язык в период 1918—1968 гг.; М. Марцинова. Валентность глаголов *burgcovat³*/ *uburgcovat³* *zburcovat*; Л. Дович. О наименовании лиц по их возрасту; И. Млака. Заметки о классификации бессоюзных сложных предложений.

№ 3

Я. Оравец. Пятьдесят лет изучения словацкой грамматики; Я. Горецкий. очерк фонематической структуры морфем; Щ. Печиар. Императив глаголов *ist³* — *idet* в словацком литературном языке. Я. Станислав. О словацком языке в издательской практике; В. Ухла. Из проблематики местных названий.

№ 4 |

Е. Паулини. Константин Философ — учитель славянского народа; И. Котулич. Исследование истории словацкого языка за истекшие пятьдесят лет; Я. Станислав. О словацком языке в издательской практике; Я. Доруля. Метаморфозы словацкого языка до Бернолака; Ю. Рыбак. Оппозиция причинных союзов *lebo*, *že*; В. Ухла. Три липтовские местные названия; П. Ондрус. Несогласованное определение в именительном падеже; Й. Шкультети. К проблематике испанизмов в словацком языке.

«*Jezik*», 1968—1969, № 1

О практическом и правовом положении вариантов; М. Могуш. Варианты переходят границы подлинной коммуникативности; К. Пранич. Законное предложение: четыре языка; З. Малич. Письменное и устное общение; Л. Ионке. Развитие хорватского литературного языка в XX столетии; В. Никевич. Народный язык в черногорской письменности до Негоша.

№ 2

З. Винце. Философские школы XIX столетия в развитии хорватского литературного языка; В. Никевич. Народный язык в черногорской письменности до Негоша; С. Бабич. В языкоznании — научность, в политике — равноправие.

«*Jezik in slovstvo*», 1969, № 1

В. Водушек. Связь между текстом и мелодией в народных песнях; Б. Голоб. От истории литературы к литературно-эстетическому воспитанию; Я. Кос. Идейная и образная типология в драмах Чанкара; Я. Блажей. О гласных словацкого языка; М. Зайдц. Определяющие и дополнительные вопросы; Й. Стабей. Из истории словенских слов.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 25-ЛЕТИЮ СЛОВАЦКОГО ВОССТАНИЯ

27 августа состоялась научная сессия Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященная 25-летию Словацкого национального антифашистского восстания 1944 г. В сессии участвовали сотрудники Посольства ЧССР в СССР И. Тауфер, Я. Никл, И. Юда. Были заслушаны доклады д-ра ист. наук А. И. Недорезова, «Словацкое национальное восстание—начало национально-демократической революции в Чехословакии»; канд. ист. наук П. И. Резонова «Словацкое национальное восстание и СССР»; канд. филол. наук Ю. В. Богданова «Словацкое восстание и современная литература». С интересными воспоминаниями об участии в словацком партизанском движении выступил канд. ист. наук Д. В. Кузнецова. Докладчики проанализировали внутренние условия и международную обстановку, в которых развертывалось Словацкое антифашистское народное восстание, его место и роль в общеевропейском движении Сопротивления, в развитии революционного процесса внутри страны, в воевании общей победы в ожесточенной войне против гитлеровской Германии.

Словацкое национальное восстание, отмечалось в докладах, не было стихийным. Оно долго и тщательно подготавливалось антифашистами Словакии. От固然ную роль в этом деле сыграла Коммунистическая партия, явившаяся основной организующей и мобилизующей силой антифашистского движения Сопротивления внутри страны. С первых дней войны компартия Словакии, будучи составной частью КПЧ, самоотверженно боролась против марionеточного фашистского режима Тисо.

Стремясь подавить растущее недовольство войной и фашистским режимом, правящие круги Словакии пустили в ход суровые репрессии. В результате тысячи людей были брошены в тюрьмы. Особенно свирепствовала фашистская охранка в борьбе против коммунистической партии. В 1941—1943 гг. ей удалось высledить и разгромить четыре состава нелегального ЦК КПС, многие областные и районные партийные органы, редакции газет, тайные типографии, явочные квартиры. Однако сломить сопротивление антифашистов, а тем более ликвидировать коммунистическое движение было не под силу

словацкому фашистскому режиму. В стране продолжали выходить коммунистические газеты, листовки, распространялись воззвания, действовали нелегальные организации коммунистов, расширялось движение Сопротивления, в котором принимали участие рабочие, крестьяне, интеллигенция и некоторые буржуазные слои населения. Коммунистическая партия держала курс на то, чтобы сплотить всех недовольныхвойной и фашистским режимом в широкий народный фронт, создать единой общедемократический центр, руководящий освободительной борьбой народа.

Большая заслуга в создании такого центра и подготовке всенародного восстания принадлежит пятому нелегальному ЦК КПС, созданному в августе 1943 г. К. Шмидке, прибывшим в Словакию по заданию Кл. Готвальда и партийного центра КПЧ, находившегося в Москве. Руководящими деятелями пятого нелегального ЦК КПС кроме К. Шмидке были Г. Гусак и Л. Новомеский. ЦК КПС в короткий срок восстановил связь с партийными организациями всей страны. На основе директив и политических установок Коминтерна, изложенных в январском 1943 г. решении Президиума ИККИ, которое Шмидке привез с собой, и советов Дмитриева и Готвальда руководство КПС разработало применительно к условиям Словакии концепцию дальнейшего развития освободительного движения в Словакии на завершающем этапе второй мировой войны, имея своей целью перевести его в общенародное восстание против фашистской диктатуры и немецких захватчиков.

Коммунисты развернули активную работу по сплочению всех антифашистских сил, развертыванию партизанского движения, созданию национальных комитетов. По инициативе руководства КПС в декабре 1943 г. после длительных переговоров с представителями буржуазных антифашистских групп был создан общесловацкий руководящий центр движения Сопротивления — Словацкий Национальный Совет.

Принятая СНС программа, известная под названием «Рождественское соглашение», предусматривала организацию подготовки всенародного восстания, сверже-

ние фашистской диктатуры и переход всей политической, законодательной, военной и административной власти в руки Словацкого Национального Совета, в состав которого от КПС входили К. Шмидке, Г. Гусак, Л. Новомеский. Уже в этом первом программном документе был самым решительным образом отвергнут принцип сепаратизма и выражена неуклонная воля и стремление словацкого народа жить и решать свою дальнейшую судьбу в совместном государстве двух родственных славянских народов — чехов и словаков, в рамках Чехословацкой Республики на основе принципа «равный с равным».

Программа провозгласила также, что словацкий народ стремится к тесному сотрудничеству со всеми славянскими государствами и народами, особенно с Советским Союзом, в котором он видит гарантю свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и славянских — в особенности.

Выдающиеся победы Советских Вооруженных Сил в 1943—1944 гг., подчеркивалось в выступлениях докладчиков, оказали могучее революционизирующее воздействие на развитие освободительного антифашистского движения в Словакии, создали предпосылки для его перерастания во всенародное восстание. В стране широко развернулось партизанское движение, во многих местах были созданы национальные комитеты, в которых коммунисты играли ведущую роль. СНС установил контакты с оппозиционно настроенным офицерами Словацкой армии, привлек их к подготовке восстания в армии. Под его руководством был создан во главе с полковником Голланом военный центр, призванный организовать работу в воинских частях, чтобы в нужный момент поднять их против фашистского режима Тисо и гитлеровцев.

Разработанный военным центром и одобренный СНС план Словацкого национального восстания намечал осуществление координированного с наступательными действиями советских войск выступления словацкого народа (армии, партизан, рабочих дружин) против фашистского режима Тисо, свержение его и создание таким путем благоприятных условий для быстрого продвижения советских войск по территории Словакии в глубокий тыл гитлеровских войск.

С целью согласования этого плана с командованием Красной Армии в Советский Союз в начале августа 1944 г. вылетела специальная делегация СНС в составе К. Шмидке (от руководства КПС) и полк. Ферьенчика (от военного центра), которая подробно ознакомила советских представителей, руководство КПЧ в Москве и Чехословацкое посольство с политической обстановкой в Словакии, с планами всенародного восстания. Как позднее отмечали Шмидке и Ферьенчик, они встретили со стороны советских учреждений

доброжелательное отношение и понимание несмотря на происки и интриги лондонского эмигрантского правительства Чехословакии, которое, зная о подготовке восстания, не информировали об этом Советский Союз, а саму делегацию СНС пытались выдать за агентуру словацкого фашистского правительства. Лондонское правительство категорически настаивало, чтобы советские компетентные органы не вели с представителями Словакии никаких переговоров. В виду этого и по военным соображениям переговоры со Шмидке и Ферьенчиком не были открытыми.

В период пребывания миссии СНС в Москве обстановка в Словакии еще более накалилась. Она становилась критической. Партизанское движение приобрело широкий размах. Прибывшие в разные районы Словакии группы организаторов партизанского движения, подготовленные в СССР, быстро превращались в массовые партизанские отряды и соединения. Август был месяцем огромного подъема партизанского движения. Сотни добровольцев из разных слоев населения вливались в партизанские отряды. Среди партизан было много бежавших из немецкого плена русских, украинцев, белорусов и других военнопленных. Они также вступали в партизанские отряды или создавали свои вооруженные группы. Почти нигде в Европе партизанские отряды не росли так быстро, как в Словакии летом 1944 г. К началу восстания в Словакии было более 5000 партизан, в первые дни сентября — 15 000. Партизанские отряды поддерживали тесную связь с партийными организациями, национальными комитетами. Многие гарнизоны Словацкой армии сочувствовали партизанам, поддерживали их борьбу и снабжали оружием. Попытка братиславского правительства организовать антипартизанские экспедиции в Низких Татрах не имели успеха, так как солдаты предупреждали партизан и не хотели против них бороться.

Президент Тисо 23 августа обратился к Гитлеру с просьбой ввести в Словакию немецкие войска для борьбы против партизан. В ответ на сосредоточение гитлеровских войск на границах Словакии партизаны спустились с гор и в течение 25—28 августа при поддержке населения и военных гарнизонов заняли города: Турчанский Св. Мартин, Липтовский Св. Микулаш, Ружемберок, Врутки и ряд других городов и населенных пунктов. Национальные комитеты брали власть в свои руки.

29 августа гитлеровские соединения приступили к оккупации Словакии. Это послужило сигналом для начала всенародного восстания, которое в первые же дни охватило большую часть страны. Военные гарнизоны Средней Словакии, партизанские отряды, городское и сельское население этих районов решительно выступали против оккупантов и фашистского

словацкого правительства. СНС и местные национальные комитеты взяли власть в свои руки на всей территории восставшего народа. Центром восстания стал город Банска Бистрица, в котором находилось командование повстанческой армии, Национальный совет, ЦК КПС и другие органы восставшего народа.

Компартия сумела парализовать попытки буржуазных групп захватить руководство восстанием. В своем обращении к народу, опубликованном в первые дни восстания, компартия разъясняла трудающимся смысл происходящих событий, мобилизовала их на выполнение неотложных задач.

«Главная наша цель,— подчеркивалось в воззвании,— в совместной борьбе поразить гитлеровскую Германию, уничтожить все фашистские элементы, чтобы трудящиеся могли свободно определить формы и условия своей жизни...»

Национальное революционное восстание и политический переворот, произошедший на этих днях в Словакии, дают все возможности Словацкому народу скоро и окончательно избавиться от всякого угнетения и добиться того, чтобы в Словакии хозяином стал словацкий народ»¹.

В первые дни восстания, подчеркивалось в докладах, положение повстанцев было осложнено тем, что гитлеровцам удалось из-за нерешительности командования разоружить и в значительной части интернировать солдат двух восточных словацких дивизий, которые должны были по плану восстания, разработанному военным центром, занять перевалы через Карпаты (Дукельский и Лупковский) и удерживать их до прихода Советской Армии. Не выполняли приказы военного центра также многие офицеры гарнизонов Западной Словакии и в самой Братиславе. Ввиду этого только часть Словацкой армии, около 22 000 человек, выступила на стороне повстанцев. Ее силы состояли из 12 смешанных батальонов, 6 пехотных рот, 11 артиллерийских батарей, 12 транспортных самолетов и 10 танков. У повстанческой армии не хватало винтовок, автоматов, противотанковых ружей, артиллерии, боеприпасов, горючего. Она располагала всего лишь 40 минометами, 120 орудиями, небольшим количеством автоматов и пулеметов. Зенитное оружие и истребительная авиация почти полностью отсутствовали.

Партизанские отряды и бригады, принявшие на себя вместе с солдатами повстанческой армии первые удары наступающих гитлеровских частей, оказали восстанию неоценимую услугу. Однако вопрос об оказании срочной помощи Словацкому национальному восстанию сразу же стал самой важной проблемой, без решения которой повстанцы не смогли бы стабили-

зировать положение и выдержать написк гитлеровских дивизий.

Советское правительство сделало все возможное, чтобы поддержать словацких патриотов. С первых дней восстания оно оказалось им всестороннюю помошь. «Советская помощь была оказана немедленно,— подчеркивает первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак в своей книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании»,— и она явилась единственным и решающим фактором того, что в течение двух месяцев велась открытая вооруженная борьба против нацистских дивизий»².

Характерно, что чехословацкое правительство в Лондоне не добилось от западных держав никакой помощи для словацкого народа, несмотря на то, что Голиан неоднократно и настойчиво просил Бенеша и Ингра направить в Словакию из Англии хотя бы небольшое количество истребительной авиации. Буржуазные лидеры лондонской чехословацкой эмиграции заботились не о помощи восставшей Словакии, а о том, чтобы укрепить свое влияние в ее руководящих политических и военных органах.

Советское Верховное Командование, узнав о начале Словацкого восстания, в интересах оказания ему помощи, немедленно поручило подготовить в Карпатах крупную наступательную операцию силами 1-го и 4-го Украинского фронтов, а также развить наступление из Румынии войсками 2-го Украинского фронта. Операция была подготовлена в кратчайший срок — в течение 5 дней. 2-го сентября Маршал Советского Союза И. С. Конев направил письменное донесение Верховному Главнокомандующему о состоявшейся беседе с полк. Тальским, прилетевшим из Восточной Словакии. Последний высказал соображение, что, в случае наступления советских войск в западном направлении, словацкие 1-я и 2-я дивизии могли бы наступать в восточном направлении, имея целью соединиться с Красной Армией. В этом донесении Маршал Конев внес предложение о целесообразности проведения Карпатской операции с целью выхода на словацкую территорию в район Стропков, Медзилаборце и соединения со словацкими частями и с партизанским движением. «Операцию можно начать через 7 дней» — докладывал Маршал Конев.

Ставка Верховного Главнокомандования в тот же день рассмотрела это предложение и одобрила его.

3 сентября представленный в Ставку план проведения операции был утвержден и установлен срок начала наступления — 8 сентября.

Выполняя распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования две совет-

¹ «Hlas ľudu», 5 IX 1944.

² G. H u s a k. Svedectvo o slovenskom narodnom povstani. Bratislava, 1969, s. 286.

ские армии (38 и 1-я Гвардейская) 8 и 9 сентября перешли в наступление, положив начало Восточно-Карпатской операции, в которой участвовали также чехословацкие войска (1-й корпус). Она проходила в трудных условиях горно-лесистой местности, в осеннюю пору, осложнившую форсирование горных препятствий. Еще до начала операции в Восточной Словакии немецкие войска разоружили две словацкие дивизии, которые должны были двинуться навстречу советским войскам и удерживать переходы через Карпаты. Затем гитлеровцы стянули сюда большое количество войск (18 дивизий, 2000 орудий, 250 танков, много авиации). Поэтому в Восточных Карпатах развернулись затяжные кровопролитные бои. Они отвлекли крупные силы гитлеровских войск от районов, занятых повстанцами и партизанами. После ожесточенных боев советские войска и Чехословацкий корпус, овладев Дукельским перевалом, вышли на чехословацкую границу и начали освобождение Словакии. Противник потерял в этих боях много живой силы и техники. Более 31 тыс. гитлеровцев было захвачено в плен. В тяжелых боях за освобождение Чехословакии большие потери понесли и советские воины. Более 80 тыс. советских солдат и офицеров было убито и ранено. Потери Чехословацкого корпуса составили 6,5 тыс. человек.

В боях закалилась и крепла освященная совместно пролитой кровью советско-чехословацкая дружба. Именно в этих боях среди чехословацких воинов родился лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена».

Советский Союз оказал огромную помощь повстанцам в защите освобожденных районов Словакии. С первых дней восстания между СССР и освобожденной территорией Словакии был наведен воздушный мост, по которому широким потоком перебрасывались важные для повстанцев военные грузы — советское оружие, боевая техника, боеприпасы, снаряжение, горючее, медикаменты. В район восстания прибыли по воздушному мосту 2-я чехословацкая парашютно-десантная бригада, полк истребительной авиации, которые приняли активное участие в боях против фашистских оккупантов. В Банску Бистрицу прибыла Советская военная миссия, а также полк А. Н. Асмолов для оказания помощи Штабу партизанского движения.

Оценивая значение советской помощи, оказанной Словакому национальному восстанию, Первый секретарь ЦК КПЧ тов. Г. Гусак писал: «Каждый, кто жил в то время на освобожденной повстанцами территории, помнит, как гул советских самолетов, доставляющих средства помощи, вселял надежды, помогал преодолевать депрессию у колеблющихся и в буквальном смысле слова символизировал,

что мы не одиноки, что у нас есть могучий и верный друг»³.

Повстанцам все же не удалось удержать освобожденную территорию до прихода советских войск. Стянув большое количество войск, гитлеровцы перешли в решительное наступление. 27 октября Банска Бистрица была захвачена гитлеровскими войсками. Это внесло замешательство в ряды повстанческой армии, командование которой осуществляло прибывший из Лондона генерал Виест. Командование проявило растерянность и неспособность перестроиться на борьбу партизанскими методами. Началась деморализация армии. Генерал Виест и начальник штаба генерал Голлан с группой офицеров попали в плен к гитлеровцам и были расстреляны.

Руководство компартии Словакии и Главный штаб партизанского движения Чехословакии во главе с начальником штаба К. Шмидке и его помощником советским полковником А. Н. Асмоловым организовали отход партизанских отрядов и некоторых армейских частей в горы, где они продолжали сражаться вплоть до прихода Советской Армии.

Словацкое национальное восстание, подчеркивалось в докладах, явилось крутым переломным моментом в судьбах чешского и словацкого народов, оставило глубокий след в их сознании, оказало большое воздействие на все последующее историческое развитие страны, заложило прочные революционные традиции в Словакском народе. Оно вошло в историю антифашистского освободительного движения как одно из крупнейших революционных событий периода второй мировой войны.

Исключительно важная роль принадлежит Словакому национальному восстанию в укреплении и расширении советско-чехословацкой дружбы и боевого сотрудничества. Эта нерушимая дружба освящена совместно пролитой кровью в жестоких сражениях за свободу и независимость наших народов.

Восстание оказалось значительное влияние на ход военных операций 1944 г., нарушило военные коммуникации гитлеровцев, проходившие через Словакию, сорвало их планы, рассчитанные на использование сырьевых и продовольственных ресурсов, промышленного потенциала и людских сил в войне против СССР.

Восстание внесло большой вклад в общую интернациональную борьбу народов против самых реакционных сил мирового империализма — блока фашистских государств, поработивших многие европейские страны. Одним из великих заветов Словацкого национального восстания является поддержание и упрочение интернациональной сплоченности народов социалистических стран.

³ Ibid., s. 287.

П. И. Резонов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В МИНСКЕ

В канун двадцатипятилетия Польской Народной Республики 9—13 июля 1969 г. в Минске состоялась научная конференция, посвященная проблеме боевого содружества советских и польских вооруженных сил в борьбе против гитлеровской Германии. Организатором конференции была Советско-польская комиссия историков, гостеприимным хозяином — Институт истории АН БССР.

Доклады вышли за рамки объявленной чисто военной тематики и охватили довольно широкий круг политических, дипломатических и экономических отношений между СССР и Польшей в годы второй мировой войны, в первые месяцы становления народной Польши. В конференции приняли участие представители Института славяноведения и балканстики АН СССР, Института военной истории Министерства Обороны Союза ССР (Москва), Института истории АН БССР и пединститута им. М. Горького (Минск), представители Украины и Литвы. Из Польши приехала большая группа военных историков из Военно-исторического института Министерства Обороны ПНР и Военно-политической академии Войска Польского, а также ученые из Института истории партии при ЦК ПОРП и Института истории польско-советских отношений ПАН, из Лодзинского университета. Возглавляя делегацию польских историков проф. Л. Базылев. Главой советской делегации московских историков являлся чл.-корр. АН СССР, генерал-лейтенант П. А. Жилин. Председателем конференции был академик-секретарь Отделения общественных наук БССР П. Ф. Глебко.

Доклады были посвящены четырем основным проблемам. Первая — история формирования и боевых действий регулярных войск, вторая — история партизанского движения, третья — политические и экономические связи между нашими странами, и наконец четвертая — роль Польской рабочей партии в становлении новых советско-польских отношений и в формировании нового идеино-политического облика вооруженных сил польского народа. Подавляющее большинство докладов и сообщений было основано на архивных материалах и вводило в научный оборот неизвестные факты и документы, освещало вопросы с новых позиций. Часть докладов советских и польских историков была сделана на близкие или параллельные темы, что позволяло показать различные аспекты проблемы, расширяло круг источников, определяло степень изученности вопроса у нас и в ПНР.

Истории создания и совместных боевых действий Советской Армии и Войска Польского в операциях по освобождению Польши посвятил свое выступление полк. В. Г. Маркевич (Москва). Приведенные им материалы, цифры и факты но-новому

осветили многие вопросы формирования, управления и структуры вооруженных сил новой Польши.

Польская сторона представила на аналогичную тему доклад В. Юргелевича и К. Собчака — «Братство по оружию между народным Войском Польским и Советской Армией в войне против гитлеровской Германии». В докладе интересен библиографический раздел, представляющий обзор имеющейся советской и польской литературы темы.

Битве под Ленино — боевому крещению дивизии им. Т. Костюшко посвятили свои выступления полк. А. Г. Колтунов (Москва) и подполк. Э. Кравчик (Варшава); полк. С. Коморницкий (Варшава) рассказал об участии польских частей в овладении Берлином.

Л. А. Любимский (УССР) обобщил имеющиеся в литературе сведения о роли офицеров Советской Армии в формировании и боевой подготовке первых польских авиационных полков «Варшава» и «Краков».

История боевого содружества советских и польских партизан была представлена весьма разносторонне. С докладом, подготовленным группой историков ПНР, выступил контр-адмирал Ю. Собесяк — «Макс», бывший командир польского партизанского соединения на Украине. Тема его доклада — боевое содружество польских партизан с Советской Армией в борьбе против гитлеровской Германии. Об интернациональном характере советского партизанского движения, и в частности партизанского движения в Белоруссии, говорил И. С. Кравченко. Он привел интересные данные о национальном и социальном составе миллиона партизан, действовавших на временно оккупированных территориях СССР, в рядах которых в числе других национальностей Советского Союза и стран Европы боролось около 8 тысяч поляков.

Полк. М. И. Семпрая (Москва) посвятил свое сообщение сотрудничеству советских и польских партизан в освобождении восточной Польши.

На близкую тему — о сотрудничестве польских партизан с Советской Армией в 1944 г. выступил полк. М. Юхневич (Варшава).

Сообщения Э. Ф. Языкович (Минск) и П. Ф. Штараса (Вильнюс) ознакомили участников конференции с новыми архивными материалами о деятельности польских подразделений в составе партизанских сил Белоруссии и о боевом и политическом содружестве литовских и польских подпольщиков и партизан в Литве.

И. М. Брецик (Киев), обобщив материалы партийного архива Института истории партии при ЦК КПУ, представил историю создания и деятельности крупнейшего на Украине польского партизанского соединения

нения «Ешчэ Польска не згинэла» под командованием Р. Саташевского.

Третья группа докладов была посвящена советско-польским дипломатическим отношениям, складыванию политического союза между СССР и народной Польшей. С наиболее широкими проблемными докладами выступили И. И. Костюшко (Москва) — «Политика Советского Союза по отношению к Польше в 1941—1945 гг.» и В. Ковалевский (Варшава) — «Генезис польско-советского союза 1945 г.». Используя имеющуюся литературу вопроса, опубликованные материалы, а также значительное число неопубликованных документов и материалов, они показали историю становления принципиально новых отношений между нашими странами.

Э. Басиньский (Варшава) более подробно остановился на роли СССР, его помощи польскому народу в установлении западной границы страны по Одре и Ниссе. М. Вилк (Лодзь) говорил о мало разработанной проблеме военно-экономического сотрудничества между СССР и Польшей в 1944 г. после создания в июле 1944 г. первого правительства польских трудящихся масс.

И, наконец, четвертая группа докладов была посвящена отдельным аспектам деятельности ППР. Это были основанные на изучении материалов архивов ППР выступления В. С. Парсадановой (Москва) по только начавшейся изучаться проблеме идеино-политической работы ППР в Гвардии (Армии) Людовой и М. Малиновского (Варшава) о роли ППР в формировании новых советско-польских отношений.

Интересным было выступление советника посольства ПНР в Москве А. Пшигоньского, видного историка народной

Польши, отдавшего немало труда изучению истории Польши в годы немецко-фашистской оккупации. Оно прозвучало как большое раздумье о судьбах наших стран, о роли научных работников в укреплении сотрудничества наших братских народов.

Логическим завершением докладов учёных о прошлом наших стран, о начале их боевого и политического содружества явилось выступление В. Ф. Грекова, рассказавшего собравшимся о наших днях, о развитии традиции братства и дружбы в армиях стран Варшавского пакта, о развитии в послевоенные годы дружбы между Войском Польским и Советской Армией.

Было решено издать материалы конференции.

Составной частью научной сессии была поездка её участников в местечко Ленино, где на земле Белоруссии начинало свой боевой путь возрожденное Войско Польское, и в Новогрудок, в родные края великого польского поэта А. Мицкевича.

Непосредственно к конференции советских и польских историков примыкала торжественная сессия Отделения истории АН СССР и Отделения общественных наук АН БССР, посвященная 25-летней годовщине народной Польши. Открыл сессию вступительным словом академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. С докладом о достижениях народной Польши за прошедшую четверть века выступил чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин, доклад о советско-польском сотрудничестве в послевоенный период сделал чл.-корр. АН БССР Н. В. Каменская.

В. С. Парсаданова

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 25-ЛЕТИЮ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

17 июля 1969 г. состоялась сессия Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР и Общества советско-польской дружбы, посвященная 25-летию народной Польши.

Со вступительном словом к собравшимся обратился директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков, отметивший, что 22 июля 1944 г. символизирует двойную победу польского народа — возрождение независимости польского государства после пятилетней кровавой гитлеровской оккупации и установление власти трудящихся.

С докладом «Четверть века по пути социализма» выступил старший научный сотрудник института, д-р ист. наук А. Я. Манусевич. Докладчик подчеркнул, что освобождение Польши от гитлеровских

захватчиков подтвердило глубокую, давно сложившуюся взаимосвязь судеб братских народов Польши и Советского Союза. Эту взаимосвязь еще в годы первой русской революции В. И. Ленин выразил в сжатой и емкой формуле: «Свобода Польши невозможна без свободы России». Спустя двадцать четыре года после Октябрьской революции, продолжая ее дело, Советский Союз в ходе Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии вновь принес Польше победу и независимость. Оккупированная гитлеровцами Польша представляла собой страшную картину. «Новый порядок» оккупантов был рассчитан на систематическое и беспощадное истребление польского народа. За годы гитлеровского разбоя Польша потеряла в боях, на виселицах и в лагерях смерти свыше 6 млн. человек,

каждого пятого гражданина. Страна находилась в состоянии полной экономической разрухи.

В тяжелый период гитлеровской оккупации в борьбе как с фашистами, так и силами реакционного подполья зарождалась народная власть, организатором и инициатором которой была героическая преемница Коммунистической партии Польши — марксистско-ленинская Польская рабочая партия. Когда Советская Армия и созданное Польское войско вступили на территорию Польши, здесь действовали уже организованные и руководимые ППР силы, готовые повернуть историю страны на новый путь. 21 июля 1944 г. на освобожденной части польской земли начал свою деятельность Польский комитет национального освобождения — правительство трудового народа. Манифест ПКНО, провозглашенный 22 июля явился программой возрожденной страны. Этот день стал отмечаться как день начала новой эры в истории Польши.

А. Я. Манусевич представил в основных чертах внутреннюю политику народной Польши за 25 лет ее существования, а на этом фоне общественно-политические и экономические достижения страны.

С докладом на тему «Возникновение и развитие союза и дружбы между Польшей и СССР» выступил д-р Э. Басинский (ПНР). Основой внешней политики Польской Народной Республики является союз, дружба и братство с Советским Союзом. Вытекает она из классового характера народной власти, из идеологической общности и единства политических целей и отвечает национальным интересам Польши, ее суверенитету, безопасности ее границ. Благодаря помощи народов и правительства СССР Польша смогла восстановить свои исторические границы, к ней вернулись пястовские западные и северные земли.

Новая страница в истории польско-советских отношений была открыта при подписании в Москве 21 апреля 1945 г. договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве.

Народная Польша делает все от нее зависящее, чтобы укреплять оборонную мощь социалистических государств. Примером этого является ее участие в Варшавском договоре, сотрудничество в рамках СЭВ.

Доц. В. Ковалевский (ПНР) сделал доклад «СССР и граница Польши по Одре и Нисе», в котором подробно рассмотрел борьбу на Ялтинской и Потсдамской конференциях советской делегации в защиту права польского народа за древние пястовские земли. Эта борьба доказала, что союз с СССР соответствует не только классовым, но и национальным и государственным интересам польского народа.

Т. Н. Агапкина (СССР) выступила с интересным докладом «Польская литература в советском литературоведении».

18 июля 1969 г. состоялась вторая научная сессия, посвященная 25-летию ПНР. Сессия была организована Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академией общественных наук при ЦК КПСС. Для участия в сессии из Варшавы прибыла делегация польских ученых во главе с вице-президентом Польской академии наук акад. Витольдом Новацким.

Со вступительным словом на сессии выступил акад. П. Н. Поспелов.

Чл.-корр АН СССР Д. М. Кукин в своем докладе «25 лет народной Польши» отметил, что за 25 лет под руководством Польской объединенной рабочей партии была построена новая Польша, располагающая новым производственным потенциалом, с новой социальной структурой, новой культурой, Польша, в которой кипит новая жизнь и которая воспитывает нового человека, новое социалистическое общество. За время планового социалистического строительства страна прошла путь экономического развития, который высокоразвитые капиталистические страны проходили за столетия.

С докладом «Развитие польской науки за 25 лет» выступил вице-президент ПАН, акад. В. Новацкий. Докладчик подчеркнул, что одним из первых шагов Польского комитета национального освобождения было создание в октябре 1944 г. в Люблине Университета им. Марии Склодовской-Кюри. С этого момента начали в быстром темпе восстанавливаться научные учреждения и институты, организовывались новые университеты и высшие технические училища.

Огромное самопожертвование польских ученых в этот трудный период, понимание народным государством роли, которая принадлежит науке, способствовали тому, что очень быстро удалось залечить военные раны. Одновременно с восстановлением страны создавалась база для развития науки. В настоящее время существуют три вида научных учреждений: это высшие учебные заведения, институты, связанные с промышленностью, и исследовательские центры Академии наук.

Главной задачей Польской академии наук, с момента образования в 1952 г., была прежде всего организация фундаментальных и теоретических научных исследований. За это время было создано много новых научно-исследовательских институтов, научных центров, лабораторий. Появились такие отрасли знаний как теоретическая и прикладная механика, автоматика и вычислительная техника, биохимия, биофизика, физика атомного ядра, квантовая электроника, физиология,нейрохирургия и др. Большие успехи можно отметить в области математики, химии, геологии, паразитологии, палео-зоологии, а также в ряде гуманитарных наук — истории, языкоznания, истории материальной культуры. Мерилом успе-

хов ПАН является ее позиция на международной арене. Польская академия наук подписала 18 соглашений с академиями или подобными организациями в 12 социалистических странах и 8 соглашений о научном сотрудничестве с учреждениями 7 капиталистических стран. Члены и научные сотрудники ПАН входят в состав 136 международных научных организаций. Тесные связи существуют между польской наукой и советской наукой. Польская наука, экономика и культура многим обязаны всесторонней помощи Советского Союза в восстановлении и строительстве новой Польши. Использование советского опыта позволило в довольно сжатые сроки развернуть собственные исследования по мирному использованию атомной энергии.

Заместитель директора Института истории ПАН, заместитель академика-секретаря I Отдела ПАН проф. Ч. Мадайчик подробно охарактеризовал развитие общественных наук в народной Польше.

Присутствовавший на сессии ректор Высшей партийной школы при ЦК ПОРП проф. Заставный остановился в своем докладе на изменениях социальной структуры польского общества за истекшие 25 лет.

Теме «Польские коммунисты во главе борьбы польского народа за национальное и социальное освобождение» был посвящен доклад В. С. Неволиной. Докладчик отметила, что созданию народной влас-

ти предшествовала бурная борьба демократических сил как в стране, так и за ее пределами. В ноябре 1943 г. ППР выступила с исторической декларацией «За что мы боремся», в которой излагалась программа народной Польши. Окончательная редакция Декларации принадлежала Владиславу Гомулке. Осуществление программы, намеченной в Декларации, привело к созданию Крайовой Рады Народовой. Огромное влияние на развитие национально-освободительной борьбы оказали победы советского народа. Все это совпало со стремлением польских коммунистов, находящихся на территории Советского Союза, объединить все патриотические силы польской эмиграции в рядах Союза польских патриотов. Для консолидации политических сил было создано Центральное бюро польских коммунистов, которое поддерживало связь с польским подпольем.

История ППР опровергает ложь буржуазной историографии, что строй народной демократии в Польше явился результатом импорта революции из СССР.

В. С. Парсаданова (СССР) прочла доклад «Образование Польского комитета национального освобождения и советско-польские переговоры летом 1944 г.».

Среди присутствовавших на сессии были ответственные работники ЦК КПСС и Первый секретарь Посольства ПНР в СССР Т. Збоиньский.

E. V. Пилишек

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМЕ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

23—28 июня в Киеве состоялась сессия польских и советских историков и археологов, посвященная проблеме возникновения и развития раннефеодальной государственности у славянских народов. Сессия была организована Комиссией польских и советских историков, Научным советом по проблемам генезиса феодализма при Отделении истории АН СССР, Институтом истории и Институтом археологии АН УССР. В работе сессии приняли участие ведущие польские медиевисты, историки и археологи Академий наук СССР, УССР и БССР.

Сессию открыл акад. Б. А. Рыбаков, подчеркнувший научную и политическую актуальность исследования проблем формирования и развития раннеславянских государств и необходимость борьбы с антиисторическими концепциями некоторых представителей буржуазной историографии в данной области. Широкие пути исследования открывает сотрудничество ученых братских славянских народов. Настоящая сессия объединила польских, русских, украинских и белорусских ученых и посвящена преимущественно истории

древнерусской государственности и некоторым общим проблемам раннеславянской государственности в связи с историей Киевской Руси.

В течение трех дней заседаний было зачитано 22 доклада, в которых нашли освещение некоторые вопросы экономической, политической и культурной истории славянских народов дофеодального и раннефеодального периода. Хотя в сюжете повестке дня отсутствовала четкая группировка докладов по темам, тем не менее все выступления можно объединить в несколько крупных групп.

Большой интерес представили доклады, осветившие некоторые вопросы типологии и периодизации исторического процесса у славянских народов в раннефеодальный период. З. В. Удальцова (Москва), оставившая на специфике трех вариантов генезиса феодализма в Европе (в зависимости от различного соотношения элементов нарождающегося феодализма и элементов рабовладения, унаследованных от античного общества), дала характеристику разнообразных форм генезиса феодализма у южных славян и особенно в

Византии. Большой интерес вызвал доклад польского академика Г. Ловмянского, поставившего своей задачей выделить характерные черты «модели ранних славянских государств». Выдающиеся слависты (Шафарик, Нидерле, Тыменецкий, Греков) отметили общие черты в экономической и политической истории ранних государств. Присоединяясь к этим наблюдениям, докладчик подробнее остановился на некоторых особенностях характерных общих чертах раннеславянской государственности, например на двуступенчатой территориальной структуре, демократическом характере племенного строя, общности социальных черт племенной элиты, аналогии в организации финансов и вооруженных сил. В. Д. Королюк (Москва) на большом фактическом материале попытался выделить основные этапы развития раннефеодальной государственности у западных и восточных славян: 1) племенные княжества, 2) интеграция родственных племенных княжеств, 3) многоэтнические образования, 4) образование единых раннефеодальных государств на однородной этнической основе. Особое внимание докладчик уделил языковой основе в консолидации славянских племен.

Проблеме расслоения славян и истории их формирования в 1-м тысячелетии н. э. в свете археологических данных посвятили свои доклады киевские археологи В. И. Бедзилия («Этническая карта Восточной Европы в 1-й половине 1-го тысячелетия н. э.»), А. Т. Смиленко («Этнокультурная карта Восточной Европы 2-й половины 1-го тысячелетия н. э.») и польский историк А. Надельский («Археологические источники по вопросу возникновения Польского государства»). Доклады были насыщены большим фактическим материалом, ознакомили слушателей с результатами последних раскопок археологов; авторы попытались дать классификацию и оценку археологическим источникам. Заслуживают внимания наблюдения и выводы В. И. Бедзилии, показавшего сложность этнической среды расселения славянских племен и постоянную связь последних с местом своего образования, что обусловило особую стойкость славянских племен в ходе переселения народов.

Значительное внимание было удалено политической организации и ее отражению в терминологии славянских народов. А. Гейптор (ПНР), характеризуя организацию центральной власти в славянских государствах X—XI вв., особенно подчеркнул значение сравнительно-исторического метода, на основании которого можно получить ценные наблюдения. Пользуясь им, автор обратил внимание на некоторые особенности взаимоотношения князя и его служащих у русских, поляков, мораван (институт заместителя князя, должность воспитателя и др.), проследил развитие некоторых чисто славянских терминов, их перархию, прямую связь или полную

независимость от каролингских и оттоновских образцов. Т. Василевский (ПНР) остановился на характерных чертах института дружины у славян: развитие преимущественно региональной ее формы объяснялось отсутствием крупных варварских государственных образований у славянских народов.

Ю. Бардах (ПНР) в докладе «Князь и вече», сравнивая данные польских, русских и полабославянских источников, наметил основные стадии развития веча. Ю. В. Бромлей (Москва) в докладе «Сравнительный анализ термина, обозначающего общину у славянских народов» показал многообразие терминологии, ее сложность и эволюцию, попытавшись вместе с тем вскрыть внутреннюю логику и стадиальность ее развития. На основе сравнительного изучения источников поставил проблему изучения культурных связей западных и восточных славян в X—XII вв. А. И. Рогов (Москва).

Наибольшую группу составили доклады, посвященные истории раннефеодального Русского государства. Экономическим предпосылкам его образования посвятил доклад археолог В. И. Довженок; московский историк О. Рапов дал интересный анализ основных особенностей развития феодальной собственности на Руси X—XI, показав несостоятельность теории об отсутствии единой экономической основы у Русского государства, об аморфности его государственного устройства. Единство и прочность Киевского государства основывалось на господстве бенефициальной формы собственности и единодержавии великого князя. П. Шаскольский (Ленинград), остановившись на ранних этапах формирования древнерусского государства (IX в.), усмотрел отражение их в терминах «Русь» и «Славия». Киевский археолог П. Толочко охарактеризовал экономические, географические, топографические и политические предпосылки ведущей роли Киева в образовании Древнерусского государства. Проблему — роль церкви в образовании древнерусской государственности — поставил А. Попэ (ПНР). По его мнению, русская церковь являлась провинцией константинопольской патриархии. Это факт, имевший большое значение для формирования государственной идеологии, тем не менее не ограничивал суверенитет Русского государства. Я. Н. Щапов (Москва) остановился на вопросе о месте соседской общины в системе управления Киевского государства VIII—XII вв., особенно выделив различные функции, связанные с дофеодальным обществом и привнесенные княжеской властью. Очерк антифеодальных выступлений горожан в Киеве XI—XII вв. дал М. К. Карагер (Ленинград). Б. А. Рыбаков в докладе «Государственная оборонительная система Киевской Руси» показал ее преимущественную ориентацию на юг, что подтверждает от-

существие опасности со стороны викингов на севере. Белорусский историк Г. В. Штыхов сделал интересные наблюдения в области сравнительного изучения политического строя Новгорода и Полоцка, выделив общие черты и специфику обоих городов. Т. Охманский (ПИР) ознакомил с результатами своих уточнений этнической границы между литовцами и кривичами. Наконец, В. Шушарин (Москва) дал очерк исторических судеб Нижнего Приднепровья в IX—XII вв.

На заключительном заседании, выступившие в прениях проф. Пьянков, Г. Ф. Соловьев, Бердзец, акад. Б. А. Рыбаков, Повель, Ю. В. Бромлей, Н. Котляр, Махно коснулись некоторых вопросов, поднятых в основных докладах, особенно отметив значение опыта периодизации и выделения специфических черт в раннефеодальном развитии славян, ценность нового археологического материала, пущенного в научный оборот.

В заключительном слове Б. А. Рыбаков отметил высокий уровень докладов и особенно их широкий диапазон, что, к сожалению, имело и теневую сторону, поскольку ни один из вопросов не был обсужден полностью. Он подчеркнул большую значимость обильного археологического материала, который все еще ждет настоящего обобщения. Горячо поблагодарив польских коллег за участие в сессии, Б. А. Рыбаков наметил тематику будущих сессий по вопросам раннефеодальной государственности у славян (формирование классового строя, анализ феодального землевладения, феодального строя XII—XIII вв. и др.).

Можно без преувеличения сказать, что состоявшаяся сессия — большое явление в исторической науке. Она собрала большой круг русских, польских, украинских и белорусских историков и сосредоточила их внимание на проблеме, имеющей первостепенный научный и политический интерес. Краткий перечень докладов и тематики не может дать полного представления о научной значимости сессии, об этом можно будет судить на основании опубликованных материалов. Однако уже сама тематика и основные линии методологического и источниковедческого анализа представляют большое значение. Главное внимание было на-

правлено на поиски общих закономерностей. Для всех докладов характерно обращение к сравнительно-историческому методу, основанному на сопоставлении археологических и письменных источников с западнославянскими. Сессия позволила осмотреться в собранном материале, подвела определенный итог и дала ориентировку на исследование проблемы в будущем, показав какое большое значение приобретает координация научных усилий разных институтов и отдельных научных сотрудников.

Вместе с тем, как нам кажется, выявились и существенные недостатки в организации исследования важнейшей проблемы, что сказалось уже в организации самой сессии: повестка дня не была достаточно продумана и являлась механическим соединением разных докладов и сообщений без учета их тематической связи и фактического удельного веса.

Отсутствие систематизации научных докладов в повестке дня сессии наложило отпечаток на прения: кардинальные вопросы обобщающих докладов не стали предметом всесторонней дискуссии, а частные доклады были в отрыве от главных. Многие проблемы не нашли должного освещения (вопросы внешнеполитических отношений, проблемы идеологии ранней государственности, культуры славянских народов).

Как ни парадоксально, но именно сессия показала, что ни одно из учреждений, принявших участие в сессии, фактически не является головной организацией в столице важной области, как изучение Древнерусского и раннеславянских государств. Эта важная область советской исторической науки в настоящее время не находит должного места в работе ведущих исторических научных центров. Ценная инициатива и большая организационная работа, проведенная в связи с сессией, является, очевидно, лишь началом нового подъема в этой области.

При всех недостатках сессия будет иметь безусловно положительные последствия, поскольку является началом координации усилий большого круга не только советских ученых, но и ученых социалистических стран.

Г. Э. Санчук

КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ В СОФИИ

В конце мая 1969 г. в Софии был проведен комплексный научный симпозиум на тему «Формирование и развитие социалистической культуры в Болгарии. Проблемы социалистического реализма». Симпозиум был посвящен 25-летию социалистической революции в Болгарии. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, явившийся головной организа-

цией с советской стороны, привлек к подготовке симпозиума сотрудников Института мировой литературы им. А. М. Горького и Института литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук Украины, Институт истории искусств Министерства культуры СССР, а также кафедры литературоведения и искусствознания Академии общественных наук при ЦК КПСС.

С болгарской стороны в симпозиуме участвовали сотрудники институтов искусствознания, литературы, музыки Болгарской академии наук. Всего на симпозиуме было прочитано 25 докладов, в которых рассматривались узловые вопросы теории и истории социалистической культуры Болгарии. Докладчики стремились раскрыть явления и закономерности, свойственные социалистической художественной культуре в целом.

Часть докладов была посвящена раскрытию историко-социологической базы явлений культуры, в другой преобладал философский и эстетический анализ, ряд докладов был посвящен проблемам типологии в различных видах литературы и искусства. В центре внимания докладчиков находились важные проблемы социалистического реализма: национальные особенности развития современной литературы и искусства Болгарии и их рассмотрение в историческом аспекте, проблема генезиса социалистической культуры и особенностей формирования литературы и искусства Болгарии на различных этапах развития, вопрос о стилем и художественном многообразии социалистического искусства в целом.

Симпозиум открылся 28 мая в Большом зале Болгарской академии наук. Присутствовали видные болгарские ученые, писатели, художники, искусствоведы, литературные критики и журналисты. Симпозиум был открыт вступительным словом чл.-корр. БАН, проф. А. Обретенова. Приветственное слово произнес руководитель советской делегации, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Большой интерес привлекли доклады советских и болгарских ученых, посвященные узловым проблемам становления и развития болгарской культуры, теоретическим проблемам марксистско-ленинской эстетики и социа-

листического реализма. Среди них доклады советских ученых: Д. Ф. Маркова «О стилевых тенденциях в болгарской литературе после 9 сентября 1944 г.», И. М. Шептурова «О некоторых закономерностях в развитии болгарской социалистической культуры», В. Р. Щербины «Лепни и проблемы прогресса литературы XX в.», В. И. Борщукова «Проблемы типологического изучения истории советской литературы 20—30 гг. в советском и болгарском литературоведении», В. В. Новикова «Ленинское понимание художественной правды»; болгарских ученых: А. Обретенова «Некоторые проблемы болгарской социалистической культуры», Г. Гочева «Проблемы конфликта и героя в современной болгарской драматургии (реальные и мнимые конфликты)», Ч. Добрева «О роли народа в современной драматургии», М. Кирова «Стileвые и идеально-художественные тенденции в современном болгарском изобразительному искусстве», В. Колевского «Основные проблемы социалистического реализма в болгарской литературе после 9 сентября 1944 г.» Были заслушаны доклады В. С. Кружкова, В. И. Злыднева, Е. П. Львовой, А. Александрова, Я. Паневой — они касались проблем развития идейно-художественных связей советской и болгарской культур. Вопросам развития современной литературы, драматургии, кино, фольклора, изобразительного искусства и музыки были посвящены доклады А. И. Овчаренко, Н. Н. Пономаревой, В. Захаржевской, Ю. И. Смирнова, Н. Инджевой, Д. Остоича, В. Крыстев, С. Илиева, Н. Милева, Т. Джиджевы.

Материалы прошедшего симпозиума решено позднее специальным сборником.

Е. Львова

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

22—24 апреля 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная конференция, посвященная проблеме «Славянские литературные языки в донациональный период».

Конференция собрала широкую и представительную аудиторию: помимо московских лингвистов в ней приняли участие лингвисты из многих городов Советского Союза (Киева, Минска, Риги, Львова, Калининграда, Свердловска, Воронежа, Таганрога, Грозного, Магнитогорска, Читы, Хабаровска и др.). В работе конференции участвовали также зарубежные ученые из Болгарии, ГДР, Югославии, США, ФРГ. На конференции было прочитано 16 докладов.

Три доклада были посвящены истории русского литературного языка.

В докладе акад. В. В. Виноградова «Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи» был дан обстоятельный критический анализ различных концепций и взглядов по вопросу о возникновении и дальнейшей эволюции древнерусского литературного языка.

Значительное внимание было уделено вопросу о роли церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. Докладчик отметил, что одной из важных задач изучения процесса развития древнерусского литературного языка является дальнейшее углубленное исследование закономерностей и различных ас-

пектов взаимодействия русизмов и церковнославянлизмов. В докладе были освещены и некоторые спорные вопросы, имеющие общетеоретическое и методологическое значение (понятие «литературности», соотношение понятий и терминов «письменный язык» и «литературный язык» и др.).

Два других доклада, затронувших проблематику русского литературного языка, имели иной, более частный характер. Конкретное исследование в плане соотношения церковнославянских и русских языковых черт представлял собой доклад Б. А. Успенского «Никоновская справа и русский литературный язык (История ударения в церковнославянских собственных именах в их отношении к русским литературным и разговорным формам)». Докладчик показал влияние церковнославянских (канонических) форм имен собственных на соответствующие русские формы (как литературные, так и разговорные) в процессе исторического взаимодействия двух языков. Со второй половины XVI в. в сфере церковнославянских имен собственных обнаруживаются две противоположные тенденции: великорусская и юго-западная, различие между которыми проявлялось прежде всего в ударении, в системе акцентов. Это различие нашло свое отражение и в развитии русских форм имен собственных: литературные формы собственных имен в абсолютном большинстве восходят к соответствующим каноническим формам XVI—XVII вв., причем преимущественно юго-западной церковной традиции; разговорные (просторечные) формы имен собственных обычно отражают великорусскую церковную норму произношения.

В докладе Г. Зикунда (ГДР) «Новый взгляд на развитие графической системы русского литературного языка в донациональный период» была сделана интересная попытка путем сопоставления старославянской и русской азбук по-новому истолковать силлабический (слововой) принцип русской графики.

Большое внимание на конференции было уделено проблемам истории украинского и белорусского литературных языков. Широкий круг вопросов был освещен в докладе Л. Л. Гумецкой «Общие и специфические особенности формирования украинского литературного языка». В докладе было отмечено, что в процессе формирования украинского литературного языка в донациональной период имели место некоторые черты, характерные и для развития других славянских литературных языков: стандартизованность письменно-литературного языка уже на начальном этапе его развития, его наддиалектический характер, функционирование на всей языковой (и этнической) территории. Были подчеркнуты и специфические черты в истории украинского литературного языка. Такой особенностью, отно-

сящейся к донациональному периоду, является переходный украинско-белорусский этап: в XIV—XV вв. в юго-западной части восточнославянской территории на древнерусской основе формируется общий украинско-белорусский письменно-литературный язык, который в разных своих видах просуществовал до середины XVII в. Этот общий украинско-белорусский письменно-литературный язык расцепляется затем на два литературных типа с разными диалектными основами и разными литературными нормами. Данная проблематика рассматривалась также в специальном содокладе В. В. Аниченко «Трансформация украинско-белорусского литературного языка в отдельные языки». В докладе А. И. Журавского «Проблема источников старобелорусского литературного языка» центральное место занимал вопрос о критериях установления собственно белорусских письменных памятников. Белорусский литературный язык на начальном этапе своего развития формировался в условиях письменного многоязычия, поэтому для древнего периода его истории этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение.

Своебордый аспект межславянских языковых отношений осветил М. Г. Булахов в докладе «Старобелорусский язык как посредник в русско-польских языковых связях XVI—XVII вв.». Докладчик отметил ряд экспралингвистических факторов, способствовавших широкому взаимопроникновению элементов русского и польского языков в донациональной период их развития. При этом было подчеркнуто, что нельзя рассматривать подобное взаимопроникновение языковых элементов только как результат прямого заимствования или двухстороннего обмена. В этом процессе значительную роль играл белорусский язык, выступавший активным посредником русско-польских языковых отношений.

Несколько докладов было посвящено южнославянским языкам. В докладе К. Гутшмидта (ГДР) «Влияние церковнославянского языка на развитие болгарского и сербского литературных языков» также нашла отражение актуальная проблематика взаимосвязи и взаимодействия славянских литературных языков. Доклад содержал ряд наблюдений, свидетельствующих о различной степени влияния церковнославянского языка на болгарский и сербский литературные языки. Свообразие путей образования первого литературного языка славян нашло оригинальное освещение в докладе Е. М. Вещагина «Билингвизм Киприлла и Мефодия и создание древнеславянского литературного языка». Характеристике специфических особенностей старославянской лексики был посвящен доклад Р. М. Цейтлин «О лексической норме старославянского языка». Тщательный анализ пятнадцати старославянских памятников X—

XI вв., близких по словарному составу и другим языковым особенностям, позволили показать, что по словоупотреблению эти памятники все же неоднородны, они распадаются на группы, каждой из которых присуща особая лексическая норма. В двух докладах была затронута проблематика истории болгарского литературного языка. Дискуссионный вопрос о начальном периоде формирования болгарского литературного языка был рассмотрен в докладе Е. И. Деминой «Вопрос о „начале“ современного болгарского литературного языка в свете общей перподизации истории литературного языка в Болгарии». Исходя из того, что критерий периодизации следует искать в особенностях самого функционирования литературного языка в той или иной историко-культурной ситуации, в смене этих ситуаций, докладчик выделяет следующие основные периоды истории литературного языка в Болгарии: 1) период с IX в. до конца XVI в., когда в роли единого литературного языка выступал древнеболгарский (древнеперковнославянский) язык; 2) период XVII—первой половины XIX в., который характеризуется сосуществованием различных типов письменного языка, претендующих на роль литературного, тенденцией к демократизации литературного языка, к сближению его с народно-разговорным языком; 3) период с 70-х годов XIX в. по настоящее время, характеризующийся единством общепринятого нормированного литературного языка (в письменной и устной разновидности), который развивается в рамках присущей ему аналитической структуры. По мнению Е. И. Деминой, принципиально важное значение имеет второй период, который должен составить предмет предыстории современного болгарского литературного языка.

При изучении истории того или иного литературного языка важное значение, как правило, имеет вопрос о соотношении двух его разновидностей: письменной и устной. Для многих славянских языков донационального периода характерно такое положение, когда литературный язык складывается и функционирует прежде всего как язык письменный. Единые нормы устной речи устанавливаются и стабилизируются позднее. Применительно к болгарскому языку вопрос о нормализации устной речи был рассмотрен в докладе Г. К. Венедиктова «Проблема устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского языка». Докладчик показал, что в начальный период становления норм болгарского литературного языка (вторая и третья четверти XIX в.) главное внимание уделялось кодификации письменных норм. Наряду с этим все же велась определенная борьба и за установление единства норм устной речи. При этом большую роль играло представление кодификаторов о диалектной основе лите-

ратурного языка: в зависимости от того, какой диалект признавался «чистым» болгарским наречием, по-разному определялись признаки «правильной» речи. Исследуя на конкретном материале сам процесс нормализации устной речи, докладчик отмечал, что не все ее уровни унифицировались в одинаковой мере. Большиними трудностями сопровождалось, в частности, установление единых орфографических норм. Все же, по мнению докладчика, к началу 70-х годов XIX в. некоторые нормы литературной речи в области грамматики (морфологии) и орфозии в основном уже определились. Менее определенной, с точки зрения единых норм, оставалась сфера лексики.

Вопросы, имеющие общеславянstическое значение и представляющие несомненный интерес с точки зрения теории литературных языков, были рассмотрены в докладе Н. И. Толстого «Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период». Термином «региональный литературный язык» докладчик определяет в той или иной степени нормированный письменный язык, связанный с отдельной диалектной достаточно обособленной территорией, функционирующими, как правило, в жанрово ограниченной сфере наряду с национальным литературным языком. Докладчик дал краткую характеристику современных славянских региональных литературных языков и показал, что некоторые из них имеют свою историю и восходят к донациональному периоду. В этот период наблюдается интенсивная конкуренция региональных, областных вариантов литературного языка, претендующих обычно на роль общего литературного языка. Специфика региональных литературных языков отчетливо проявляется при их сопоставлении с национальными литературными языками. Национальный литературный язык противопоставлен региональному по следующим основным признакам: а) поливалентность — неполивалентность, б) жанровая неограниченность — жанровая ограниченность, в) строгая нормированность — нестрогая нормированность, г) наличие устной формы и нормы — отсутствие устной нормы. В связи с характеристикой условий возникновения и функционирования отдельных славянских региональных литературных языков в докладе были затронуты и экстралингвистические моменты (в частности, дискуссионный вопрос о том, является ли фактор наличия отдельной нации необходимой предпосылкой возникновения и существования регионального литературного языка).

В трех докладах рассматривалась проблематика западнославянских языков. К. К. Трофимович посвятил свой доклад «Особенности становления лужицких литературных языков» постановке и рассмотрению ряда существенных проблем исто-

рап серболужицких литературных языков. В докладе большое внимание было уделено вопросам внешнелингвистическим и экстралингвистическим (об определении границ донационального периода в развитии лужицких языков, спорный вопрос о пакции и национальном языке лужицких сербов и др.). На основе разбора богатой литературы вопроса докладчик охарактеризовал также некоторые специфические черты процесса формирования и развития литературных языков лужичан (влияние немецкого языка — проблема двуязычия, позднее зарождение письменности на лужицком языке, роль пуризма и т. п.).

В докладе Л. Н. Смирнова «О роли А. Бернолака (1762—1813) в истории словацкого литературного языка» было раскрыто значение языковой реформы Бернолака в процессе становления и развития литературного словацкого языка. Охарактеризовав лингвистические труды Бернолака (по орфографии, грамматике и лексике), докладчик подчеркнул, что они представляют собой первую научно обоснованную программу по узаконению литературно-письменных норм словацкого языка. С именем Бернолака связан начальный этап формирования самостоятельного словацкого литературного языка, этап возникновения и функционирования первого варианта литературных **словацких** норм — бернолаковщины. Большое внимание в докладе было уделено роли и места бернолаковщины в истории словацкого литературного языка. Значение реформы Бернолака было показано как в плане лингвистическом, так и в более широком национально-культурном аспекте. В связи с этим отмечалось, что деятельность Бернолака и его последователей оказала заметное влияние на развитие словацкой национальной культуры, способствовала росту национального сознания словаков.

Важность и необходимость изучения до-литературного состояния языков была подчеркнута в докладе А. Е. Супруна «Полабская фразеология». Материал полабского языка, который за время своего существования не успел стать литературным языком, является в этом отношении весьма показательным. Детальный анализ устойчивых сочетаний полабского языка позволил обнаружить, что уже в до-литературный и донациональный период складываются некоторые черты, столь характерные для национальных литературных языков. Наблюдения, сделанные докладчиком, важны не только с точки зрения полабистики, но и в более широком славистическом аспекте. Доклад был интересен также тем, что в нем был поднят вопрос о количественной оценке стандартности, «образцовости» языков.

Работа конференции была успешной и плодотворной. В докладах, разнообразных по тематике, по направленности и приемам исследования, по конкретному языковому материалу, был рассмотрен широкий круг сложных, мало изученных, актуальных вопросов истории славянских литературных языков донационального периода. Серьезное внимание на конференции было уделено общетеоретическим и методологическим вопросам, проблематике взаимосвязи и взаимовлияния языков в ходе складывания и развития литературных норм. Правда, большинство докладов было посвящено проблематике отдельных славянских языков. Следует, однако, подчеркнуть, что такой подход важен не только с точки зрения истории данных славянских языков. Глубокое исследование ранней истории (или предыстории) отдельных славянских литературных языков является предпосылкой и необходимой базой их сравнительного и типологического изучения.

Л. Н. Смирнов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1969 г.

Статьи

Бейлис А. С. Исследования М. Димитрова по истории болгарского Возрождения	№ 3
Бернштейн С. Б. Из болгарской лексикологии и лексикографии	№ 4
Блинова Т. П., Славин Г. М., Сумарокова М. М. К истории создания Коммунистической партии Югославии	№ 4
Богданов М. Б. Разработка марксистско-ленинской концепции развития сербской литературы в 30-е годы	№ 6
Валев Л. Б. О состоянии и перспективах изучения в СССР новейшей истории зарубежных славянских стран	№ 1
Вулетич В. И. С. Тургенев и сербская литература	№ 1
Гавлик Л. Е. Представления о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии	№ 3
Гришина Р. П. Из истории идеологической борьбы БКП в 1929—1934 гг.	№ 4
Гришина Р. П. К проблеме народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1945 гг.)	№ 2
Гюров С. 25 лет социалистической революции в Болгарии	№ 5
Жигунов В. М. Мюнхенский говор и польская дипломатия	№ 5
Жуковская Л. П. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР	№ 1
Зарубин Л. А. Сходные сельскохозяйственные обычай индоарийцев и славян	№ 1
Зеленин В. В. В. И. Ленин о национальной революции южного славянства	№ 2
Иванова Т. А. Еще раз о «Русских письменах»	№ 4
Илюшин А. А. Опыт типологического сопоставления	№ 4
Киселев И. Н. Научные связи Академии наук СССР с Польской академией наук	№ 4
Кишкин Л. С. Россия в жизни и творчестве Миколаша Алеша	№ 6
Кишкин Л. С. Статья о русской литературе в «Карлсбадском альманахе» за 1831 год	№ 3
Клеванский А. Х. В. И. Ленин и борьба за создание революционной партии чехословацкого пролетариата	№ 4
Колесов В. В. Ударение производных имен существительных в праславянском языке	№ 2
Конобеев В. Д. Социально-экономическое положение «свободного» крестьянина в Болгарии в 60—70-х годах XIX в.	№ 2
Короляк В. Д. Ленинские места в Польше и Чехословакии в гравюрах К. С. Козловского	№ 3
Куделка М., Шимечек З. Словарь чехословацких славистов	№ 5
Кушко Э. Ленин и польский национальный вопрос	№ 3
Липатов А. В. Проблемы классицизма	№ 3
Лопатинская С. Московский протокол 9 февраля 1929 года	№ 1
Львова Е. Из наследия Александра Жендова	№ 1
Львова Е. Из истории советско-болгарских художественных связей и болгарской Ленинианы (20—30-е годы XX в.)	№ 5
Мокиенко В. М. Ареальный анализ местной географической терминологии и его интерпретация	№ 5
Наумов Е. П. Об авторстве анонимной болгарской хроники XV века	№ 3

Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете	№ 1
Паршута Ю. М. Об одном польском говоре на территории Латвийской ССР	№ 1
Пасиньский Ф. 25 лет Польской Народной Республике	№ 4
Ревзин И. И. Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категории имени существительного)	№ 3
Сидельников С. И., Сухарев В. В., Чернявский Г. И. Преподавание истории южных и западных славян в высшей школе	№ 2
Славин Г. И. Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии	№ 3
Смола О. П. Славянские мотивы в раннем творчестве Асеева	№ 5
Смяловский Ю. Формы неземледельческих заработков крестьян в горно-металлургических районах Королевства Польского	№ 6
Стекевич С. М., Якубский В. А. К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе	№ 6
Фрейдзон В. И. Об особенностях формирования нации в хорватских землях	№ 4
Чуркина И. В. Политическая программа Матии Маяра в 1848 году	№ 5
Шахова Л. Г. К вопросу о художественной концепции характера в тетралогии Димитра Талева	№ 2
Яковлева Н. Б. Поэзия Югославии в годы народно-освободительной борьбы (1941—1945)	№ 3

Сообщения и публикации

Мелешко В. И. К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в.	№ 2
Михутина И. В. Вступление СССР в Лигу наций и позиция польской дипломатии	№ 2
Пэк Л. Истоки кукольного фильма в Чехословакии	№ 2
Рейсер С. А. Русский вольнодумец XVIII в. о порабощении Польши	№ 2
Рогов А. И. Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению	№ 2

Люди, события, факты

Виноградов С. А. К вопросу о создании типографии в Сербском княжестве в 30-х годах XIX века	№ 5
Карасинская И. Станислав Лоренц	№ 2
Порудоминский В. И. Славянские связи В. И. Даля	№ 1
Цымбал Е. Страница из истории боевого содружества трудящихся СССР и придунайских стран в годы второй мировой войны	№ 1

Памятники славянской культуры

Львова Е. Из истории болгарского искусства конца XVIII—первой половины XIX века	№ 4
Островский Г. К вопросу о Кременецкой художественной школе	№ 5
Попов Г. В. Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюрой предшествующего столетия	№ 1
Попов Г. В. Малопозвестный памятник станковой живописи «юго-западной» школы XIV в. из Костромы	№ 3
Пущко В. Г. Памятник средневековой сербской живописи в Троице-Сергиевом монастыре	№ 6
Рогов А. И. Станислав Щепановский на королевском суде	№ 2

Критика и библиография

Агапкина Т. П. Польский театр в годы второй мировой войны	№ 3
Бевзенко С. Ф. Новый труд по истории закарпатских говоров	№ 1
Белкин Д. Работы пемецких ученых по славистике	№ 6
Бунина И. С. Б. Гернштейн, В. И. Ильин-Свityч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас	№ 3
Бэлза И. Новая работа Топоровского о Пушкине	№ 5
Валеева О. П., Иляхин М. И. Периодическое издание по истории болгарского профсоюзного движения	№ 5

Васильев Л. М. Архивные материалы о национальной политике Германии (Документы Лужицкого отделения)	№ 1
Венедиктов Г. К. П. Паюш. Българският глагол	№ 3
Волков В. К. Новые работы уральских балканистов	№ 4
Горский И. К. Новеллистическое новаторство Конопницкой	№ 2
Горский И. К. «Садружнась літератур»	№ 4
Гришина Р. П. Л. Беров. Положение рабочего класса в Болгарии при капитализме	№ 6
Дзензелевский И. А. Два сборника о Полесье	№ 6
Дьяков В. А. Jerzy N. Borejsza. Polska emigracja po powstaniu styczniowym	№ 2
Ермакова М. М. H. Schuster-Sewc. Sorbische Sprachdenkmäler XVI—XVIII Jahrhundert	№ 3
Захаров В. В. Новейшие работы хорватских и советских историков об аграрных отношениях в Задарском дистрикте	№ 4
Злупко С. Н. Юлиуш Лукасевич. Аграрный кризис на польских землях в конце XIX в.	№ 6
Каждап А. П. «Афонские архивы»	№ 3
Каждан А. П., Рубцова З. В. И. Займов. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителъските имена в българската топонимия	№ 5
Калнынь Л. Studien zur sprachlichen Interferenz	№ 4
Киршевская А. Н. К 50-летию Великого Октября	№ 1
Комкова Т. Чехи и словаки в первой мировой войне и Октябрьской революции	№ 2
Копруковняк А. «Rocznik Zubelski», t. I—X	№ 4
Копруковняк А. Stanisław Krzykafa. Rady Delegatów na Lubelszczyźnie 1918—1920	№ 6
Лаптева Л. П. Новые работы Фридго Метшка о лужицких сербах в системе немецких феодальных государств	№ 6
Лещиловская И. И. «Kolo»	№ 1
Л. К. Книга по истории русско-чешских литературных связей	№ 2
Л. К. Andrej Cerveňák. Vojanský a Turgenev	№ 4
Лозинский И. Н. О Галине Гурской тщательно и с любовью	№ 2
Мананчикова Н. П. Из новых работ по экономической истории Дубровника	№ 2
Марьина В., Мурашко Г. Схематическое освещение важной проблемы	№ 5
Мельцер Д. Б. Г. И. Чернявский. Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925—1929 годы	№ 2
Мыльников А. С. Новая книжная серия Государственной библиотеки ЧССР	№ 3
Мыльников А. W. Zeil. Bolzano und die Sorben	№ 4
Мыльников А. С. Я. Е. Пуркине. Собрание сочинений	№ 6
Нарроевский А. С. Советские танкисты в боях за освобождение Белграда	№ 5
Наумов Е. П. Новое издание «Летописи попа Дуклянина»	№ 4
Наумов Е. П. Документы по истории Сербии после освобождения от турецкого ига	№ 6
Недорезов А. И. Milan Varoš. Osudy zlatých pokladov	№ 1
Никитин С. А. С. В. Овнанин. Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в.	№ 6
Ольшанский П. СССР и славянские страны в «Документах внешней политики СССР»	№ 4
Панов В. Великий Октябрь и югославянские народы	№ 1
Пашуто В. Т. Трудпольского историка в первом столетии русской церкви	№ 6
Попков Б. С. W. Zajewski. Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1830—1831	№ 1
Попков Б. С., Дьяков В. А. Маркс, Энгельс и польское освободительное движение	№ 5
Софронова Л. Проблемы польского барокко	№ 6
Стрекалова З. Н. Новый словарь древнепольского языка	№ 3
Супрун А. Е. R. Olesch. Bibliographie zum Dravänpolabischen	№ 4
Тесемников В. Славолюб Цветкович. Прогрессивное молодежное движение в Югославии в 1919—1928 гг.	№ 6
Трусевич С. М. «Kraków w powstaniu styczniowym»	№ 6

УКАЗАТЕЛЬ

Фишер И. Р. К вопросу о путях аграрного развития стран Центральной Европы в XVI—XVIII вв.	№ 2
Фрейдзон В. И. Светозар Милетич и национальная партия	№ 6
Цейтлин Р. М. Йосип Врана. Вуканово евангелье	№ 2
Цыбенко Е. З. Исследование о проблемах романа в польской критике XIX века	№ 2
Черниавский Г. И. Из истории борьбы БКП за единый фронт в 20-х годах	№ 3
Чуркина И. В. И. И. Лещиловская. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения	№ 5
Штакельберг Ю. Заметки о сфрагистике восстания 1863 года. (По поводу статьи О. Максимайтене)	№ 1
Библиография	№ 1—6

Научная жизнь

Блинова Т. Т. К 50-летию Словацкой Советской Республики	№ 5
Бунина И. К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла	№ 5
В. П. Защита диссертаций	№ 4
Грачев В., Рогов А. Проблемы средневековой истории славянских стран	№ 3
Грачев В. П. VI Международный съезд славистов	№ 1
Збиневич Ф. Военно-исторический институт Министерства национальной обороны Польской Народной Республики	№ 5
Зеленин В. В. Симпозиум по истории балканского города	№ 5
Зуева Н. В., Шатохина Е. М. IV симпозиум по проблеме национального развития славянских народов	№ 4
И. К. Доклад посла Я. Штасинского	№ 4
Кишкин Л. С. Вопросы сравнительного литературоведения	№ 3
Клепикова Г. П., Блинова Т. П. Защита диссертаций	№ 3
Коваленко Л. В Каменец-Подольском педагогическом институте	№ 1
Лещиловская И. И. Идейно-политические аспекты славянской взаимности в XVIII—XX вв.	№ 2
Львова Е. Комплексный научный симпозиум в Софии	№ 6
Недорезов А. И. Новейшая история славянских стран	№ 2
Никольский С. Проблематика литературных жанров	№ 3
Парсаданова В. С. Научная сессия в Минске	№ 6
Пилишек Е. В. Сессия, посвященная 50-летию независимости Польши	№ 2
Пилишек Е. В. Сессия, посвященная 25-летию народной Польши	№ 6
Попова Т. В. Интересная работа по типологии славянских фонологических структур	№ 2
Резонов П. И. К 25-летию словакского восстания	№ 6
Саничук Г. Э. Научная сессия польских и советских историков, посвященная проблеме рабинофеодальных государств	№ 6
Смирнов Л. Н. Конференция по истории славянских литературных языков донационального периода	№ 6
Смирнова Р. Н. К 50-летию Чехословацкой республики	№ 2
Созин И. В. На кафедре истории южных и западных славян МГУ	№ 5
Стрижкова А. Защита диссертаций	№ 1
Флоря Б. Симпозиум по проблеме славяно-германских отношений	№ 5
Черных М. Ленинские чтения	№ 5
Шультгейс И. Конференция по германо-славянской топонимии и ономастике в Лейпциге	№ 5
Ю. С. Социальная история школьной системы в Чехословакии	№ 2

Некрологи

Бернштейн С. Б. Памяти Э. Петровича	№ 2
Джапаридзе Э. А. Ирина Григорьевна Сенкевич	№ 4
Мельничук А. С. Ярослав Баузэр	№ 4
Полянина Т. В. П. В. Линтур	№ 5
Стрекалова З. Зенон Клеменсевич	№ 5

CONTENTS

<p><i>M. B. Bogdanov.</i> Elaboration of the Marxist-Leninist conceptions of the development of the Serbian literature in the 30-ies. <i>L. S. Kiškin.</i> Russia in Mikulaš Aleš's life and work. <i>J. Smiałowski</i> (Poland). Forms of non-agricultural larnings of the peasants in the metallurgical regions of the Polish Kingdom's highlands. <i>S. M. Stećkevič, V. Ja. Jakubskij.</i> The history of Slavs in higher schools</p> <p style="text-align: right;">3</p> <p style="text-align: center;">MONUMENTS OF SLAV CULTURE</p> <p><i>V. G. Putsko.</i> A Peace of Mediaeval Serbian Art in the Monastery of Troitse-Sergiyev</p> <p style="text-align: right;">54</p> <p style="text-align: center;">BIBLIOGRAPHY</p> <p><i>R. P. Grišina, L. Berov.</i> Položenie rabočego klassa w Bolgarii pri kapitalizme. <i>V. Tesemnikov.</i> Slavoljub Cvetković. Progressivnoe molodežnoe dvijenie v Jugoslavii v 1919—1928 gg. <i>S. N. Zlupko.</i> Juliusz Lukasiewicz. Agrarnyj krizis na polskih Zeml'ah v konce XIX v. <i>L. P. Lapteva.</i> Frido Měťsk's new works on the Lusatian Sorbs in the system of the German feudal states. <i>S. A. Nikitin.</i> S. V. Ovnjanjan. Arm'ano-bolgarskie istoričeskie sv'aži i arm'anskie kolonii v Bolgarii vo vtoroj polovine XIX v. <i>V. I. Frejdzon.</i> Svetozar Miletić and the National Party. <i>A. S. Mylnikov.</i> J. E. Purkiňe. Selected Writings. <i>L. Sofronova.</i> The problems of the Polish baroque. <i>V. T. Pashuto.</i> A Book by a Polish Historian on the first Century of the Russian Church. <i>I. A. Dzendzelevskij.</i> Two collective works about Polesje. <i>A. Koprukowski</i> (Poland). Stanisław Krzykała. Rady Delegatów na Lubelszczyźnie 1918—1920. <i>Je. P. Naumov.</i> Documents on the history of Serbia after its deliberation from the Turkish yoke. <i>S. M. Trusievich.</i> «Kraków w powstaniu styczniowym». <i>D. Belkin.</i> The works of German scientists on Slavic studies. <i>I. N. Lozinskij.</i> About Galina Gorska with great care and enthusiasm</p> <p style="text-align: right;">59</p> <p style="text-align: center;">B i b l i o g r a p h y</p> <p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1969. The contents of foreign periodicals</p> <p style="text-align: right;">96</p> <p style="text-align: center;">SCIENTIFIC LIFE</p> <p><i>P. I. Rezonov.</i> On the 25-th anniversary of the Slovak uprising. <i>V. S. Parsadanova.</i> A scientific session in Minsk. <i>K. V. Pilišek.</i> A session on the 25-th anniversary of People's Poland. <i>G. E. Sančuk.</i> A scientific session of the Polish and Soviet historians on the problem of early feudal states. <i>E. Lvova.</i> The Complex Scientific Simposium in Sofia. <i>L. N. Smirnov.</i> A conference on the history of the Slavic literary languages in the pre-national period</p> <p style="text-align: right;">102</p> <p>Index of the articles and materials published in the magazine in 1969</p> <p style="text-align: right;">116</p>

Технический редактор Т. А. Михайлова

Сдано в набор 18/VIII-1969 г.	Т. 15028	Подписано к печати 21/X-1969 г.	Тираж 1125 экз.
Зак. 2651	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 10,5	Бум. л. 3 ³ / ₄

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ж 17

Р

Б ОРДЫНКА
 д 34/38 кв 40
 ТОЛСТОМУ Н И
 70891
 1-12

Цена 1 р./б.
 Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

**Принимается подписка на журналы
на 1970 год**

Название журнала	Кол-во номеров в год	Подписная цена на год
Азия и Африка сегодня	12	3—60
Вестник древней истории	4	9—60
Вопросы языкоизнания	6	7—20
Известия Академии наук СССР		
Серия литературы и языка	6	5—40
Известия Академии наук СССР		
Серия экономическая	6	7—50
Известия Сибирского отделения		
Академии наук СССР		
Серия общественных наук	3	2—10
История СССР	6	7—20
Латинская Америка	6	6—00
Народы Азии и Африки	6	9—60
История, экономика и культура		
Новая и новейшая история	6	6—90
Русская литература	4	4—00
Советская археология	4	10—00
Советская этнография	6	10—80
Советское славяноведение	6	6—00
Советское государство и право	12	8—40
Экономика и математические методы	6	7—50
Экономика и организация промыш- ленного производства	6	6—60

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ ПРИНИМАЕТСЯ
 ВСЕМИ ГОРОДСКИМИ И РАЙОННЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ «СОЮЗПЕЧАТИ»,
 ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ СВЯЗИ